

ВЕСТНИК МГЛУ

***СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ № 4 (119) / 2022***

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, Е. А. Булат, А. Н. Гордей, Е. А. Гапанович,
Е. Г. Задворная, Т. В. Поплавская,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Горожанов А. И., Гусейнова И. А., Степанова Д. В.</i> Стандартизированная процедура получения статистических параметров текста (на материале цикла рассказов Дж. Лондона «Смок Белью. Смок и Малыш»)	7
<i>Жупинская А. В.</i> Стратегия защиты личного пространства и средства ее языковой реализации в медийном интервью	14
<i>Карневская Е. Б.</i> Языковая специфика модификаций безударных гласных как ключ к распознаванию иноязычного акцента	22
<i>Ревуцкая Е. А.</i> Познавательный статус имени собственного в сопоставительном изучении поэтического текста	30
<i>Сытько А. В.</i> Деонтическое высказывание и негативная оценка (на материале немецкого и русского языков)	37

Романское и германское языкознание

<i>Беликова Е. А.</i> Функционирование отрицательных конструкций в композиционной структуре научного текста	48
<i>Жукова А. О.</i> Пространственная семантика английских предлогов, обозначающих близкое расположение	56
<i>Пантелеенко О. А.</i> Лексико-семантические способы образования эргонимов вальдостанского региона Италии (на материале наименования отелей)	69
<i>Радион Е. Н.</i> Ограничения тематического репертуара в семейной коммуникации	76
<i>Угринович А. Н.</i> Функционирование эксплицитных средств выражения компаративности в немецкоязычных СМИ	84

Исследования славянских языков

<i>Жупинская А. В.</i> Смена темы как тактика защиты личного пространства в русскоязычном медийном интервью	92
<i>Марченко О. В.</i> Коммуникативная ситуация отказа от реализации коммуникативного замысла и смежные явления (на материале русскоязычных диалогов)	100

Исследования восточных языков

<i>Харитончик З. А., Ян Ли.</i> О переводе русских диминутивов на китайский язык	107
--	-----

Литературоведение

<i>Барысюк Т. П.</i> Функцыі англіцызмаў у сучаснай беларускай паэзіі	118
<i>Богдан А. І.</i> “Wojna moskiewska wzniecona i prowadzona z okazji fałszywych Dymitrów od 1603 do 1612 R.” Іосіфа Будзілы: гісторыя ўзнікнення і мастацкія асаблівасці помніка	127
<i>Пань Гаодзинь.</i> Литературная теория С. Т. Колриджа и Т. С. Элиота: компаративный аспект	134

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Gorozhanov A. I., Guseinova I. A., Stepanova D. V.</i> Standardized Procedure for Obtaining Statistical Parameters of a Text (on the material of the stories by J. London “Smoke Bellew. Smoke and Shorty”).....	7
<i>Zhupinskaya A.</i> Privacy Protection Strategy and Language Means of its Realization in Media Interviews	14
<i>Karnevskaya E. B.</i> Language-Specific Variation of Unstressed Vowels as a Clue to Recognizing a Foreign Accent	22
<i>Revutskaya A.</i> Cognitive Status of the Proper Name in the Comparative Analysis of a Poetic Text.....	30
<i>Sytko A. W.</i> Deontic Statement and Negative Evaluation (based on the German and Russian languages).....	37

Romance and Germanic Linguistics

<i>Belikova E.</i> Negative Constructions in the Scientific Text: Structural and Semantic Aspects.....	48
<i>Zhukava H.</i> Spatial Semantics of English Prepositions Denoting Proximity	56
<i>Panteleenko A.</i> Lexico-Semantic Methods for Forming Ergonyms in the region of Valle d’Aosta of Italy (based on hotel names).....	69
<i>Radion E.</i> Limitations of Topical Repertoire in Family Communication	76
<i>Ugrinovich A.</i> Functioning of Explicit Means of Expressing Comparativity in the German Media.....	84

Slavonic Languages

<i>Zhupinskaya A.</i> Topic Change as a Privacy Protection Tactic in Russian Media Interviews	92
<i>Marchanka V. U.</i> Communicative Situation of Refusal to Realize the Communicative Intention and Related Phenomena (based on Russian Dialogues)	100

Studies of Oriental Languages

<i>Kharitonchik Z. A., Yang Li.</i> On the Translation of Russian Diminutives into Chinese	107
---	-----

Studies in Literary

<i>Barysiuk T. P.</i> Functions of Anglicisms in Contemporary Belarusian Poetry.....	118
<i>Bohdan A. I.</i> “Wojna Moskiewska Wzniesiona I Prowadzona Z Okazji Fałszywych Dymitrów Od 1603 Do 1612 R.” by Josef Budyło: History of Creation and Artistic Features of the Monument	127
<i>Pan Gaojin.</i> S. T. Coleridge’s and T. S. Eliot’s Literary Theory: Comparative Aspect	134

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81'33

Горожанов Алексей Иванович

доцент, доктор филологических наук, профессор
кафедры грамматики и истории немецкого языка
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Московский государственный
лингвистический университет»
г. Москва, Россия

Alexey Gorozhanov

Associate Professor, Habilitated Doctor
of Philology, Professor at the Department
of German Grammar
and History
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia
a_gorozhanov@mail.ru

Гусейнова Иннара Алиевна

доцент, доктор филологических наук,
профессор кафедры лексикологии и стилистики
немецкого языка
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Московский государственный
лингвистический университет»
г. Москва, Россия

Innara Guseinova

Associate Professor, Habilitated Doctor
of Philology, Professor at the Department
of German Lexicology and Stylistics
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia
ginnap@mail.ru

Степанова Дарья Валерьевна

кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры теории и практики
английской речи
Минский государственный лингвистический
университет
г. Минск, Беларусь

Darya Stepanova

PhD, Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of English Theory
and Speech Practice
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
daryastepanova79@gmail.com

СТАНДАРТИЗИРОВАННАЯ ПРОЦЕДУРА ПОЛУЧЕНИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ ТЕКСТА (на материале цикла рассказов Дж. Лондона «Смок белью. Смок и малыш»)

STANDARDIZED PROCEDURE FOR OBTAINING STATISTICAL PARAMETERS OF A TEXT (on the material of the stories by J. London "Smoke Bellew. Smoke and Shorty")

Статья посвящена проблеме интерпретации художественного произведения точными методами. Рассматривается возможность и эффективность использования современных программных инструментов для определения статистических параметров аутентичных текстов. Написанные на языке программирования Python коды с применением библиотеки обработки естественного языка spaCy позволили разработать процедуру нормализации текста и получить количественные данные о заданных параметрах текста для анализа его содержания.

*К л ю ч е в ы е с л о в а : нормализация текста; токен; библиотека spaCy; идио-
стиль; статистические параметры текста; программный код.*

The article deals with the problem of application of precise methods of linguistic research to fiction interpretation. The article examines the possibility and efficiency of using modern software tools to determine the statistical parameters of the unmarked original fictional texts. The developed Python library programs based on the spaCy natural language processing allow the authors of the article to develop the procedure of text normalization and to obtain the frequencies of the given text parameters to analyze its content.

Key words: text normalization; token; spaCy library; ideostyle; statistical parameters of the text; programming code.

Творчество Дж. Лондона до сих пор интересует многих лингвистов и литературоведов, а также специалистов в области лингводидактики, которые видят в текстах писателя большой потенциал для анализа и практического использования в своих профессиональных сферах [1; 3; 4].

В представленной работе мы преследуем цель с помощью современных программных инструментов проанализировать цикл рассказов Дж. Лондона «Смок Белью. Смок и Малыш» для фиксации статистических параметров аутентичных текстов, что впоследствии поможет провести исследование, направленное на получение параметров идиостиля автора на синтаксическом и семантическом уровнях.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) стандартизировать процедуру нормализации текста для эффективной работы с помощью библиотеки обработки естественного языка spaCy;
- 2) получить программным способом общие статистические параметры исследуемого массива текстов;
- 3) получить программным способом данные о синтаксической и частеречной характеристике текста;
- 4) выявить некоторые идиостилистические языковые единицы в исследуемом тестовом массиве.

Методами исследования являются автоматический и автоматизированный программный анализ, а также синтез полученных данных.

Для решения первой задачи был выбран язык программирования высокого уровня Python, который на текущий момент является мировым лидером по популярности благодаря своей универсальности и наличию большого набора библиотек для решения различных прикладных задач, например, библиотека spaCy, представляющая собой набор разнообразных инструментов для расширенной обработки естественного языка. На языке Python был разработан программный код, который можно применять для работы практически с любым электронным текстом формата TXT, в том числе полученным из файла PDF. Под нормализацией здесь мы понимаем трансформацию текста в такой вид, который был бы удобен для автоматической обработки с помощью специализированного программного обеспечения. Этот процесс проводился в несколько этапов:

- 1) замена двойных символов переноса строки на одинарный символ переноса строки;
- 2) замена символов переноса строки на единичные пробелы;

3) удаление серий из двух и более пробелов с заменой их на одинарный пробел (листинг 1):

```
# Нормализация
f = open("London/LondonAll.txt", "r", encoding="utf-8")
text = f.read()
f.close()
text = text.replace("\n\n", "\n")
text = text.replace("\n", " ")
while " " in text:
    text = text.replace(" ", " ")
f = open("London/LondonAll01.txt", "w", encoding="utf-8")
f.write(text)
f.close()
```

Листинг 1. Код универсальной программы нормализации текста

В результате работы приведенной программы осуществляется трансформация исходного текста фактически в один абзац, что представляется целесообразным в свете решения последующих задач исследования.

В рамках решения второй задачи исследования с помощью библиотеки обработки естественного языка spaCy были получены общие статистические параметры текста, под которыми понимаются данные о количестве токенов и предложений в тексте (листинг 2):

```
# Определение количества токенов и предложений
f = open("London/LondonAll01.txt", "r", encoding="utf-8")
text = f.read()
f.close()
doc = nlp(text)
print(len(doc))
for index, sent in enumerate(doc.sents):
    pass
print(index+1)
```

Листинг 2. Фрагмент кода программы для получения общих статистических данных

В результате в тексте было выявлено 119 962 токена и 8 012 предложений. Здесь под *токеном* понимаются единицы, полученные в ходе работы токенизатора spaCy, которые преимущественно представлены словами и знаками пунктуации. На предложения текст также разделяется по внутренним правилам spaCy. Как правило, в качестве формальных разделителей здесь выступают точки, а также вопросительные и восклицательные знаки.

В результате решения третьей задачи исследования с помощью библиотеки spaCy были получены данные о синтаксической и частеречной характеристике текста. Прежде всего нами был выявлен частеречный состав токенов (листинг 3):

```

# Части речи
f = open("London/LondonAll01.txt", "r", encoding="utf-8")
text = f.read()
f.close()
doc = nlp(text)
partsList = []
for token in doc:
    if token.pos_ not in partsList:
        partsList.append(token.pos_)
print(partsList)

```

Листинг 3. Фрагмент кода программы для получения списка частей речи

Заметим, что под *частями речи* здесь понимаются особые категории spaCy, которые только частично совпадают с привычным для лингвистов списком частей речи (приводятся принятые spaCy сокращения и их расшифровка):

PUNCT (punctuation); NOUN (noun); VERB (verb); PRON (pronoun); ADP (adposition); DET (determiner); AUX (auxiliary); ADJ (adjective); ADV (adverb); PROPN (proper noun); CCONJ (coordinating conjunction); PART (particle); SCONJ (subordinating conjunction); NUM (numeral); INTJ (interjection); X (other; т.е. spaCy не смог классифицировать токен); SYM (symbol).

Далее были уточнены количественные показатели:

PUNCT : 22665; *NOUN* : 18119; *VERB* : 14391; *PRON* : 13104; *ADP* : 10683; *DET* : 9831; *AUX* : 6246; *ADJ* : 5366; *ADV* : 4744; *PROPN* : 4205; *CCONJ* : 3933; *PART* : 2748; *SCONJ* : 1927; *NUM* : 1701; *INTJ* : 282; *X* : 13; *SYM* : 4.

Указанный результат был получен в ходе исполнения следующей программы (листинг 4):

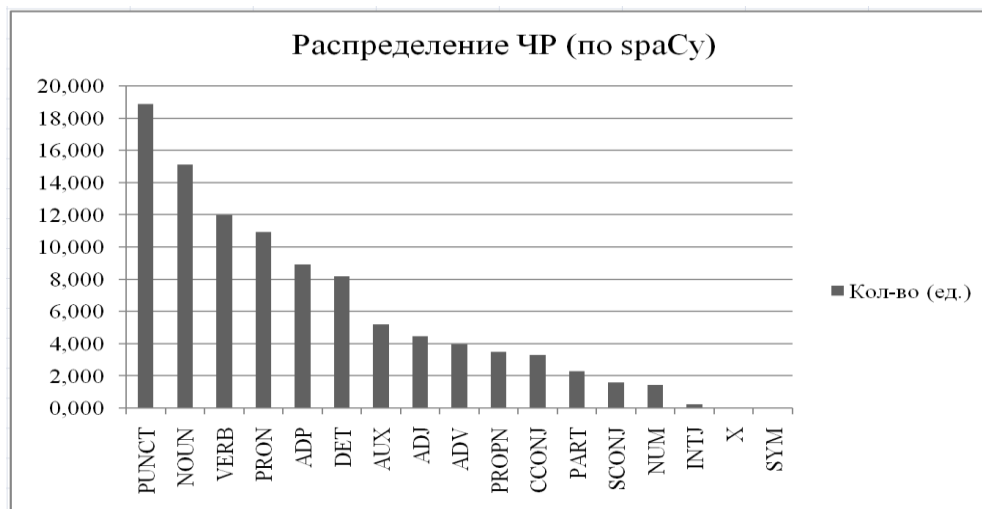
```

# Части речи, количество
f = open("London/LondonAll01.txt", "r", encoding="utf-8")
text = f.read()
f.close()
doc = nlp(text)
partsList = {}
for token in doc:
    if token.pos_ not in partsList.keys():
        partsList[token.pos_] = 1
    else:
        num = partsList[token.pos_]
        partsList[token.pos_] = num+1
uniqueAll = []
for i in sorted(partsList.items(), key=lambda kv: kv[1], reverse = True):
    uniqueAll.append(i[0] + " : " + str(i[1]))
print(uniqueAll)

```

Листинг 4. Фрагмент кода программы
для получения количественных показателей по частям речи

Представим полученные данные в виде графика (рисунок):

Распределение частей речи (в соответствии с библиотекой spaCy)

Синтаксическая характеристика, которую можно извлечь из этих данных, сводится к концентрации в тексте сложноподчиненных предложений (SCONJ [subordinating conjunction] : 1927, т.е. 24 % от общего количества предложений, хотя и с некоторой долей погрешности, поскольку количество подчинительных союзов, определенных spaCy, не обязательно точно совпадет с реальным количеством сложноподчиненных предложений в тексте). Извлечь абсолютно точные сведения о сложносочиненных предложениях статистическим путем на этом этапе исследования не представляется возможным, поскольку определенные в качестве сочинительных союзов токены могут не участвовать в образовании сложносочиненных предложений, а, например, оформлять конъюнкцию второстепенных членов предложения.

Для решения четвертой задачи, направленной на выявление некоторых идиостилистических языковых единиц, по каждой части речи были получены данные о частотности начальных форм (например, для глаголов – форм инфинитива, для существительных – форм единственного числа и т. д.). Начальную форму единицы spaCy определяет автоматически (листинг 5):

```
# Частотность по частям речи
f = open("London/LondonAll01.txt", "r", encoding="utf-8")
text = f.read()
f.close()
doc = nlp(text)
verbs = {}
for token in doc:
    if token.pos_ == "X":
        if token.lemma_ not in verbs.keys():
            verbs[token.lemma_] = 1
    else:
        num = verbs[token.lemma_]
        verbs[token.lemma_] = num+1
```

```

uniqueAll = []
for i in sorted(verbs.items(), key=lambda kv: kv[1], reverse = True):
    uniqueAll.append(i[0] + " : " + str(i[1]))
print(uniqueAll)

```

Листинг 5. Фрагмент кода программы для получения частотных списков по частям речи

Например, среди глаголов лидерами по частотности оказались следующие:
get : 481; *go* : 414; *say* : 399; *come* : 372; *see* : 305; *be* : 284; *know* : 281; *have* : 251; *make* : 238; *do* : 225; *take* : 177; *look* : 164; *tell* : 144; *find* : 111; *want* : 96; *give* : 96; *eat* : 94; *turn* : 93; *keep* : 91; *let* : 86; *answer* : 86; *start* : 85; *hear* : 84; *run* : 83; *fall* : 82; *think* : 80; *break* : 79; *begin* : 77; *hold* : 76; *shake* : 71; *catch* : 71; *ask* : 66; *wait* : 66; *stand* : 63; *follow* : 62; *put* : 62; *cry* : 61; *sit* : 61; *call* : 60 и т.д.

Очевидно, что самыми частотными здесь являются самые распространенные английские глаголы, однако уже показательными для исследуемого текста являются *eat* (тема еды – одна из центральных в творчестве Дж. Лондона); *start*, *run*, *begin* (характеризуют динамику действий, активность персонажей); *catch* (отождествляется с удачей, получением прибыли); *wait*, *sit* (характеризуют терпение как добродетель).

Для существительных также приведем первые позиции полученного списка:
smoke : 658; *man* : 435; *time* : 217; *dog* : 201; *day* : 188; *hand* : 186; *snow* : 171; *foot* : 163; *egg* : 158; *way* : 153; *eye* : 134; *dollar* : 131; *mile* : 129; *trail* : 129; *fire* : 115; *boat* : 103; *night* : 101; *hour* : 97; *ice* : 97; *head* : 95; *minute* : 93; *cabin* : 90; *camp* : 87; *face* : 86; *thing* : 83; *gold* : 82; *pound* : 79; *side* : 79; *meat* : 77 и т.д.

Все существительные составляют своего рода «реферат» к циклу рассказов: *Smoke* – имя главного героя; *man*, *dog* – основные действующие лица, и тут собаки иногда оказываются важнее и нужнее людей; *day*, *snow*, *night*, *ice* – описание окружающего пространства; *hand*, *foot*, *eye*, *mile*, *head* – внимание к эмоциям, деталям описания персонажей; *time*, *day*, *foot*, *hour*, *minute*, *pound* – подчеркивают важность точности измерений времени, протяженности и веса, внимание к деталям; *way*, *trail*, *boat* – характеризуют перемещение на дальние расстояния; *dollar*, *gold* – тема денег и богатства; *egg*, *meat* – тема еды.

Приведем также и часть списка прилагательных (точнее, токенов, которые spaCy отнес к прилагательным):

other : 155; *good* : 132; *first* : 95; *more* : 87; *big* : 85; *last* : 85; *old* : 84; *same* : 72; *long* : 65; *many* : 63; *own* : 62; *several* : 60; *right* : 60; *next* : 56; *great* : 52; *little* : 50; *young* : 50; *sure* : 47; *bad* : 44; *much* : 42; *short* : 41; *white* : 41; *cold* : 41; *low* : 41; *heavy* : 40; *few* : 39; *hard* : 39 и т.д.

Здесь достаточно интересна первая позиция *other*, что, скорее, является признаком идиостиля писателя. Остальные прилагательные, с одной стороны, являются достаточно распространенными в английском языке, с другой, характеризуют стиль Дж. Лондона как ясный, с четко обозначенными признаками персонажей, предметов и явлений. Заметим, что лидирующие характеристики являются в большинстве своем «положительными» [2].

Таким образом, в ходе представленного исследования нами была разработана процедура нормализации, которую можно применять в отношении практически любых текстов и языков, имеющих буквенное письмо.

Далее нами были написаны программы для получения статистических данных о тексте, например, о количестве токенов и предложений. При этом были использованы возможности библиотеки обработки естественного языка *sraСу*, что позволило нам также получить достаточно точные данные о синтаксической и частеречной характеристике текста. При этом необходимо учитывать, что под частями речи *sraСу* понимает достаточно своеобразный набор и наряду с «традиционными» единицами включает в него такие категории как, например, знаки пунктуации и символы. На этом этапе особенностью текста можно считать высокую концентрацию в нем подчинительных союзов.

Интересный материал был получен в результате частотного анализа лексических единиц текста по частям речи, в частности ярко прослеживается важность тем «еда, приемы пищи» и «деньги, богатство», наблюдается частое использование прилагательного *other*. Писатель внимателен к описанию персонажей и пространства.

В качестве перспективы исследования представляется целесообразным проанализировать текст не на уровне отдельных токенов, а обратить внимание на их сочетания, рассматривая паттерны типа «часть речи 1 + часть речи 2» и т.п.; составить размеченный сбалансированный корпус цикла рассказов с целью анализа языковых средств для описания персонажей, пространственных и временных характеристик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барботько, У. Д. К вопросу об изучении имен прилагательных (на материале рассказа Дж. Лондона «Костер» на английском и русском языках) / У. Д. Барботько, С. Н. Семенова // *Соврем. шк. России. Вопр. модернизации.* – 2022. – № 2–1 (39). – С. 116–117.
2. Горожанов, А. И. Прикладные аспекты анализа и интерпретации текстов (на материале немецкого и русского языков) / А. И. Горожанов, И. А. Гусейнова. – Казань : О-во с огранич. ответственностью «Бук», 2021. – 208 с.
3. Девятов, С. Ф. Развитие главного героя Мартина Идена в романе Джека Лондона / С. Ф. Девятов // *Инновации. Наука. Образование.* – 2022. – № 50. – С. 2661–2665.
4. Ефремова, Г. А. Речевой портрет главного героя : индивидуальные речевые особенности и способы их передачи при переводе (на примере романа Джека Лондона «Мартин Иден») / Г. А. Ефремова, С. А. Истомина // *Евраз. Науч. Об-ние.* – 2021. – № 6–6 (76). – С. 454–457.

Поступила в редакцию 12.07.2022

Жупинская Анна Викторовна
аспирант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anna Zhupinskaya
PhD Student of the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
annzup@mail.ru

СТРАТЕГИЯ ЗАЩИТЫ ЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА И СРЕДСТВА ЕЕ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ В МЕДИЙНОМ ИНТЕРВЬЮ

PRIVACY PROTECTION STRATEGY AND LANGUAGE MEANS OF ITS REALIZATION IN MEDIA INTERVIEWS

В работе рассматривается стратегия защиты личного пространства в медийном интервью и устанавливается идентичность набора реализующих ее тактик в англо- и русскоязычном интервью. Для большинства тактик фиксируется наличие языковых средств, характеризующихся регулярностью использования и являющихся типичными для реализации данной тактики.

Ключевые слова: медийное интервью; личное пространство; тактики защиты; языковые средства реализации; русский язык; английский язык.

The article deals with the privacy protection strategy in media interviews and establishes the identity of tactics that realizes the strategy in English and Russian interviews. Most tactics have a number of language means of their realization that are characterized by regular occurrence and are typical for each tactic.

Key words: media interview; privacy; protection tactics; language realization means; the Russian language; the English language.

В медийном дискурсе интервью является одним из ведущих жанров, который имеет свои особенности реализации в каждом из типов СМИ. В развитии современного медийного дискурса можно отметить несколько тенденций, проявляющихся, в том числе, и в интервью как одном из его ядерных жанров.

В о - п е р в ы х, медийный дискурс считается одним из видов дискурса, наиболее подверженных воздействию со стороны бытовой коммуникации [1, с. 130–131], которое усиливается под влиянием интернет-СМИ. Речевое поведение участников сетевых интервью во многом обусловлено проникновением элементов разговорного дискурса, таких как несоблюдение регистра, использование нецензурной лексики, молодежного жаргона и т.п. (см. [2; 3; 4] и др.).

В о - в т о р ы х, отмечается явная коммерциализация медийной сферы [2], ориентация на интересы и потребности массовой аудитории, что приводит к постепенной переориентации СМИ в сторону все более развлекательного формата [3]. Среди последствий такого смещения можно отметить существенное расширение тем, обсуждаемых с массовой ауди-

торией [4], изменения в структуре интервью, связанные с пересмотром традиционного распределения ролей (см. [5; 6] и др.), провокационность поведения журналиста [3; 4] и повышенное внимание к личной жизни интервьюируемых.

На тактико-стратегическом уровне названные изменения в жанре интервью приводят ко все более широкой употребительности иницилирующей стратегии вторжения в личное пространство говорящего, а также реактивной стратегии защиты личного пространства.

В данной работе рассматривается стратегия защиты личного пространства в русскоязычных и англоязычных медийных интервью. Цель исследования – установление языковых средств, характерных для реализации каждой из тактик, составляющих стратегию защиты личного пространства.

Материалом исследования послужили около 220 контекстов, содержащих вторжение в личное пространство со стороны интервьюера и соответствующую защитную реакцию, реализуемую интервьюируемым. Критерием для отбора материала выступил тематический критерий, описанный в работах О. С. Иссерс и О. Е. Фроловой и основанный на этической допустимости обсуждения тех или иных тем в публичном пространстве [7; 8]. К темам, рассматриваемым как личные, относятся вопросы негативного личного опыта, социально неодобряемых форм поведения, физиологии, доходов, веры, личных и семейных отношений.

Анализ отобранных контекстов показал идентичность тактической реализации стратегии защиты личного пространства в англоязычных и русскоязычных интервью, несмотря на наличие в них существенных экстралингвистических различий (время появления провокационных элементов, степень их концентрации, превалирующий формат СМИ и т. д.). Так, стратегия защиты включает семь основных тактик: *смену темы, неопределенный ответ, шутку, эксплицитный отказ от ответа, критику вопроса/спрашивающего, метаязыковой комментарий вопроса и переадресацию*.

Тактика **смены темы** заключается в смещении фокуса обсуждения на тему, которая с точки зрения интервьюируемого является менее личной или опасной. Данная тактика может быть реализована в двух вариантах: развитие темы вопроса в направлении, избранном интервьюируемым, и обращение к новой теме.

Первый вариант предполагает использование смежной темы и в аспекте языковых средств характеризуется использованием лексики из одной тематической группы:

- *Когда **свадьба**?*
- *Ты знаешь, Константин сделал мне **предложение** около 2 лет назад. Мы сели и поговорили здраво (И. Шихман – Е. Варнава);*
- *Would you like **a little girl**?*
- *You know, I have got **three boys** at the moment that are hard work. They are very, very active (L. King – V. Beckham).*

Так, в данных примерах лексемы *свадьба* и *предложение* входят в один фрейм, а лексемы *girl* и *boy* являются согипонимами, подчиненными общему гиперониму *children*.

В т о р о й в а р и а н т, использующий кардинальную смену темы, отличается меньшей степенью семантической связности и с точки зрения языковых средств реализации предполагает практически полное отсутствие в ответной реплике лексики из тематической группы, используемой в вопросе:

– *Начнем с того, что самой главной тайной в Вашей жизни стала тайна Вашего отца.*

– *Да. Хотя знаете, <...> душенька, давай поговорим о высоком. Сейчас у нас год литературы* (Ю. Меньшова – Л. Максакова);

– *I mean, you know... It's interesting that you have a different view on violence, and I'm just trying to explore that.*

– *And I'm here to sell my movie. This is a commercial for the movie* (К. Guru-Murthy – Q. Tarantino).

Переход к новой теме может быть дополнительно маркирован при помощи инклюзивного императива (императива 1-го лица) с глаголом речи. Для данной разновидности тактики можно говорить о наличии клишированной формулы реализации, которая в наиболее общем виде строится по модели «давайте лучше поговорим о...» («let's speak about...»).

Неопределенный ответ как тактика защиты личного пространства заключается в подмене содержательного ответа неопределенным или обобщенно-неопределенным высказыванием по теме вопроса.

Анализ фактического материала позволяет выделить две разновидности данной тактики: собственно неопределенный ответ и обобщенно-неопределенный ответ, которые реализуются как автономно, так и в комбинации.

При собственно неопределенном ответе в качестве типичных языковых средств реализации используются наречия типа *иногда*, *редко*, *sometimes*, *practically*, *rather* и т.п., а также неопределенные местоимения (*кто-нибудь*, *когда-то*, *some*, *any* и т.д.) и лексемы *один/one* в значении неопределенного местоимения:

– *Когда свадьба-то?*

– *Ну, когда-то... хочется опять же... этот вопрос такой... здесь хочется покрасивше...* (И. Шихман – Е. Баженов);

– *What was the moment when you said, you know, this [marriage] is not going to work?*

– *You know, I met someone and they were someone who was an incredibly alluring person and I met someone who was very interesting. And I was at an age, I was...* (J. Behar – A. Baldwin).

Вторая разновидность тактики характеризуется неопределенностью, которая возникает в силу предельно обобщенного характера высказывания:

– *Вы вообще деньги не получаете во МХАТе?*

- У меня *все* хорошо (И. Шихман – К. Хабенский);
- *Do they [children] want to be in movies?*
- *I suppose everybody wants to be in movies* (P. Donahue – J. Wayne).

С точки зрения языковых средств реализации для обобщенно-неопределенного ответа характерны определительные местоимения (*все, всякий, любой, every, other* и т. д.) и количественные наречия (*много, much/many, a lot of* и т. д.).

Кроме того, для тактики неопределенного ответа в целом характерно употребление модальных (*возможно, may, might* и т. д.) и ментальных предикатов (*думать, imagine, suppose, guess* и т. д.), выражающих вероятностное значение, а также аппроксиматоров типа *как бы, kind of, sort of* и т. п.

- *Are you worried (about your age)?*
- *I am kind of* (J. Behar – A. Baldwin).

Кроме того, в русскоязычном интервью при реализации тактики неопределенного ответа широко используются безличные конструкции (*случалось, бывало, приходилось* и т. д.), которым свойственна неопределенность, связанная не только с отсутствием формального субъекта действия, но и заключенная в самой семантике слова:

– *Ты уезжаешь, у вас начинаются разные любви. Как ты говоришь, своя история, моя история. Но вы же венчаны.*

– *Просто так сложилось. Я не вижу другого как бы ракурса отношений. Вот так сложилось, и это выбор обоих нас* (И. Шихман – Линда).

Развлекательный характер многих медийных интервью позволяет интервьюируемому использовать шутку в качестве защиты от неудобного личного вопроса:

– *А откаты нужно давать? Передали сумму, и ты должна половину отстегнуть продюсерам, а на остальное снять?*

– *Слышала от соседей. По камере* (И. Шихман – В. Гай Германика);

– *Why don't you date women that are just as talented, beautiful and closer to your age just like Phil and Marla?*

– *Who let my mother in here?* (P. Donahue – S. Stallone).

В связи с разнообразием способов реализации тактики шутки, представляется затруднительным выделить какие-либо языковые средства, которые можно считать характерными для данной тактики. Чаще всего шутка маркируется невербально, в первую очередь просодически.

Эксплицитный отказ от ответа реализуется в двух вариантах: отказ, ориентированный на говорящего, и отказ, ориентированный на слушающего.

Отказ, ориентированный на говорящего, характеризуется использованием отрицания с глаголами речи (*говорить, обсуждать, discuss* и т. д.) в настоящем или будущем времени:

– *Очень мне хотелось с тобой посплетничать и задать тебе вопрос один: а ты замужем?*

– *Я не разговариваю на тему личной жизни* (И. Шихман – Ёлка);

– *But why are you so sure that there's no link between enjoying movie violence and enjoying real violence?*

– *I'm **not going to tell** you why I'm so sure* (К. Guru-Murthy – Q. Tarantino).

Клишированной формулой этой разновидности отказа от ответа является «я не буду говорить о...» («I won't/don't speak about...»). Кроме того, высказывание может быть обогащено модальным компонентом, выражающим алетическую (*не могу, can't*), деонтическую (*не должен, не имею права, don't have the right*) или волитивную (*не хочу, не хотел бы, wouldn't like, don't wish, don't want*) модальность. В этом случае отказ строится по модели «я не хочу/не могу/не должен говорить о...» («I don't want to/can't speak about...»).

– *Ну, сколько (заработок)?*

– ***Не могу сказать**, это финансовая...* (И. Шихман – К. Ивлев);

– *Ребенок носит фамилию отца или твою?*

– *Я не хочу по некоторым причинам из личной договоренности **обсуждать** этот момент* (Ю. Меньшова – Е. Гордон);

– *Are there any questions you are afraid of being asked?*

– *I don't much like being nagged about my private life because it involves others than myself, and I **haven't got a right** to speak for them* (В. Milton – М. Drabble);

Разновидность эксплицитного отказа от ответа, ориентированная на слушающего, содержит элемент запрета на обсуждение заданной интервьюером темы. В этом случае отказ реализуется в основном при помощи императивных конструкций, в первую очередь собственно императива (императива 2-го лица).

– *Вы ходили в загс в другой стране?*

– *Ира, ну и все. **Отстаньте** от нас!* (И. Шихман – Д. Хрусталеv);

– *But why it's OK for you to enjoy the violence?*

– ***Don't ask** me a question like that!* (К. Guru-Murthy – Q. Tarantino).

Используется также инклюзивный императив и клишированная формула «давайте не будем говорить о...».

– *Когда вы поняли, что вы вот после этой тяжелой болезни супруги, можете позволить себе заново влюбиться, снова?*

– ***Пропустим** этот вопрос* (И. Шихман – К. Хабенский);

– *Что он [муж] начал принимать? Тяжелое?*

– *Ой, **давайте не будем*** (И. Шихман – М. Федункив).

В исследуемом материале употребление инклюзивного императива при реализации отказа от ответа встречается только в русскоязычных интервью.

Тактика **критики вопроса/спрашивающего** предполагает оценку вопроса как некорректного, слишком личного, оскорбительного и т. п., а также критику интервьюера за неприличное, невежливое поведение, неподготовленность, непрофессионализм, преследование личных интересов

и т. п. Соответственно, объектами критики могут выступать и вопрос, и задавший его интервьюер. При этом негативная оценка вопроса предполагает одновременно и критику поведения журналиста, задавшего некорректный вопрос, что позволяет говорить о синкретичности объекта критики в большинстве контекстов:

– *Вопрос о смерти жены слишком личный?*

– *Это не математическая история. Я не люблю, когда мне задают математические вопросы на не математические темы* (И. Шихман – К. Хабенский);

– *To accommodate something like 17 people or 14 or a couple of bedrooms does it?*

– *This is getting to be an **embarrassing** ...* (P. Donahue – D. Trump).

Основным средством реализации тактики критики вопроса/спрашивающего, выступает негативно-оценочная лексика (*некорректный, демагогия, хайпнуться, slave, insult, embarrassing, impolite* и т. д.)

Тактика **подмены ответа метаязыковым комментарием вопроса** заключается в обсуждении употребления какого-либо слова в вопросе вместо ответа на него:

– *На светских мероприятиях Вы любите появляться?*

– *Что Вы **называете** светским мероприятием? Горе от ума, выезд ...? Что **значит** слово «свет»? Я не очень **понимаю**, что Вы **называете** светом* (Ю. Меньшова – Л. Максакова);

– *Talk to me a bit about your childhood. It wasn't an auspicious start, was it?*

– *Well, what would **be** an auspicious start?* (T. Sebastian – A. Rickman).

Клишированными формулами реализации метаязыкового комментария вопроса являются, в частности, «Что ты/Вы понимаешь/-ете под...», «Что для тебя/Вас значит...», «Что ты/Вы называете/-ете...» («What do you mean...», «What is...»).

Тактика метаязыкового комментария вопроса предполагает использование ментальных предикатов типа *понимать, считать, think, understand* и т. п.; интерпретационных предикатов (*значить, mean, be* и т. д.) и предикатов речи (*называть, говорить, call* и т. д.).

При реализации тактики **переадресации вопроса** реплика интервьюируемого представляет собой вопрос, совет либо предложение, адресованное интервьюеру.

Данная тактика представлена в двух вариантах: переадресация вопроса третьему лицу и переадресация самому интервьюеру.

Для переадресации третьему лицу характерно использование глаголов речи (*спросить, говорить, ask, talk* и т. д.) в форме императива, а также в комбинации с модальными глаголами и выражениями, которые служат для передачи значения вежливого совета (*можно спросить, had better, should* и т. д.).

– Коль мы заговорили на эту тему, мне мужчины в зале не простят, первый вопрос, который все хотят задать гимнасткам, помогает ли хорошая растяжка в сексуальной жизни?

– Я думаю, что этот вопрос **корректнее** будет задать моему мужу. Я думаю, он вам много расскажет. Но **лучше давай**, когда Павел Алексеевич сюда придет, ты ему **задашь** этот **вопрос** (И. Шихман – Л. Утяшева);

– Are you receiving adequate recompense this time round?

– I think you'd **better ask** my agent (Т. Sebastian – А. Rickman).

Основной клишированной формулой, используемым при переадресации третьему лицу, является «лучше спросить у...» («you should/had better ask...»).

Переадресация вопроса интервьюеру, помимо инвертированного порядка коммуникативных ролей, характеризуется использованием ментальных предикатов (думать, считать, think и т. д.) и клишированной формулы «А ты/Вы как/что думаешь/-ете?» («What do you think?»).

– Откуда появился слух о том, что ты гей?

– А вы как **думае**те? (И. Шихман – Д. Билан);

– And what about your other brother, Stephen? What's up with him?

– Well, there's a kind of a tone when you say that, as if you know what's up with him. What do you **think**, what's up? All right. So why don't you tell us? (J. Elgrably – А. Baldwin).

Таким образом, для большинства тактик защиты личного пространства (кроме тактики шутки в силу вариативности ее реализации) можно выделить языковые средства, характеризующиеся повторяемостью использования и являющиеся типичными для данной тактики.

Высокая степень регулярности и частоты использования некоторых вербальных средств применительно к конкретной тактике защиты или ее разновидности позволяет говорить о наличии клишированных формул реализации тактик.

Так, клишированные формулы реализации могут быть выделены для эксплицитного отказа от ответа, метаязыкового комментария вопроса, переадресации вопроса и смены темы (а именно смещения к новой теме).

ЛИТЕРАТУРА

1. Филлипс, Л. Дискурс анализ: теория и метод / Л. Филлипс, М. В. Йоргенсен. – Харьков : Изд-во «Гуманит. Центр», 2004. – 336 с.
2. Антонова, Л. Г. Коммуникативный инструментарий современной формы интервью на платформе YouTube / Л. Г. Антонова, Ю. А. Башловкина // Социальные и гуманитарные знания. – 2018. – Т. 4, № 3. – С. 35–43.
3. Яблоновская, Н. В. Жанр интервью на платформе русскоязычного сегмента Youtube: трансформации и медиатехнологии / Н. В. Яблоновская, А. В. Езык, Н. Д. Мустафаева // Учен. зап. Крм. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Филол. науки. – 2020. – № 4. – С. 225–238.

4. *Амиров, В. М.* Интервью: от классического жанра к современным форматам (на примере программ «Вдудь» и «А поговорить?») / В. М. Амиров, Я. С. Мамедова // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2021. – № 27 (3). – С. 30–37.
5. *Иванова, И. В.* Реализация жанра телевизионного интервью в коммуникативном поле современного языка СМИ / И. В. Иванова // Гуманит. Исследования. – 2009. – № 1 (29). – С. 51–58.
6. *Сахнова, Е. Б.* Жанр интервью и его модификации / Е. Б. Сахнова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2013. – Вып. 4. – С. 98–103.
7. *Иссерс, О. С.* Грани «приличного/неприличного» в публичной коммуникации (на примере интервью Юрия Дудя) / О. С. Иссерс // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации : материалы Междунар. науч. конф., Москва, 23–24 окт. 2018 г. / Ин-т лингвистики РГГУ ; сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. – М., 2018 – С. 94–103.
8. *Фролова, О. Е.* Жанровая невежливость (на примере интервью) / О. Е. Фролова // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации : материалы Междунар. науч. конф., Москва, 23–24 окт. 2018 г. / Ин-т лингвистики РГГУ ; сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. – 2018. – С. 277–286.

Поступила в редакцию 03.06.2022

Карневская Елена Борисовна

кандидат филологических наук, профессор,
профессор кафедры фонетики английского языка
Минский государственный лингвистический
университет
г. Минск, Беларусь

Elena Karnevskaya

PhD in Philology, Professor,
Professor at the Phonetics Department
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
ekarnevskaya@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА МОДИФИКАЦИЙ БЕЗУДАРНЫХ ГЛАСНЫХ КАК КЛЮЧ К РАСПОЗНАВАНИЮ ИНОЯЗЫЧНОГО АКЦЕНТА

LANGUAGE-SPECIFIC VARIATION OF UNSTRESSED VOWELS AS A CLUE TO RECOGNIZING A FOREIGN ACCENT

В статье обсуждается аллофоническое варьирование безударных гласных в английском и русском языках под углом зрения его роли в овладении иноязычным произношением. Непосредственный объект исследования – конкретно-языковая специфика длительности предударных гласных, примыкающих / непримыкающих к ударному слогу. Особенности проклитического примыкания сопоставляемых гласных подтверждаются результатами перцептивно-акустического анализа по параметру длительности. Существенность выявленных межъязыковых фонетических различий доказывается оценкой качества звучащей английской речи билингвов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *аллофон; билингвизм; вокализм; длительность; интерференция; отклонение; проклитик; различие; существенность; эталон.*

The article deals with allophonic variation of unstressed vowels in the English and Russian languages viewed as related to the problem of Russian and English phonetic interference. In particular, language-specific variation in the duration of English and Russian vowels is studied in two types of proclitics – attached and non-attached to the stressed syllable. Reverse duration contrast between the two positional vowel allophones in English and Russian is experimentally proved relevant for the evaluation of the degree of a foreign accent in Russian-English bilinguals.

Key words: *allophone; bilingualism; vocalism; duration; interference; deviation; proclitic; distinction; relevance; model.*

Одной из актуальных задач контрастивных фонетических исследований в настоящее время является установление сходных и различительных межъязыковых черт в модификациях сегментных единиц в связной речи. Конкретно-языковые особенности вариативности сегментных единиц, а не только системные различия, выступают на первый план и с точки зрения их роли в овладении иноязычным произношением в условиях билингвизма.

Среди работ указанной направленности, в том числе на материале русского и английского языков, преобладают исследования подсистемы вокализма, преимущественно посвященные количественному аспекту вариативности. Такое внимание подтверждает особое место длительности при

восприятии сегментных единиц. Протяженность звука как часть его акустического облика воспринимается на слух легче, чем его высотные и амплитудные признаки, которые перцептивно ассоциируются не с отдельным звуком, а с более крупными единицами сегментации речевого потока – словом с его слоговым составом, синтагмой, фразой.

Ознакомление с литературой по указанному вопросу показывает, что вариативность длительности сегментных единиц и непосредственно русских и английских гласных достаточно хорошо изучена к настоящему времени с точки зрения ее обусловленности внутрилингвистическими и экстралингвистическими условиями [1; 2]. Это, в первую очередь, комбинаторный фактор, а именно консонантное окружение гласных. Экспериментально установлено, что длительность гласных в английском языке более заметно, чем в русском, изменяется под влиянием консонантного контекста [3; 4]. Доказательством перцептивно-когнитивной значимости этих изменений служит уже тот факт, что в нормативной фонетике современного английского языка различаются как минимум три (для кратких) и четыре (для долгих) варианта позиционной долготы ударных гласных в зависимости от наличия/ отсутствия последующего согласного и его типа [1; 4; 5; 6]. В то же время отмечается, что левый (предшествующий) консонантный контекст не приводит к каким-либо заметным модификациям в длительности английских гласных [3; 4]. В русском языке, напротив, наличие / отсутствие предшествующего согласного, т.е. прикрытость / неприкрытость начального слога слова, с обязательностью учитывается в фонетическом описании функционирования единиц сегментной подсистемы, а также в практических рекомендациях при обучении русскому произношению и при разработке лингвистически обусловленных алгоритмов для моделирования фонетических характеристик речи.

К причинам квантитативной вариативности гласных в обоих языках, далее, относится положение слога в слове, синтагме, фразе. Доказано, что ударный гласный в конечном слоге ядерной акцентной единицы, т.е. в слоге, предшествующем синтагматической границе, в среднем в полтора-два с половиной раза превышает длительность словесноударного гласного в начальной или срединной акцентной единице [7]. Степень предстыкового удлинения заметно варьирует в зависимости от статуса, протяженности и завершенности вычленяемых единиц [8]. Иными словами, позиционный компонент аллофонии как лингвистически предсказуемого варьирования учитывает одновременно микро- и макроконтекстные условия. К последним, безусловно, относится и влияние типа мелодического изменения, который служит индикатором не только типа / подтипа коммуникативного акта, но и характера просодико-смысловой связи между смежными речевыми единицами – синтагмами и фразами.

Напомним, что все вышесказанное относится к словесноударным гласным. Вариативность длительности английских и русских безударных гласных остается менее изученной, как для каждого из обсуждаемых языков,

так и в сопоставительном плане. Главной чертой сходства между ними следует назвать подверженность безударных гласных в обоих языках количественной и качественной редукции. В английском языке этот процесс, как известно, в историческом плане привел к появлению нейтрального гласного [ə], ограниченного в своей дистрибуции и дистинктивном потенциале, имеющего, однако, фонемный статус [9; 10]. В русском языке все гласные в безударной позиции в слове реализуются своими безударными аллофонами, в большей или меньшей степени отличающимися от ударных по длительности и формантной структуре [11, 12]. В зависимости от степени редукции (первой или второй) аллофоны английского нейтрального гласного [ə] различаются по типу слога и его позиции в слове качественными оттенками звучания (ε-образный, как в слове *government*, ζ-образный, как в слове *teacher*; 3:-образный, как в слове *pictures*), но при этом не разграничиваются по степеням редукции. Варьирование длительности английского нейтрального гласного, так же, как ‘полуслабых’ безударных гласных [ɪ], [ʊ], связывается, в основном, с проклитическим и энклитическим примыканием безударных слогов к ударному и их типа. При выделении аллофонов как английских, так и русских безударных гласных, помимо направленности примыкания, учитывается близость / отдаленность безударного слога от ударного и от начала / конца слова [13].

Правомерно предположить, что конкретно-языковая специфика обусловленности и выраженности модификаций безударных гласных в английском и русском языках может быть причиной отклонений в ритмико-временной организации английского слова и, тем самым, всей акцентной группы / синтагмы / фразы в речи билингвов – носителей русского языка. Особую трудность в этом плане представляют английские предударные гласные (проклитики), непосредственно примыкающие к ударному слогу. Их длительность уступает длительности гласных в непримыкающих предударных слогах, которые под влиянием ритмической тенденции английского языка к чередованию сильных и слабых слогов фактически не редуцируются и часто получают второстепенное ударение в акцентной структуре слова, как, например, в словах *propo'sition*, *expe'dition*. В русском языке соотношение по степени ослабленности артикуляции и сокращения длительности гласного в примыкающих и непримыкающих слогах-проклитиках носит противоположный характер. По результатам экспериментальных исследований, длительность русских предударных гласных в слогах, примыкающих к ударному, на 20–30 % превышает длительность непримыкающих. Именно такие количественные показатели соотношения двух предударных аллофонов гласных использованы в программе синтеза русской речи [3].

В настоящей статье излагаются результаты перцептивно-акустического анализа модификаций длительности предударных английских гласных в речи билингвов с родным русским языком.

Экспериментальный материал включал 50 пар английских и русских слов-эквивалентов, имеющих сходную фонемную и акцентно-слоговую структуру и практически во всех случаях сходных по значению, например: *po'lice* – *по'лиция*, *col'lector* – *кол'лектор*, *мага'zine* – *мага'зин*, *conspi'ration* – *конспи'рация*, *modifi'cation* – *модифи'кация*, *repu'tation* – *репу'тация*, *specu'lation* – *спеку'ляция*. С каждым из слов русской и английской выборки были составлены 2 фразы так, чтобы лексические единицы находились в двух разных позициях в просодическом контуре: 1) предъядерной и 2) ядерной. Запись материала была осуществлена в студийных условиях носителем английского языка и тремя билингвами с родным русским языком – студентами 5 курса МГЛУ, изучающими английский язык как основную специальность. Аудитивный анализ экспериментальных записей проводился с привлечением информантов-носителей языка и аудиторов-фонетистов, владеющих знанием системно-реализационных характеристик гласных и согласных английского и русского языков и имеющих опыт перцептивной дифференциации и идентификации фонолого-фонетических характеристик сегментных единиц, так же как и структурно-функциональных элементов просодической структуры фразы.

Согласно данным, полученным от аудиторов-фонетистов и информантов, предударный гласный был распознан правильно как нейтральный звук [ə] или как [ɪ] во всех реализациях всех испытуемых. Была также произведена оценка качества звучания английской речи билингвов с фокусированием внимания на акцентно-временной структуре фразы в целом и непосредственно изучаемых слов.

В ходе акустического анализа предударные английские гласные [ə], [ɪ] сравнивались в реализациях носителей языка и билингвов по признакам абсолютной и относительной длительности. Было установлено, прежде всего, что практически во всех словах (90 %) длительность предударного гласного в речи билингвов не совпадала с длительностью гласных у носителя английского языка. В подавляющем большинстве случаев несовпадения отмечалось удлинение предударного нейтрального гласного [ə] и, наоборот, сокращение предударного гласного [ɪ] в речи билингвов. Так, в частности, в речи носителя английского языка длительность [ə] в предударном слоге, примыкающем к ударному, составила в среднем 38 мс, а длительность [ɪ] – 55 мс. В русской речи билингвов – носителей русского языка – длительность предударного гласного [a] в примыкающем к ударному слоге равнялась 50 мс, а длительность гласного [и] в этой же позиции – 37 мс. В то же время в английской речи билингвов длительность нейтрального гласного [ə] совпадала с длительностью [ɪ] – 45 мс. Таким образом, тенденция к удлинению безударного гласного [ə] и сокращению предударного гласного [ɪ]

отражает различия во временной структуре слова в английском и русском языках и является примером прямого переноса в фонетической интерференции.

Расхождения между английским эталоном и реализациями билингвов по абсолютной длительности, безусловно, не могут рассматриваться как в полной мере достоверные в силу индивидуальных особенностей темпоральных характеристик речи. В этом плане акцент должен быть сделан на относительных показателях, отражающих соотношение предударных, ударного и заударных слогов в суммарной длительности слова. Данная характеристика также вариативна как у носителей языка, так и у билингвов. Однако диапазон варьирования относительной длительности у билингвов значительно шире, особенно в начальной и срединной фразовой позиции, т.е. когда слово произносится со статическим ударением. В ядерной позиции коэффициент вариативности предударного гласного у билингвов ниже, чем в шкале, т.е. длительность предударного гласного в данной позиции синтагмы / фразы более стабильна.

Нельзя не согласиться с тем, что различия между речью билингвов и носителя английского языка в относительной длительности предударного гласного являются следствием двух типов расхождений: 1) увеличения или чрезмерного сокращения длительности предударного гласного; 2) увеличения или сокращения длительности ударного гласного. В анализируемом материале доминировал первый тип. Существенность выявленных количественных различий для восприятия была подтверждена оценкой информантами-носителями языка качества английской речи испытуемых, проведенной в ходе аудитивного анализа. Результаты этого этапа эксперимента свидетельствуют о том, что чем ближе временная модель слова к эталонной (т.е. речи носителей языка), тем выше качество речи билингва, прежде всего с точки зрения ритма. В частности, слова, получившие у аудитора-информанта более высокую оценку, были наиболее близки к эталону по показателям длительности предударного гласного.

Наиболее низкие оценки у информантов получили трех- и пятисложные слова с двумя предударными слогами, в которых первый предударный слог в речи билингва был недостаточно выделен, в том числе по параметру длительности. Это, в первую очередь, касается гласного [ɪ], который в английском языке считается полуслабым, как и гласный [ʊ], поскольку они не ограничены в своей дистрибуции ударными слогами. Особенностью этих безударных гласных является такое ослабление формантной структуры, которое не нарушает качество звука и не препятствует его перцептивному распознаванию. Очевидно, что это достигается и благодаря сохранению достаточной протяженности звука.

Нужно подчеркнуть, что характер фонетической интерференции, выявленной на высоком уровне владения иноязычным произношением,

относится к существенным и одновременно устойчивым отклонениям в ритмической и собственно временной организации речи, которой принадлежит исключительно важная роль в достижении близкого к естественному (near-native) звучанию английской речи.

Представленный контрастивный анализ является частью комплексного исследования английской речи билингвов – носителей русского языка, направленного на выявление перцептивно-акустических особенностей в реализациях комбинаторно-позиционных аллофонов английских гласных и согласных фонем, следовательно, фонетическая интерференция на сегментном уровне раскрывается под углом зрения лингвистически предсказуемой вариативности в репрезентации фонологических единиц в речи и ее значимости для установления полного объема несовпадающих признаков. При этом сохраняется роль контрастивно-сопоставительного анализа как основы для адекватной интерпретации устанавливаемых различий между сравниваемыми реализациями идентичных фонологических единиц. Нужно подчеркнуть, что при всех различиях данные реализации однозначно распознаются с точки зрения фонемного состава слов, что можно считать обязательным критерием отнесения иноязычной речи к достаточно высокому уровню владения языком, в данном случае его фонетической системой. В этой связи укажем, что традиционно критерием степени фонетической интерференции считается наличие отклонений от произносительной нормы языка в иноязычной речи билингва. Понятие нормы, нормативности и эталона относятся, таким образом, к ключевым в исследованиях фонетической интерференции, так же, как и постулирование статуса отклонений от нормы для фонетических отличий речи билингва от эталона. Вместе с тем произношение далеко не всех носителей языка соответствует норме. Тем не менее очевидно, что в нем отсутствуют признаки фонетической интерференции со стороны другого языка. Иными словами, речь носителей языка по определению не имеет иноязычного акцента. Именно в выявлении признаков иноязычного акцента, а не только отклонений от нормы в речи билингва, и заключается, на наш взгляд, задача исследований рассматриваемого направления. Ее решение требует некоторых методологических уточнений. Это, прежде всего, выдвижение на первый план доказательства того факта, что а) особенности реализации сегментных единиц билингвом – неносителем языка – выходят за рамки индивидуального (свободного) варьирования фонетической формы в норме и за пределы так называемой субстандартной вариативности в данном языке (target language); б) модификации фонемных реализаций в разных комбинаторно-позиционных условиях в речи билингва не отражают в полной мере закономерностей аллофонического варьирования, свойственных данному языку (target language); в) выявленные отличия реализаций сегментных единиц билингвом от реализаций носителя языка влияют на распознавание слова или смысла высказывания и затрудняют процесс межъязыковой коммуникации.

Фокусирование внимания на разграничении понятий *отклонение от нормы* и *иностранный акцент* подчеркивает примарную роль когнитивно-перцептивного анализа в достижении обозначенной выше цели [14].

Наиболее общий результат проведенного исследования состоит в том, что произнесение английских безударных гласных является постоянной и устойчивой областью иностранного акцента в речи билингва независимо от протяженности речевой единицы (слога, слова, фразы), предъявляемой в качестве единицы анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Klatt, D. Interaction between two factors that influence vowel duration / D. Klatt // J. of the Acoustic Society of America. – 1973. – Vol. 54, № 4. – P. 1102–1104.
2. Klatt, D. Linguistic uses of segmental duration in English : acoustic and perceptual evidence / D. Klatt // J. of the Acoustic Society of America. – 1976. – Vol. 59, № 5. – P. 1208–1221.
3. Моделирование фонетических характеристик для многоязычного синтеза на материале русского, английского, немецкого и французского языков : отчет о НИР (заключ.) / М-во гос. пед. ин-т иностр. яз. ; рук. Е. Б. Карневская. – Минск, 1983. – 120 с. – ГР № 8107819.
4. Карневская, Е. Б. Моделирование временного контура фразы при многоязычном синтезе речи / Е. Б. Карневская // Проблемы автомат. и эксперимент.-фонет. анализа текстов : сб. науч. ст. / Мин. гос. пед. ин-т иностр. яз. ; редкол.: А. В. Зубов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1986. – С. 35–39.
5. Практическая фонетика английского языка : с электронным приложением : учебник / Е. Б. Карневская [и др.] ; под общ. ред. Е. Б. Карневской. – 2-е изд., испр. – Минск : Выш. шк., 2022. – 383 с.
6. Шевченко, Т. И. Фонетика и фонология английского языка : курс теорет. фонетики англ. яз. для бакалавров : учебник / Т. И. Шевченко. – Дубна : Феникс+, 2011. – 256 с.
7. Ефимова, Е. В. Вариативность английских гласных в акцентной структуре фразы (на материале спонтанной речи) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Ефимова. – Минск : МГЛУ, 2017. – 169 л.
8. Карневская, Е. Б. Взаимодействие длины высказывания и его просодической структуры / Е. Б. Карневская, Т. П. Русецкая // Проблемы автомат. и эксперимент.-фонет. анализа текстов : сб. науч. ст. / Мин. гос. пед. ин-т иностр. яз. ; редкол.: А. В. Зубов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1986. – С. 39–44.
9. Gimson, A. C. An introduction to the pronunciation of English / A. C. Gimson. – 3th ed. – London : Edward Arnold, 1980. – XVI, 352 p.

10. Jones, D. Cambridge English pronouncing dictionary / D. Jones ; ed.: P. Roach, J. Hartman, J. Setter. – 16th ed. – Cambridge ; N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2003. – XXI, 606 p.
11. Бондарко, Л. В. Фонетика современного русского языка / Л. В. Бондарко. – СПб. : С.-Петербур. гос. ун-т, 1998. – 275 с.
12. Вербицкая, Л. В. Современная русская орфоэпия и орфофония / Л. В. Вербицкая // Чуждоезиково обучение. – 2013. – Т. 40. – № 1. – С. 99–106.
13. Буланин, Л. Л. Фонетика современного русского языка / Л. Л. Буланин. – М. : Либроком, 2011. – 205 с.
14. Карневская, Е. Б. Когнитивные основы идентификации иноязычного акцента / Е. Б. Карневская // Зб. матеріалів Круглого столу «Сучасні тенденції фонетичних досліджень», Київ, 26 квітня 2018 р. / редкол.: А. А. Калита (відп. ред.), І. С. Полюк, Л. І. Тараненко. – Київ : КПІ ім. Ігоря Сікорського, 2018. – С. 15–19.

Поступила в редакцію 30.06.2022

Ревуцкая Елена Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры белорусского языка
и литературы

Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Alena Revutskaya

PhD in Philology, Associate Professor,
Postdoctoral Researcher of the Department
of Belarusian Language and Literature
Minsk State Linguistic University

Minsk, Belarus

alena.revutskaya@tut.by

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ СТАТУС ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

COGNITIVE STATUS OF THE PROPER NAME IN THE COMPARATIVE ANALYSIS OF A POETIC TEXT

Статья посвящена сопоставительному изучению познавательного статуса имени собственного как элемента художественной концептуализации *пространства* во французском стихотворении Винцентия Кораб-Бжозовского *Affinité d'ombres et de fleurs en le soir* 'Родство тени и цвета в сумерках', в его польской версии авторства Станислава Кораб-Бжозовского и в русском переводе. Сочетание метода концептуальной интеграции с приемами сопоставительного, контекстуального, лексико-семантического и интертекстуального анализа позволило установить, что реализация познавательного потенциала имени собственного в поэтическом переводе обусловлена его культурной значимостью.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *художественный концепт* пространство; *имя собственное*; *концептуальная интеграция*; *оригинальный поэтический текст*; *перевод*.

The article examines the cognitive status of the proper name as part of the artistic conceptualization of *space* in the French poem 'Affinité d'ombres et de fleurs en le soir' by Wincenty Korab-Brzozowski, its Polish version by Stanisław Korab-Brzozowski and its Russian translation. Combining the conceptual blending method with contrastive, contextual, semantic and intertextual analyses, the article shows that the realization of the proper name's cognitive potential depends on its cultural value.

К e y w o r d s: *artistic concept of space; proper name; conceptual blending; original poetic text; translated text.*

Поэзия в своей сути представляет собой «поиски выхода», осознание и преодоление «несогласия с миром» [1, с. 145]. Задолго до когнитивной революции в лингвистике русский философ С. А. Аскольдов указывал на гносеологические свойства поэтического языка, определяя «концепт познавательного характера» как источник, наполняющий смыслами «иррациональную и неопределенную стихию поэтических слов» [2, с. 268]. Развитие когнитивных подходов к лингвистическому анализу поэтического текста (П. Стокуэлл, М. Фримен, Дж. Гэвинс, Э. Гиббонс, И. А. Тарасова, Н. С. Болотнова, Л. В. Миллер) – следствие научного интереса к познавательным возможностям художественного слова.

Художественный концепт определяется в своей принадлежности как индивидуально-авторской языковой картине мира (И. А. Тарасова,

Н. С. Болотнова, О. В. Беспалова), так и национальной лингвокультуре (Л. В. Миллер). Соотнося слово не только с его значениями, но и с максимумом смыслов и ассоциаций, «личным и народным опытом человека» [3, с. 281], концепт не только раскрывает мировосприятие творческой индивидуальности, но и объединяет язык нации с ее историей и культурой. Поэтому сопоставительное исследование художественных концептов может способствовать выявлению как типичных, так и оригинальных путей творческого осмысления действительности.

Выступая связующим смысловым звеном между эпохами, символический потенциал художественного концепта представляет несомненную познавательную ценность. Ниже излагаются результаты сопоставительного исследования символизма имени собственного как элемента интегральной художественной концептуализации пространства на материале оригинального французского стихотворения Винцентия Кораб-Бжозовского (*Wincenty Korab-Brzozowski*; 1877–1941) «Affinité d'ombres et de fleurs en le soir» 'Родство тени и цвета в сумерках', а также его польского и русского переводов. Когнитивное определение *пространства* выводит на первый план обобщенное представление о целостном образовании между небом и землей, частью которого ощущает себя сам человек (Е. С. Кубрякова). Поставленная цель – выявление лингвокультурной подоплеки, дифференцирующей познавательную роль имени собственного во французском, польском и русском текстах – обуславливает сочетание метода концептуальной интеграции с приемами сопоставительного, контекстуального, лексико-семантического и интертекстуального анализа.

Художественный концепт «пространство» в оригинале и обоих переводах артикулирован ключевыми лексемами *espace* – *przestrzeń* 'пространство' и *ciel* – *niebiosy* 'небеса'. Используя метод концептуальной интеграции, мы учитываем целостный характер поэтического произведения (М. Фримен) и потому избираем в качестве анализируемого единства его полный текст (а не строфу как самостоятельную смысловую единицу и не высказывание, в котором лексема с пространственной семантикой выступает, например, в качестве слова-мишени концептуальной метафоры).

Так, первые и последние строфы оригинального поэтического текста «Affinité d'ombres et de fleurs en le soir» содержат ключевые репрезентанты художественного концепта «пространство»: *Ô le tournoiement d'ombres mortes / En l'espace bleu des airs vifs, / Et les cascades sous les portes, / Des noirs palais pensifs des ifs ! / Ô les danses sans pleurs de violes / Des diamants du ciel pâli, / Et les valse des lucioles / Sur l'herbe en pleurs, en fleurs d'oubli !* [DM, s. 126] 'Далекой, зыбкой тени хоровода / Круг, павший в очертанья небосвода; / И медленно плывущие каскады / В недвижной ивы черные аркады... / И танец звезд, но без рыданий скрипки, / В самих небес жемчужно-белой пене; / То загорающийся, то вновь зыбкий / Пляс светляка на вереске забвений... [VZ, с. 89].

В. Кораб-Бжозовски был сыном польского посланника в Латакии и провел большую часть жизни в Париже, став поэтом французского языка. Польская версия анализируемого стихотворения – «*Powinowactwo Cieni i Kwiatów o zmierzchu*» – была опубликована в переводе брата поэта – Станислава Кораб-Бжозовского (*Stanisław Korab-Brzozowski*; 1876–1901). Первые и последние строфы воспроизводят ключевые лексемы, репрезентирующие концепт «пространство» (*przestrzeń* ‘пространство’, *niebiosy* ‘небеса’): *O, korowody umarłych cieni / Wśród wirowań eterów **przestrzeni**, / O, płynące kaskady / Pod zamyślonych iw czarne arkady! / O, bez skrzypcowych łkań / Tańce gwiazd pod osłoną **niebiosów**, / O, płasy, pełne migotań i drgań / Światłaków wśród kwiecia zapomnień i wrzosów!* [NSU, s. 73].

Кроме того, в польской версии анализируемого поэтического текста художественный концепт «пространство» представлен лексемами *dal* ‘даль’, *zaświaty* ‘иной мир’, развивающих и конкретизирующих смысл, выраженный глаголом *emporter* ‘уносить’: *Księżycy łódź pomyka w **dal**, / Unosząc Kwieciarkę w **zaświaty** – / Mróz warzy Kwiaty, / – Kamelie, akacje, lilie, tuberozy – / Najdroższych Kwiatów jakżeż jej żal!* [NSU, s. 74]. Развитие значения глагола *emporter* ‘уносить’ можно наблюдать и в русском переводе, который отказывается от «загробной» траектории, избираемой на исходе XIX в. братьями-поэтами и вписанной в эстетическую ситуацию декаданса. Следует отметить, что русский перевод отделяет от оригинала более столетия, поэтому полагаем, что клише *na край света* (как и ряд иных замен) обусловлено стремлением переводчика вуалировать декадентскую «смертельную» семантику строфы – тем более, что «умирают» не героини стихотворения (осмысляемые путем концептуальной проекции как *ombres* ‘тени’ и *fleurs* ‘цветы’), но чувства лирического героя: *La lune, pâle esquif d’acier, / **Emporte** la Fleuriste triste ; / Les fleurs **meurent** sur les glaciers / – Camélias, acacias, tubéreuses, lys – / Toutes les fleurs de la Fleuriste !* [DM, s. 127] ‘И месяца ладья стремится в **даль**, / Цветочницу **уносит** на **край света** – / И льдов кристаллы плоть смыкают цвета – / Камелии, акации, лилеи, розы – / Цветов любимых ей безмерно жаль...’ [VZ, с. 89].

Анализ данного поэтического текста с помощью метода концептуальной интеграции (Ж. Фоконье, М. Тернер) позволяет определить художественный концепт «пространство» как результат избирательных проекций элементов не менее четырех исходных концептуальных областей: 1) ночь, природа; 2) музыка, танец; 3) воспоминания, грусть, забвение; 4) цветы, возлюбленные (табл. 1).

«Поэтика имени» – поэтика семиотического типа [4, с. 83]. Поэтому выявление в анализируемом поэтическом тексте имен собственных (как и наименований цветов) обуславливает особое внимание к четвертой концептуальной области, образованной символическими значениями. Экспликация последних требует обращения к гипотексту – тексту, породившему последующий текст (Ж. Женетт). Такое применение филологического инструментария в ходе языковедческого анализа согласуется с теорией

культурных трансферов, конвертирующей знания между научными направлениями и дискурсами [5, с. 5], отвечая потребностям современной гуманитарной науки.

Концептуальная интеграция символического значения имени предопределена самой природой поэтического текста. Так, по мысли Ю. М. Лотмана, символическое свойство знака актуализируется в процессе художественного творчества: «Словесное искусство начинается с попыток преодолеть коренное свойство слова как языкового знака – необусловленность связи планов выражения и содержания» [6, с. 72]. При этом сопоставительный анализ показывает, что символический потенциал имени может быть реализован в переводе не столь полно, сколь в оригинале.

Так, во французском тексте символизм цветов (камелия – символ вечной любви, акация – платонической, тубероза – запретной, лилия – целомудренной) параллелен символизму женского имени: *Aimez-vous les **camélias**, / **Ophélia** ? / Julia ? / Aimez-vous les **acacias** / Languissant au vent sonore, / Porcia ? / **Léonore** ? / La **tubéreuse** au long abandon, / Ninon ? / Sur la pourpre royale, le **lys**, / Alice ?* [DM, s. 126]. Шекспировская Офелия (как и Леонора – героиня «Страданий юного Вертера» Гете) – литературное воплощение безответной, несчастной любви – является референцией, в равной степени воспринятой французской, польской и русской лингвокультурами. Несмотря на это обстоятельство, автор русского перевода сохраняет лишь одно из двух культурно значимых имен – имя шекспировской Офелии, сочтя смысл безответной любви переданным. Кроме того, лирический герой русской версии обращается в каждой строфе только к одной возлюбленной: Вы любите камелии, / **Офелия**? / Вы любите акации, / Порция? / На алом шелке – лилии, / **Эмилия**? / И роз пьянящий стон, / Нинон?’ [VZ, с. 89].

В польском и русском переводах имя собственное выступает параметром межтекстового варьирования. Так, героиня по имени Эмилия в оригинале отсутствует, но появляется в обоих переводах по требованию рифмы – как «произвольное», не несущее символического значения, отчего исходная концептуальная область «цветы, возлюбленные» оказывается своеобразным коррелятом «списка Дон Жуана»: *Lubicie kamelie / Ofelie? / Akacjowe puchy / Czekające na wiatrów podmuchy, / – Izydoro, / – Leonoro? / Na szkarłatach królewskich lilie, / – **Emilie**? / Tuberozy, co czarem odurzeń tchną, / – Ninon?* [NSU, s. 73]. О произвольном характере женского имени собственного и, следовательно, изменении его познавательного статуса в переводе свидетельствует и сам факт существования второй версии польского текста, отличающейся выбором женских имен. Автором второго варианта перевода также был поэт С. Кораб-Бжозовски: *Lubisz kamelie, / – Ofelio? / Akacjowe puchy, / Czekające na wiatrów podmuchy, / – Lenoro? / Na szkarłatach królewskich lilie, / – **Alix**? / Tuberozy, co czarem odurzeń tchną, / – Ninon ?* [7]

Концептуальные области, участвующие в художественном осмыслении
 пространства в поэтическом тексте «Affinité d'ombres et de fleurs en le soir»
 'Родство тени и цвета в сумерках'

	«Affinité d'ombres et de fleurs en le soir»	«Powinowactwo Cieni i Kwiatów o zmierzchu»	«Родство тени и цвета в сумерках»
Ключевые лексемы	<i>espace bleu</i> 'голубое пространство', <i>ciel</i> 'небо' (3)	<i>przestrzeń</i> 'пространство', <i>niebiosów</i> 'небес', <i>dal</i> 'даль', <i>zaświaty</i> 'иной мир' (4)	небосвод, небеса, даль (3)
Исходная концептуальная область 1: ночь, природа	<i>fleurs</i> 'цветы' <i>herbe</i> 'трава' <i>ifs</i> 'ивы' <i>lucioles</i> 'светляки'	<i>iwu</i> 'ивы' <i>gwiazdy</i> 'звезды' <i>[pląsy] świetlaków</i> '[пляс] светляков' <i>[wśród] kwiecica</i> <i>wrzosów</i> '[среди] верескового цвета'	ива, звезды, светляк, вереск
Исходная концептуальная область 2: музыка, танец	<i>tournoiement</i> 'кружение, хоровод', <i>danses</i> 'танцы', <i>valse</i> 'вальсы' <i>[pleurs] de violes</i> '[плач] скрипки'	<i>korowody</i> 'хороводы', <i>tańce</i> 'танцы', <i>pląsy</i> 'пляс' <i>skrzypcowe [łkania]</i> '[рыдания] скрипки'	хоровод, танец, пляс, [рыдания] скрипки
Исходная концептуальная область 3: грусть, воспоминания, забвение	<i>en pleurs</i> 'в слезах' <i>oubli</i> 'забвение', <i>long abandon</i> 'долгая разлука', <i>la [fleuriste] triste</i> 'печальная [цветочница]'	<i>zapomnienia</i> 'забвения', <i>najdroższych kwiatów</i> <i>jakżeż jej żal</i> '[сколь же ей цветов] дражайших жаль'	забвения, [цветов] любимых [ей] безмерно жаль
Исходная концептуальная область 4 (область символизма и гипотекста): цветы, возлюбленные	<i>camélias</i> 'камелии', <i>acacias</i> 'акации', <i>tubéreuse</i> 'тубероза', <i>lys</i> 'лилия', <i>Ophélia</i> , <i>Julia</i> , <i>Porcia</i> , <i>Léonore</i> , <i>Ninon</i> , <i>Alice</i>	<i>kamelie</i> <i>akacjowe puchy</i> 'лепестки акации', <i>lilie</i> 'лилии', <i>tuberozy</i> 'туберозы', <i>Ofelie [Izydoro]</i> , <i>Leonoro</i> , <i>Emilie [Alix]</i> , <i>Ninon</i>	камелии, акации, лилии, розы, Офелия, Порция, Эмилия, Нинон
Интегральный смысл	неизбежность забвения, воспоминания о многих возлюбленных, сожаление и грусть о любви – «вечной», безответной, несчастной, платонической, целомудренной, запретной.		

Познавательная ценность имени собственного во французском, польском и русском поэтических текстах неодинакова. Так, в оригинальном поэтическом тексте лирический герой может вести диалог как с одной героиней, так и одновременно с двумя. Символизм избираемого автором имени может быть равноценным для трех лингвокультур и прочитываться при обращении к гипотексту (Офелия – героиня «Гамлета»; Леонора – героиня «Страданий юного Вертера») либо принадлежащим исключительно французской лингвокультуре (Нинон де Ленкло – знаменитая французская куртизанка). В частности, для русского читателя Нинон – «произвольное», анонимное, «выбранное наугад» французское имя. Кроме того, в одной из двух польских версий («диалог» между художественными парадигмами братьев-поэтов позволяет говорить о переводе, равноценном оригиналу) число женских имен собственных сокращается на одну треть. Так, лирический герой польского стихотворения обращается в каждой строфе лишь к одной героине. Помимо этого, в польской версии уравнивается соотношение между именами-символами, узнаваемыми в обеих лингвокультурах (*Ofelio*, *Lenoro*), и «произвольными» именами (*Alix*, *Ninon*). Последнее обстоятельство справедливо и для русского перевода, автор которого сохраняет по одному имени собственному в каждой строфе и только одно имя-символ – имя воплощающей безответные чувства Офелии.

Таким образом, художественная концептуализация пространства в польском и русском поэтических переводах полностью воспроизводит образную схему французского оригинала (*небо – тени – цветы – возлюбленные*), но лишь частично – символический код, включенный в интегральный смысл текста. «Беспредельное» пространство ночного неба тождественно пространству неизбежного забвения, но также сожаления о возлюбленных и любви – «вечной», безответной, несчастной, платонической, целомудренной, запретной. Противопоставление «культурно значимое имя – произвольное имя» вариативно: познавательный потенциал имени собственного реализуется в поэтическом переводе настолько, насколько имя воспринято культурой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зельдович, Г. От переводчика / Г. Зельдович // Пессоа, Ф. Элегия тени ; пер. с португ. Г. Зельдовича. – М. : Водолей, 2015. – С. 144–146.
2. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность: Антология; под ред. В. Н. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 267–280.
3. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология; под ред. В. Н. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 280–287.
4. Фещенко, В. В. Лингвоэстетический поворот в теории языка и художественном языковом эксперименте: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / В. В. Фещенко. – М., 2020. – 450 л.

5. *Фещенко, В. В.* Теория культурных трансферов: от переводоведения – через cultural studies – к теоретической лингвистике / В. В. Фещенко, С. Ю. Бочавер // Лингвистика и семиотика культурных трансферов. Методы, принципы, технологии. – М., 2016. – С. 5–35.
6. *Лотман, Ю. М.* Структура художественного текста // Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство СПб, 1998. – С. 14–288.
7. *Borek, B.* „Próżne nam były Kasandry wołania”. O wybranych inspiracjach antykiem w twórczości Wincentego Korab-Brzozowskiego / B. Borek // Studia Ełckie. – 2019. – № 2. – S. 275–292.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- DM – *Korab-Brzozowski, W.* Dusza mówiąca / W. Korab-Brzozowski. – Warszawa: Wyd. J. Mortkowicza, 1910. – 160 s.
- VZ – *Кораб-Бжозовски, С.* Вереск забвения / С. Кораб-Бжозовски, В. Кораб-Бжозовски ; пер. с пол. Е. Быстровой. – М. : Водолей, 2016. – 104 с.
- NSU – *Korab-Brzozowski, S.* Nim serce ucichło / S. Korab-Brzozowski. – Warszawa: Wyd. J. Mortkowicza, 1910. – 90 s.

Поступила в редакцию 06.07.2022

Сытько Анна Васильевна

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой фонетики и грамматики
немецкого языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anna Sytko

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department
of German Phonetics and Grammar
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
sytko.mglu@gmail.com

ДЕОНТИЧЕСКОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ И НЕГАТИВНАЯ ОЦЕНКА (на материале немецкого и русского языков)

DEONTIC STATEMENT AND NEGATIVE EVALUATION (based on the German and Russian languages)

В статье рассматривается аксиологический аспект семантики деонтического высказывания на материале немецкого и русского языков. Описаны способы оформления негативных смыслов в поверхностной структуре модального высказывания при помощи структурных компонентов деонтической конструкции. Определены семантические факторы, ведущие к реализации оценочного значения с отрицательным знаком. Выявлены контекстные условия возникновения негативной оценки интерпретационного характера, а также ее контекстные маркеры. Продемонстрированы иллокутивные характеристики деонтических конструкций с семантикой отрицательной оценки.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *деонтическая конструкция; негативная/позитивная оценка; аксиологический смысл; контекст.*

The article considers the axiological aspect of the semantics of a deontic statement based on the material of the German and Russian languages. It describes the ways of designing negative meanings in the surface structure of the deontic utterance using structural components of the deontic construction. It determines the semantic factors leading to the realization of negative evaluation. The study reveals contextual conditions for the origin of a negative evaluation that has an interpretative nature, as well as its contextual markers. It demonstrates the illocutionary characteristics of deontic constructions with negative evaluative semantics.

K e y w o r d s: *deontic construction; negative/positive evaluation; axiological meaning; context.*

Взаимодействие действительности и человека отражается в языке в самых разных аспектах, одним из которых является оценочный. М. Бахтин подчеркивает, что «каждое высказывание есть прежде всего оценивающая ориентация» [1, с. 303–323]. Поэтому ожидаемо, что модальные значения, отражающие отношения говорящего к действительности, демонстрируют тесное взаимодействие с аксиологическим значением. Оценка, как отмечает Е. М. Вольф, входит в семантику любой модальной конструкции одним из компонентов его значения [2, с. 122], в том числе и деонтической.

В лингвистических исследованиях неоднократно подчеркивается органическая связь деонтики и аксиологии. Так, Н. Д. Арутюнова отмечает, что «реляционность оценочного значения *хорошо* согласуется с его модальными

характеристиками» [3, с. 60] (курсив наш. – А. В.), модусами желанного и должного. Причиной тесной семантической взаимосвязи выступает понятие *ценностей*, а именно добра, пользы, которые являются целями практической деятельности людей (ср. [3; 4]). Ценность есть содержание долженствования, материальное условие должного [5, с. 217]. «Надо» признается ценностью, ср.: *старших надо уважать, это хорошо = хорошо, когда старших уважают*. Так, Э. Гуссерль подчеркивает, что «каждое нормативное суждение предполагает известного рода оценку (одобрение, признание), из которой вытекает понятие «хорошего» (ценного)» [6, с. 35]. Если какое-либо действие оценивается позитивно, то так нужно поступать. Пресуппозицию деонтического высказывания, таким образом, составляет ценностное отношение пользы, а долженствование создает «особую среду» для наших устремлений и ориентаций.

При передаче деонтического отношения говорящий фиксирует действие, необходимое для выполнения в будущем и расцениваемое как благо, поскольку его осуществление позволит изменить ситуацию, которая в определенном отношении оценивается негативно, т. е. *плохо* → *деонтическое высказывание* → *хорошо* (поэтому употребительными являются в речевой практике высказывания подобные следующему: *дело плохо, надо предпринять Р и все изменится*). В связи с тем, что деонтическое высказывание соотносится с оценкой, Е. М. Вольф относит деонтические предикаты к классу аксиологических наряду с предикатами, обозначающими понятия ценности (хорошее, достойное и т. д.) [2 с. 82].

Закономерно, что предикаты положительной оценки, демонстрируя семантическую близость с деонтическими предикатами, вступают в отношения чистой конъюнкции:

Голосовать и прочее – это хорошо, это правильно и нужно, НО... (Форум: Новый Федеральный закон, № 83-ФЗ, 2013) [НКРЯ];

Du hast sie dennoch wieder unter den Mulch und das tote Laub geschoben. Das war richtig, das musste man tun an diesem dunkelsten Tag des Jahres. ‘Вы все равно затолкали их обратно под мульчу и опавшие листья. Это было правильно, это нужно было сделать в этот самый темный день в году’¹(Die Zeit, 16.11.2006, Nr. 47) [DWDS].

В свою очередь предикаты негативной оценки реализуют отношения конъюнкции с отрицаемыми деонтическими предикатами, при этом в модальной конструкции отрицается не долженствование, а действие. При этом здесь отмечается семантика «нормального следствия», т.е. *действие Р плохое, бесполезное, поэтому надо не делать Р*, например:

Детям младшего возраста маски давать плохо и не нужно, рисков больше (Педиатр оценил опасность ношения масок малолетними детьми // Парламентская газета, 2020.05) [НКРЯ].

¹ Здесь и далее перевод наш.

Исследователи акцентируют внимание именно на позитивно-оценочных смыслах деонтического суждения. Подчеркнем, что необходимость действия существует в виде знания, идеи или общего представления о действии, ведущем к позитивному изменению. Негативное значение у деонтического высказывания отсутствует. Между тем негативно-оценочные смыслы активно актуализируются в речевой деятельности деонтическими высказываниями, что обуславливает необходимость обращения к анализу данного аспекта семантики деонтической конструкции, которая является ядерным эквивалентом модального высказывания, представляя собой структурно-семантическое целое, включающее эксплицитный индикатор деонтической модальности, потенциального исполнителя и инфинитив смыслового глагола.

Целью работы является выявление факторов возникновения негативно-оценочной семантики у деонтических конструкций в русском и немецком языках и средств передачи данного аксиологического значения.

1. Экспликация негативной оценки в поверхностной структуре деонтического высказывания

Отметим, что особенность деонтической семантики состоит в том, что долженствование не всегда согласовывается с волением (желанием и намерением) деонтического субъекта, который не всегда заинтересован в выполнении необходимого действия, не всегда согласен его осуществлять. Поэтому понятие *должен* А. Вежбицка определяет так: «сделает, даже если не захочет» [7, S. 154–155], что обуславливает существование устойчивого выражения *хочешь, не хочешь, а придется*. Аристотель сформулировал эту специфику деонтики следующим образом: «коль вещь необходима, в тягость нам она; необходимость нельзя переубедить, ибо она идет наперекор движению, происходящему по выбору и согласно разумному рассуждению» [8, с. 153–154]. Норма всегда оценивается позитивно, однако ее выполнение есть преодоление себя. В случае подобного столкновения воления и необходимости мы имеем дело с двумя негативными оценками: *не делать Р есть плохо* (нарушение нормы) и *делать Р не хочу/не нравится* (нарушение моей свободы).

Следовательно, семантика языковых единиц, маркирующих негативно-оценочную семантику деонтической конструкции, указывает на «невозможность находиться в соответствии с собственным стремлением» (Sidgwick 1893) [цит. по: 3, с. 33], т.е. на конфликт волитивности и необходимости. Негативная оценка реализуется в деонтическом высказывании как благодаря обязательным компонентам деонтической конструкции (деонтическому предикату или инфинитиву), так и при помощи различных факультативных компонентов.

1.1. Отметим, что в системе модальных маркеров одновременная реализация семантики долженствования и оценки имеется *только* в русском языке. Оценочные смыслы выражаются при помощи двух деонтических лексем, а именно: *приходится* (*пришлось, придется*) и *вынужден*, которые

указывают на несовпадение интересов модального субъекта с долженствованием, на совершение действия по принуждению, а не добровольно, т.е. негативная оценка встроена в их словарные дефиниции, например:

Но в нашей стране обязательное среднее образование. Поэтому восемь классов тебе придется закончить. Хоть чучелом, хоть тушкой (А. Клепаков. Опекун // «Волга», 2016) [НКРЯ];

Предприятие Шлотмана шло, однако, так плохо, что он вынужден был раздарить сигары для того, чтобы их популяризировать (Происхождение сигары // газета «Раннее утро», 1916) [НКРЯ].

1.2. Негативно-оценочный смысл конструкции формирует также семантика зависимого инфинитива деонтической конструкции, который указывает на то, что модальный субъект покоряется чему-либо неприятному, нежелательному, неизбежному. Это происходит в конструкциях с такими глаголами, как, например, *смириться, терпеть/aushalten, verkraften, заставлять* и т.п.:

– *Несправедливостей много на земле, вот и всё. Надо с этим смириться. – А я не хочу мириться! Почему я должна мириться?!* (А. Русских. Направо пойдешь... налево пойдешь // «Ковчег», 2015) [НКРЯ];

Ладно, зря вспомнилось. Теперь снова надо уговаривать себя забыть. Лишние воспоминания – лишний груз (Г. М. Артемьева. Фата на дереве, 2012) [НКРЯ].

1.3. Экспликаторами негативного отношения в деонтическом высказывании являются различные показатели оценки. В роли оценочных маркеров выступают вводящие деонтическое высказывание модусные предикаты как общеотрицательной (*плохо/schlecht*), так и частноотрицательной оценки. В последнем случае аксиологические лексемы указывают на интенсификацию и/или аффективность (*ужасно, отвратительно/schrecklich*) либо эмоциональную оценку (*жалко/(как) жаль, грустно, досадно, что/dass*), например:

...schlecht, dass Jörg viermal wöchentlich so früh anfangen muss ‘...плохо, что Йоргу приходится начинать так рано четыре раза в неделю’ (Berliner Zeitung, 11.04.2005) [DWDS];

«Как жалко, что надо уходить», – сказал, поднимаясь, сосед Ласкина (Л. Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека, 2001) [НКРЯ].

Кроме этого, оценочными показателями выступают факультативные компоненты, а именно экспликаторы негативных эмоций, которые встраиваются в деонтическую конструкцию (*к сожалению/leider/zu (meinem)/mit (großem) Bedauern, bedauerlicherweise, к несчастью/zu allem Unglück*), например:

К сожалению, должен срочно уйти и Вас не увижу (Ю. В. Трифонов. Время и место, 1980) [НКРЯ];

Weil sie dann wissen, dass wir alles gehört haben. Zu allem Unglück muss ich es auch noch von Gunther erfahren! ‘Потому что тогда они узнают, что мы все слышали. К несчастью/что еще хуже, я должен узнать об этом от Гюнтера!’ (“Friends” – The One the Morning After, 1997 (Filmuntertitel)) [DWDS].

Обращает на себя внимание тот факт, что отсутствие или устранение необходимости в осуществлении предписанного, принудительного, действия оценивается говорящим позитивно. В таком случае говорящий обращается к экспликации позитивного аксиологического модуля, ср.:

Как хорошо, думал я, что мне не придётся, объясняясь с израильянами, прикрывать наш позор обтекаемыми дипломатическими формулами (А. Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства, 1999) [НКРЯ].

1.4. Наряду с оценочными показателями, формированию аксиологического смысла способствуют факультативные компоненты деонтической конструкции, указывающие на семантическую, специфическую качественную характеристику действия, а именно адвербиальные показатели многократности действия (все время, постоянно, много раз/*mehrmals* и т.д., снова/*wieder*), поскольку повтор чего-то нежелаемого, неприятного, принудительного всегда вызывает сопротивление модального субъекта, например:

Um einen Kita-Platz zu bekommen, muss man außerdem einen wahnsinnig hohen bürokratischen Aufwand betreiben. Man muss gefühlt 1.000 Unterlagen nachweisen, muss mehrmals zum zuständigen Amt ‘Чтобы получить место в детском саду, придется пройти сквозь невероятно высокий уровень бюрократии. Надо предоставить тысячи заполненных документов и много раз посетить соответствующую инстанцию’ (Die Zeit, 28.01.2017) [DWDS];

IOC-Chef Bach hätte gerne einen demokratischen Gastgeber, doch im Westen ist Olympia out. Nun siegt Peking oder Almaty und er muss wieder über Menschenrechte reden ‘Руководитель МОК Бах хотел бы, чтобы принимающая сторона была демократичной, но Олимпиада на Западе не состоится. Побеждают Пекин или Алматы, и ему снова придется говорить о правах человека’ (Die Zeit, 31.07.2015) [DWDS];

Кто-то жаловался на детей, что надо их звать с гуляния по сто раз, а они не идут... (Г. Волчек. Верю во взаимность во всем, не только в любви // «Огонек», 2013) [НКРЯ].

Отметим, что в русском языке указанные оценочные и темпоральные показатели, поддерживая и подчеркивая противоречие желания и долженствования, реализуются в комбинации с аксиологически маркированными деонтическими предикатами, например:

...мне досадно, что приходится тебе все это растолковывать. (А. С. Эфрон. Письма Б. Л. Пастернаку (1948–1959)) [НКРЯ];

Но к сожалению, тебе придется прекратить занятия (Я. Ларри. Страна счастливых, 1931) [НКРЯ];

Ужасно, что все время приходится прибавлять «если»... (В. Ф. Кормер. Крот истории или революция в республике S=F, 1979) [НКРЯ].

2. Предикация к прошлому как способ оформления негативной оценки

Особенностью семантики деонтического высказывания выступает его проспективность, выражение необходимости действия без указания на его

фактическое выполнение (см. [9, с. 184]. Формированию негативных смыслов способствует темпоральный план деонтической конструкции, когда в случае предикации деонтической конструкции к прошлому (*надо было думать* = *ты не думал*) фиксируется факт недостижения цели/идеала, невыполнения нормы, или действия, что и оценивается негативно, например:

Теоретически я должен был, сохраняя здравость рассудка, привести её в чувство и спокойно растолковать ей, что всё это чепуха... Вместо этого я впал в оцепенение... (В. Белоусова. Второй выстрел, 2000) [НКРЯ];

Он получил большой срок, а я не вмешался, я должен был тогда вмешаться, думал об этом, но ничего не сделал (Р. Медведев. Из воспоминаний об А. Д. Сахарове, 2002) [НКРЯ];

Он приходил сюда с хорошим чувством! Ты должен был понять его, а ты был жесток с ним (А. П. Чехов. Безотцовщина, 1878) [НКРЯ];

Die gut bezahlten Beamten mussten zugeben, dass das Ministerium unterbesetzt war, dass sie die Thematik damals schlichtweg nicht verstanden haben oder sich gleich gar nicht zuständig fühlten. Stattdessen hat man dem Bankenverband blind vertraut und dessen damaligen Gesetzesvorschlag zur Eindämmung der Cum/Ex-Geschäfte fast wortgleich in das Jahressteuergesetz 2007 übernommen – ein kapitaler Fehler ‘Высокооплачиваемые госслужащие вынуждены были признать, что министерство было недоукомплектовано, что они просто не разбирались в предмете в то время или что они вообще не чувствовали ответственности. Вместо этого они слепо доверяли банковской ассоциации, и ее предложение по сдерживанию взаимовыгодных транзакций было почти дословно принято в годовом налоговом законодательстве 2007 – крупная ошибка’ (Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll Nr. 18/241 vom 23.06.2017, S. 24737) [DWDS].

Подчеркнем, что в отрицательных конструкциях фиксируется не факт несовершения действия, а, наоборот, факт осуществления действия, которое необходимо не выполнять, поэтому оно негативно оценивается: *ты не должен был делать P* = *было необходимо, что ты не делаешь P*, поскольку *это плохо* = *ты сделал P* (см. [10, с. 78–79]):

Ты не должен был подходить к ней вообще. Для тебя она умерла. Так вот, я хочу у тебя спросить: почему ты нарушил свое слово, тем более, я тебя предупреждал, что эта женщина мне дорога, и даже больше того (Е. Сухов. Делу конец – сроку начало, 2007) [НКРЯ].

Анализ показал, что в случае негативной оценки деонтическое высказывание с предикацией к прошлому используется в противительной структуре. Нами выделены три модели конструкций, в которых фиксируется противопоставление:

- действия, необходимого и положительно оцениваемого, и факта его невыполнения: *должен был сделать A*, но не сделал *A*;
- необходимость невыполнения действия и факт совершенного (опущенного) негативно оцениваемого действия: *не должен был делать A* (а сделал);

- необходимого, положительно оцениваемого действия и осуществленного, отрицательно оцениваемого: *должен был сделать А, а сделал Б*.

Отметим, что в немецком языке реализуются не все модели. Так, если речь идет о факте осуществления недопустимого действия, то используются отрицательные конструкции с модальным глаголом *durfte nicht* 'не должен был/не было разрешено' (дословно: *не предоставлено возможности*), которые не являются «чисто» деонтическими и тяготеют к зоне алетической семантики. Конструкции с отрицанием (*du musstest nicht*) указывают на необязательность действия.

В русском языке для интенсификации негативной оценки, с одной стороны, и подчеркивания позитивности необходимого, но не выполненного действия, с другой стороны, используется повтор деонтической конструкции с предикацией к прошлому, которая имеет обобщающее значение и содержит сочетание наречия *как* или указательного местоимения *что* и частицы *вот*. Данная частица употребляется как отвлеченное обозначение образа, способа действия вместо его названия (*вот как/что надо было [(с-)делать]; вот как надо было вести себя*), маркируя негативные эмоции (недоумение, разочарование):

Он должен был крикнуть ему: «Молчи, дурак, если сам лезешь в яму, так другого не тащи» Вот что он должен был сделать. Неужели это непонятно? Удивляюсь тогда вам. (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 1, 1978) [НКРЯ].

Негативные смыслы деонтического высказывания получают определенную иллокутивную «упаковку». Факт нарушения нормы, или невыполнение действия, вызывает сожаление и порицание. В диалогическом общении такое аксиологическое усложнение/оценочная импликация позволяет деонтическим конструкциям реализовывать коммуникативно-прагматические смыслы порицания, упрека. Это обуславливает расширение контекста деонтического высказывания различными негативно-оценочными суждениями (*стыдно, виноват (сам виноват), это было неправильно, ты/я сделал ошибку* и т. д.). При этом для 1-го лица характерно самопорицание, передача сожаления, для 2-го – упрек, порицание, выражение недовольства, например:

Ты совершил ошибку. Тебе нужно было жениться на Фене. Ты предал нашу любовь. Видеться мы больше не должны (М. Л. Халфина. Милочка, (1970–1980) [НКРЯ];

Дурак! Дурак! Я виноват во всем! Я не должен был везти вас на озеро Блэд! Такие случаи и раньше бывали с людьми после посещения этого чертова озера! (Т. Окуневская. Татьянин день, 1998) [НКРЯ].

Аксиологическое обогащение конструкций с предикацией к прошлому позволяет использовать первоначальные структуры в качестве актов сожаления/раскаяния, сопровождающих речевые этикетные экспрессивы извинения:

Простите, Володя, – виновато пробормотал он. – Я должен был сперва спросить вас, готовы ли вы в этом участвовать (В. Белоусова. Второй выстрел, 2000) [НКРЯ].

3. Контекстные условия возникновения негативно-оценочной семантики

В контексте импликация негативных смыслов происходит в двух случаях: 1) при конфликте необходимости и объективной возможности и 2) при фиксации нарушения нормы в настоящий момент и одновременной отсылке к норме, которая не выполняется.

1. Если долженствование вступает в противоречие с возможностями модального субъекта, то негативная оценка порождается контекстом благодаря наличию в нем алетического показателя. В таком случае указывается не на нарушение нормы, а на ее невыполнимость, т.е. негативно-оценочный смысл связан с алетическим компонентом, а не с деонтическим. Само деонтическое высказывание выражает положительную оценку действия: *надо делать Р, это хорошо; возможность делать Р отсутствует, норма не выполнится, это плохо*. В речевой практике подобное семантическое столкновение реализуется в противительных структурах или репликах, ср.:

А ведь нужно относиться к нему как к человеку, а я не могу – барьер (С. А. Самсонов. Аномалия Камлаева, 2006–2007) [НКРЯ];

– *Это же что такое? – вопит Текла Павловна. – Я должна и бабушку вести, и за мальчиками смотреть, и вещи сдавать!? Я не могу. Я решительно отказываюсь. Это не в моих силах* (З. Н. Гиппиус. Ближе к природе, 1896) [НКРЯ].

Как подчеркивает Н. Д. Арутюнова, противопоставление деонтики и алетики выполняет роль (само-)оправдания (см. [3, с. 32]), которое возникает только в случае негативной оценки факта неосуществимости, в результате в контексте происходит своего рода аксиологический перенос: *невозможность выполнить необходимое Р вызывает негативное отношение к Р*.

Отрицание выполнимости действия может комбинироваться с нежеланием и выражаться уже ставшей клишированной формулой *не могу и не хочу*:

– *А сын? – воскликнула она. – Ты видишь, что он пишет: надо оставить его, а я не могу и не хочу сделать это* (В. В. Вересаев. «Да здравствует весь мир!» (о Льве Толстом), 1909–1910) [НКРЯ];

– *Я не хочу читать, я не могу читать. – Я велю. Должна. – Не могу и не хочу. – Так я тебе прочту, что у тебя написано* (Н. Г. Чернышевский. Что делать?, 1863) [НКРЯ].

2. Негативно-оценочные смыслы возникают интерпретативно, когда долженствование отсылает к другому высказыванию (ср. долженствовательный императив А. Хольфута и Е. Коницкой [11, с. 199]. Деонтическое высказывание *надо делать Р* выступает «триггером» негативной семантики, указывая на норму, которая нарушается/не выполняется, если в контексте речь идет о том, что происходило/происходит нечто неправильное, а правильное не произошло. В результате отмечается аксиологическая инференция: *Р не выполняется, что плохо, а делать Р надо*, например:

*Und die SPD kümmert sich scheinbar auch nicht drum. Eine moderne Verwaltung **muss** doch Wirtschaftsförderung aktiv betreiben.* ‘И СДПГ, похоже, это тоже не волнует. Но ведь современная администрация должна активно продвигать бизнес’ (Der Tagesspiegel, 18.04.2004) [DWDS];

*Получается, что все разглагольствования о диктатуре закона рассчитаны на наивную публику. А в реальности чиновники по-прежнему плюют на законы. Конечно, ради установления мира в Чечне стоит пойти на любые жертвы. Но **делать это надо** все-таки в соответствии с законами* (М. Ростовский. Кадыров – новый Дудаев? // «Московский комсомолец», 2003.01.10) [НКРЯ].

В подобных контекстах очевидно противопоставление хорошего и нехорошего, поэтому модальные конструкции употребляются в высказываниях с противительной-уступительной семантикой, реализуемой различными средствами (противительными союзами, вводными словами и конструкциями в противительном значении, частицами), например:

*Он пытается найти причину в мелочах, когда, напротив, **надо искать** в главном* (Непростое искусство любви: быть счастливыми вдвоем... // «Даша», 2004) [НКРЯ];

*Потому и обидно. **Должен** ведь понимать* (Э. Шим. Ребята с нашего двора, 1976) [НКРЯ].

В случае негативной оценки деонтические высказывания получают контекстное сопровождение в виде экспрессивных высказываний с модальными показателями, указывающими на недопустимость действия:

*– А что тут такого? – Нельзя же так! – укоризненно покачала головой Маша. – **Надо** посмотреть сначала, что за человек на вас подписался, прочитать все его записи. А потом уже подумать, включать его или нет. А вы сразу включаете, не разобравшись!* (Запись LiveJournal, 2004) [НКРЯ];

*Ну как можно так! **Надо** хоть немножко следить за собой!* (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Ч. 1, 1943–1958) [НКРЯ].

В немецком языке отмечаются контекстные маркеры неприемлимости подобного действия: *so geht es trotzdem nicht, so geht es aber doch nicht, es geht einfach nicht!, das geht doch nicht* и т. п.

Таким образом, возникновение негативно-оценочных смыслов у деонтического высказывания обусловлено органической взаимосвязью деонтики и аксиологии.

Негативно-оценочные смыслы порождаются деонтическими высказываниями весьма вариативно: либо в поверхностной структуре благодаря определенным лексемам, либо в определенном контекстном окружении, которое активирует негативно-оценочные смыслы и определяет интерпретацию модальной конструкции.

Деонтическое высказывание, обогащенное негативной оценкой, реализуется в контекстах различного противопоставления, а именно нормы и ее невыполнения, нормы и ее невыполнимости, долженствования и желания.

Рассмотрение деонтической конструкции в двух языках с точки зрения оценочных характеристик позволяет констатировать их идентичность и незначительное отличие в формальной реализации.

Аксиологический вклад в деонтическую конструкцию вносят структурные компоненты, указывающие на конфликт долженствования и желания: модальные маркеры, инфинитив смыслового глагола с семантикой преодоления, факультативный компонент с темпоральным и оценочным значением. Обогащение деонтической конструкции аксиологическими смыслами происходит в результате модификации темпорального плана, а именно при перенесении ее в план прошлого.

Деонтическое высказывание без специальных маркеров негативной оценки само по себе не выражает отрицательный оценочный смысл. Негативно оценочное осложнение возникает благодаря аксиологической инференции в контексте, где норма не выполняется.

Придавая деонтическому высказыванию соответствующее ценностное содержание, говорящий задает определенные прагматические параметры. Аксиологическое усложнение позволяет деонтическим высказываниям функционировать как эмотивные экспрессивные акты (недовольство, сожаление) или реализовывать валюативную семантику порицания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М. М.* Собрание сочинений : в 7 т. / М. М. Бахтин ; Ин-т мировой лит. им. М. Горького АН. – М. : Рус. слово, 1996. – Т. 6 : Проблемы поэтики Достоевского. – 799 с.
2. *Вольф, Е. М.* Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Изд. 2-е, доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
3. *Арутюнова, Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова, отв. ред. Г. В. Степанов ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
4. *Вольф, Е. М.* Функциональная семантика оценки // Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 228 с.
5. *Гартман, Н.* Этика / Н. Гартман ; пер. с нем. А. Б. Глаголева ; под ред. Ю. С. Медведева и Д. В. Складнева. – СПб. : Владимир Даль, 2002. – 707 с.
6. *Гуссерль, Э.* Логические исследования : Прологомены к чистой логике / пер. с нем. Э. А. Бернштейн. – М.: Академ. проект, 2011. – Т. 1. – 253 с.
7. *Wierzbicka, A.* Semantic primitives / A. Wierzbicka. – Frankfurt am Main : Athenäum-Verl., 1972. – 235 S. – (Linguistische Forschungen ; Bd. 22).

8. *Аристотель. Метафизика* : переводы, комментарии, толкования / Аристотель ; сост. и подгот. текста С. И. Еремеев. – Алетея : Эльга, 2002. – 832 с.
9. *Narrog, H. On defining modality again* / H. Narrog // *Language Sciences*. – 2005. – Vol. 27, № 2. – P. 165–192.
10. *Шатуновский, И. Б. Аномалия и отрицание (к проблеме перенесения отрицания)* / И. Б. Шатуновский // *Логический анализ языка : Противоречивость и аномальность текста* : сб. ст. / АН СССР. Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 1990. – С. 71–83.
11. *Хольфут, А. Интерпретативные деонтические выражения в славянских и балтийских языках. Источники и пути развития* / А. Хольфут, Е. Коницкая // *Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков (преимущественно в свете языковых контактов)* / В. В. Иванов, П. М. Аркадьев (ред.). – СПб., 2013. – С. 195–219.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 21.05.2022.

Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dwds.de> – Дата доступа : 12.05.2022.

Поступила в редакцию 04.07.2022

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111'42'38

Беликова Екатерина Александровна
аспирант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Ekaterina Belikova
PhD Student of the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
ekaterina.belav@gmail.com

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ НАУЧНОГО ТЕКСТАNEGATIVE CONSTRUCTIONS IN THE SCIENTIFIC TEXT:
STRUCTURAL AND SEMANTIC ASPECTS

Статья посвящена выявлению закономерностей употребления отрицательных конструкций в композиционных частях научного текста. В качестве единицы формальной организации научного текста рассматривается понятие композиционно-прагматического сегмента. Установлено, что композиционно-смысловая организация научного произведения оказывает влияние на частотность употребления отрицательных конструкций и их содержательно-семантические особенности.

Ключевые слова: *композиционно-прагматический сегмент; отрицательная конструкция; научный текст; фразовое отрицание; присловное отрицание; противопоставительное отрицание.*

The article explores the regularities of usage of the negative constructions functioning in the structural parts of the scientific text. The compositional-pragmatic segment is considered as the unit of the formal organization of the scientific text. It is revealed that the composition and the content of the scientific text influence the frequency of usage of the negative constructions and their semantic peculiarities.

Key words: *compositional-pragmatic segment; negative construction; scientific text; sentential negation; constituent negation; contrastive negation.*

Ряд аспектов, касающихся специфики функционирования семантико-прагматической категории отрицания в научной коммуникации, является недостаточно изученным, несмотря на богатую и весьма плодотворную историю ее исследования [1; 2; 3; 4; 5; 6]. В частности, открытым остается вопрос об особенностях употребления отрицательных конструкций в композиционных частях научного текста.

Известно, что композиция научного текста «служит формальным выражением его логико-смыслового наполнения» [7, с. 180] и представляет собой «построение элементов содержания текста по определенной схеме, обусловленной речемыслительными законами научной деятельности и коммуникативной установкой автора» [8, с. 178]. В данном определении фикси-

руется зависимость текстопорождения от закономерностей мышления в процессе познавательной деятельности ученого. Учитывая, что «композиционная структура некоторым образом влияет на внутритекстовое распределение языковых единиц» [9, с. 53], можно предположить, что локализация отрицательных конструкций в той или иной структурной части научного текста может оказывать определенное влияние на специфику их употребления.

Цель исследования – выявить закономерности функционирования отрицательных конструкций в структурных частях научного текста. В качестве объекта анализа выступают отрицательные конструкции с эксплицитными показателями отрицания, такими как: частица *not*; отрицательные местоимения и местоименные наречия (*no, nobody, no one, none, nothing, never*).

Из всего многообразия подходов к композиционной структуре научного текста для нас наибольший интерес представляет концепция В. Е. Чернявской, которая в качестве инвариантной единицы формальной организации научного текста вводит понятие композиционно-прагматического сегмента (КПС) [10]. КПС определяется автором как «выраженный на поверхностном уровне частный компонент глубинного смыслового уровня текста, детерминированный моделью речемыслительной деятельности в последовательности этапов формирования нового знания: проблемы, гипотезы, ее формализованного или опытно-эмпирического доказательства, вывода и определяемый зависимыми от них более частными познавательно-коммуникативными действиями ученого» [10, с. 69]. При этом подчеркивается, что связь между отдельными сегментами научного произведения осуществляется в рамках смыслового целого. В данной концепции анализируются смысловые и прагматические характеристики научного текста.

Модель композиционной организации научных текстов представлена такими КПС, как:

- 1) характеристика темы / предмета исследования;
- 2) история вопроса;
- 3) постановка цели и задач исследования;
- 4) формулировка проблемы;
- 5) выдвижение гипотезы;
- 6) доказательство / описание эксперимента;
- 7) выводы и научный прогноз.

Каждый КПС представляет собой стандартизированное текстовое образование, поскольку «обладает типовым содержанием и представлен в научном тексте определенным набором средств выражения» [Там же, с. 70–71]. В данной концепции структурные части научного текста выделяются согласно этапам познавательной деятельности ученого, а границы сегментов определяются сменой мыслительных этапов.

Материалом для анализа послужили 30 англоязычных научных статей из периодических изданий по гуманитарным, точным и естественным наукам. Из данных текстов методом сплошной выборки было отобрано 615 отрицательных конструкций.

На первом этапе анализа были установлены количественные тенденции употребления отрицательных конструкций в КПС. При этом сначала важно определить, в каком количестве текстов по отношению к их общему числу (30) фиксируются отрицательные конструкции в каждом из рассматриваемых композиционно-прагматических сегментов. Результаты количественного анализа данного этапа приведены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Количество текстов, содержащих отрицательные конструкции
в композиционно-прагматических сегментах,
по отношению к общему числу текстов

Композиционно-прагматический сегмент	Количество текстов с отрицательными конструкциями
характеристика темы	13 %
история вопроса	53 %
постановка цели	10 %
формулировка проблемы	43 %
выдвижение гипотезы	0 %
доказательство	100 %
выводы	40 %

Из полученных количественных данных следует, что сегменты научного текста весьма избирательны в употреблении отрицательных конструкций. Так, в КПС «доказательство» отрицательные конструкции представлены абсолютно во всех текстах. Достаточно частотны конструкции с отрицанием в сегментах «история вопроса», «формулировка проблемы» и «выводы». Наименее востребованы отрицательные конструкции в КПС «характеристика темы» и «постановка цели». В КПС «выдвижение гипотезы» не встретилось ни одной отрицательной конструкции.

А на этапе количественного анализа следует учитывать и то, что рассматриваемые КПС значительно различаются не только по их значимости и функционально-семантической нагрузке, но и по объему. В связи с этим представляется важным выявить относительную частотность употребления отрицательных конструкций в структурных частях научного текста (табл. 2). В каждом из анализируемых сегментов за 100 % принималось общее количество предложений в данном компоненте. Далее было подсчитано суммарное количество конструкций, употребляемых в рассматриваемом сегменте, и определена их относительная частотность.

Относительная частотность употребления отрицательных конструкций
в композиционно-прагматических сегментах

Композиционно-прагматический сегмент	Количество предложений в сегменте	Количество конструкций в сегменте	Относительная частотность отрицательных конструкций
характеристика темы	48	5	10 %
история вопроса	415	54	13 %
постановка цели	55	4	7 %
формулировка проблемы	163	44	27 %
доказательство	2617	471	18 %
выводы	297	36	12 %

Полученные данные демонстрируют неравномерную представленность отрицательных конструкций в КПС научного текста. Так, лидером является сегмент «формулировка проблемы», в котором наблюдается наибольшая концентрация отрицательных конструкций, в то время как компонент «доказательство» оказывается на втором месте. Несколько менее частотны отрицательные конструкции в КПС «история вопроса», «выводы», «характеристика темы». Наименьшая концентрация отрицательных конструкций зафиксирована в сегменте «постановка цели». Для установления особенностей функционирования отрицательных конструкций в композиционной организации научного текста следует проанализировать содержательный аспект рассматриваемых сегментов.

Количество отрицательных конструкций в КПС «характеристика темы» может показаться избыточным, поскольку они несколько противоречат целевым установкам данного компонента, который ориентирован на акцентирование новизны проводимого исследования и его актуальности. Однако отрицательные конструкции употребляются в рассматриваемом КПС в тех случаях, когда автор считает необходимым подчеркнуть значимость выбранной темы, которая является не новой, но интерес к ее изучению не угасает ввиду ее сложности, многоаспектности и проблемного характера:

*Although it is well known that hyper- and hypotension diseases are widespread all over the world, one **does not always know** the impact of a physiologically abnormal measure. For instance, an increase of 5 mmHg will*

*double the risks of cardiovascular diseases; it is therefore essential **not to underestimate** the blood pressure* (R. Paulus. Blood Flow under External Strains: Phenomenological Approach, Theoretical Development and Numerical Analysis)¹.

В КПС «история вопроса», где систематизируются накопленные сведения и приводятся ссылки на полученные теоретические положения и практические результаты, отрицательные конструкции указывают на неисследованность некоторых аспектов рассматриваемого объекта и на невыявленность ряда закономерностей и тенденций, которые, с точки зрения автора, нуждаются в изучении:

*However, these data only show compatibility with the assumptions of the item-based learning model. Dabrowska and Lieven's (2005) analysis **does not confirm** that children are in fact storing these lexically-specific frames (though see Bannard and Matthews 2008) and using them to derive subsequent utterances* (B. Ambridge. Predicting Children's Errors with Negative Questions).

В КПС «постановка цели и задач» отрицательные конструкции встречаются крайне редко. Для формулирования цели и задач исследования обычно употребляются утвердительные высказывания. Отрицательные конструкции вводятся в данный сегмент только в случае необходимости сузить границы объекта изучения, обозначив круг тех вопросов, которые автор не планирует рассматривать в рамках представленной работы:

*However, my main aim in this paper **is not to present and defend a monosemous approach to the English modals across the board*** (A. Papafragou. Modality in Language Development).

В КПС «формулирование проблемы» автор критически переосмысливает накопленные сведения, выражает свою оценку и формирует собственную исследовательскую позицию. При этом отрицательные конструкции отличаются выраженным содержательным многообразием и указывают на:

- неполноту существующих исследований / отсутствие решения обсуждаемой проблемы: *Apart from the conflation, these approaches **do not help in resolving** how to do the balancing in the first place* (R. Bernabel. Decision Theory and the Evaluation of Risks and Benefits of Clinical Trials);

- неточность / неубедительность интерпретации, приводимых аргументов, формулировок или употребления терминов: *In other words, the claim that "the majority of constructions that license SAI have at least two features of non-prototypical sentences" (CW, 176), even if true, **does not seem to be particularly compelling**, since the majority of constructions that have at least two features of non-prototypical sentences do not license SAI* (R. Borsley. On Subject-Auxiliary Inversion);

¹ Здесь и далее отрицательные конструкции выделяются жирным шрифтом. – Е. Б.

- методологические или методические слабости предшествующих исследований: *I could find **no description** of an input-output procedure nor of a process-model that tells us how new utterances are produced on the basis of previous utterances* (R. Bod. Constructions at Work or at Rest?);

- неполноту полученных выводов: *Some work has been done in this connection, but the results **are not always straightforward*** (A. Papafragou. Modality in Language Development: a Reconsideration of the Evidence).

Как видно, в анализируемом сегменте конструкции с отрицанием помогают выявить противоречия между уже известными и новыми сведениями, что является стимулом для дальнейшего исследования, которое и проводит автор в своей работе.

Еще более вариативно наполнение сегмента «доказательство», который является самым крупным и сложным компонентом в композиционной структуре научного текста. В рассматриваемом сегменте отрицательные конструкции также характеризуются содержательным многообразием и указывают на:

- отсутствие некоторых явлений, тенденций, показателей, изменений, процессов и пр.: *By this we mean that rotating the arrangement **does not change** it, but we maintain a fixed direction; a flip or reversal produces a different arrangement* (H. S. Snevily. The Bricklayer Problem and the Strong Cycle Lemma);

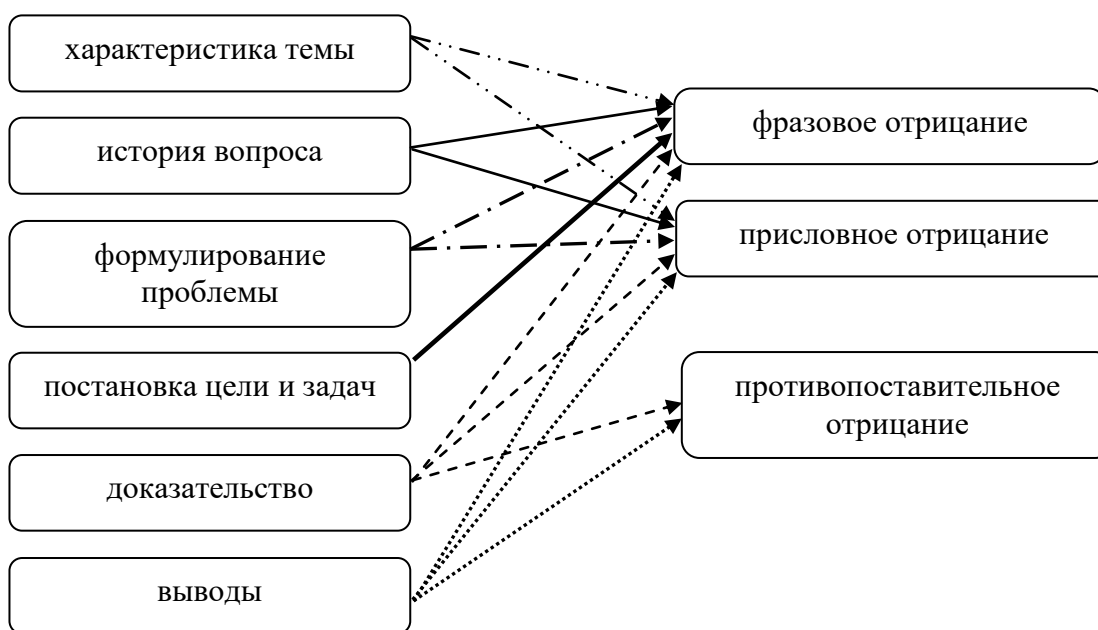
- отсутствие признаков / характеристик / свойств / качеств описываемого объекта или явления: *As this is the case for every “z”, by compactness we conclude that “t” **was not maximal*** (A. Deitmar. Benjamini–Schramm Convergence and Zeta Functions);

- невозможность совершения действия: *This is well known to experts, but we **could not find** a reference with all the properties, in the particular setting and degree of generality we need, spelled out* (T. J. Fonseca. On Coefficients of Poincaré Series and Single-Valued Periods of Modular Forms).

КПС «выводы» ориентирован на подведение итогов проведенного исследования. В данном сегменте отрицательные конструкции употребляются довольно редко и, как правило, подчеркивают неокончателность полученных выводов / некоторую ограниченность представленных результатов:

*This study also has several limitations... Third, we **have not completed** genetic sequencing for all viruses. Fourth, because there was a relatively small number of breakthrough infections, we **could not differentiate** attenuation effects associated with partial vaccination from effects associated with full vaccination* (M. G. Thompson. Prevention and Attenuation of Covid-19 with the BNT162b2 and mRNA-1273 Vaccines).

Проведенный анализ позволяет зафиксировать некоторые корреляции между содержательно-смысловым наполнением композиционных сегментов научного текста и структурно-семантическими типами представленных в них отрицательных конструкций (рисунок).

Структурно-семантические типы отрицательных конструкций
в композиционно-прагматических сегментах

Во всех анализируемых сегментах употребляются конструкции с фразовым отрицанием (см. примеры выше), которое при этом является доминирующим типом отрицания в изученных статьях. Употребление присловного отрицания характерно для всех композиционных частей, за исключением КПС «постановка цели и задач», в которых необходимо комплексное и детальное описание разнообразных научных понятий, явлений и процессов. Что касается противопоставительного отрицания, то оно встречается в тех компонентах, где важно максимально полно и точно высказать свое мнение, расставить смысловые акценты или выделить наиболее значимые содержательные аспекты, а именно в КПС «доказательство» и «выводы». Кроме того, в сегменте «выводы» конструкции с противопоставительным отрицанием акцентируют новизну / нетривиальность / оригинальность полученных результатов, которые в определенной степени опровергают или уточняют уже существующее знание:

*Study 3 demonstrated that even adults show the prototypicality effect for questions, **but not for declaratives*** (E. Dabrowska. The Acquisition of Long-distance Dependencies).

Подводя итог, отметим, что отрицательные конструкции наиболее востребованы в сегменте «доказательство» ввиду его значительной текстовой протяженности и разнообразного семантического наполнения. Однако анализ относительной частотности употребления отрицательных конструкций показывает их наибольшую концентрацию в компоненте «формулирование проблемы», где они помогают зафиксировать исследовательские лакуны, которые, по мнению автора, нуждаются в заполнении. Вместе с тем

целевые установки некоторых композиционных сегментов (таких как «характеристика темы», «постановка цели», «выводы») обуславливают спорадический характер употребления отрицательных конструкций.

Таким образом, можно говорить о том, что появление отрицательных конструкций в структуре научного текста продиктовано как содержательно-смысловыми особенностями анализируемых компонентов и спецификой обсуждаемой проблемы, так и специфическими прагматическими задачами, которые решает автор исследования в каждом сегменте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Givon, T. Negation in language : pragmatics, function, ontology / T. Givon // Stanford working papers in language universals. – 1978. – № 18. – P. 69–112.
2. Бондаренко, В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В. Н. Бондаренко. – М. : Наука, 1983. – 212 с.
3. Horn, L. R. A natural history of negation / L. R. Horn. – Stanford : CSLI Publications, 1989. – 684 p.
4. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – 3-е изд. – М. : КомКнига, 2006. – 408 с.
5. Прокофьева, О. А. Функционально-семантические особенности категории отрицания в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. А. Прокофьева. – Пятигорск, 2002. – 199 л.
6. Мусаева, А. А. Семантика и функции отрицания в англоязычном публицистическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. А. Мусаева. – Пятигорск, 2012. – 170 л.
7. Кожин, А. Н. Функциональные типы русской речи / А. Н. Кожин, О. А. Крылова, В. В. Одинцов. – М. : Высш. шк.; 1982. – 223 с.
8. Баженова, Е. А. Специфика смысловой структуры научного текста и его композиции / Очерки истории науч. стиля рус. литературного языка XVIII–XX вв. : в 3 т. / сост. М. Н. Кожина. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та. 1996. – Т. 2. – С. 158–235.
9. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. : в 3 т. / редкол.: М. Н. Кожина [и др.]. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1996. – Т. 1. – 301 с.
10. Чернявская, В. Е. Интерпретация научного текста : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – 2-е изд. – М. : КомКнига, 2005. – 128 с.

Поступила в редакцию 03.06.2022

Жукова Анна Олеговна

аспирант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Hanna Zhukava

PhD Student of the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
anna.lyumi@mail.ru

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА АНГЛИЙСКИХ ПРЕДЛОГОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ БЛИЗКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ

SPATIAL SEMANTICS OF ENGLISH PREPOSITIONS DENOTING PROXIMITY

В статье освещаются результаты исследования пространственной семантики многозначных предлогов английского языка, обозначающих отношение близкого расположения. Выявлены интегральные и дифференциальные семы, входящие в состав пространственного значения предлогов. Полученные данные способствуют дифференциации изученных единиц.

Ключевые слова: *предлог; предложные отношения; близкое расположение; пространственное значение; пространственные отношения.*

The results of the research presented in this article demonstrate the existence of integral and differential semes in the semantic structure of English prepositions denoting proximity. Semantic characteristics of the prepositions under study reveal both similarities and differences. The identified distinctions in the semantics of prepositions help differentiate them.

Key words: *preposition; prepositional relations; proximity; spatial meaning; spatial relations.*

Пространственное значение предлогов служит для передачи информации о местонахождении и направлении движения объектов. В предложной семантике находят отражение 3 типа пространственных отношений: *топологические* (отражение противопоставления внутреннего/внешнего пространств), *димензиональные* (отражение ориентации в пространстве по оси «сверху – снизу», «слева – справа», «спереди – сзади») и *дирекциональные* (отражение направления перемещения) [1, с. 52–53]. Пространственные топологические предлоги передают 4 вида отношений: включение, контакт, близкое расположение и удаленность [Там же, с. 40]. Отношение близкого расположения означает положение объектов близко друг к другу, при этом они не состоят в отношениях включения или контакта.

В английском языке отношение близкого расположения выражается предлогами *alongside, at, beside, next to, near*¹. Отмечается (см. [3; 4]), что

¹ Предлог *by*, способный передавать информацию о нахождении объектов рядом друг с другом, не рассматривается в статье, так как относится к группе непространственных предлогов с пространственным происхождением (см. [2]) и исследуется отдельно.

данное отношение передается наиболее длинными предложными рядами. Вероятно, это связано с тем, что оно имеет оценочный характер и основывается на понятии дистанции, определяемой субъективно [1, с. 120]. Например, дистанция между объектами *ручка* и *книга* в выражении *a pen near the book* ‘ручка рядом с книгой’ с очевидностью меньше дистанции между объектами *озеро* и *дом* в выражении *a lake near the house* ‘озеро рядом с домом’.

В лингвистических работах отмечают сложность разграничения семантики предлогов, обозначающих одно и то же отношение, и, как следствие, неудовлетворительность их описания в лексикографических работах (см. [3; 4]). Это относится и к предлогам близкого расположения. Так, в статьях Oxford University Press (OUP) пространственное значение *beside* и *alongside* толкуется как *next to something*; а *near* – *at a distance* [5]. Данные определения, в которых значения предложных единиц описываются друг через друга, не позволяют дифференцировать их семантику. То же можно сказать и о других предлогах, обозначающих отношение близкого расположения.

Несмотря на наличие ряда работ [3; 6; 7; 8; 9; 10; 11], посвященных изучению семантики предлогов *at*, *beside*, *next to*, *near*, *alongside*, проблема дифференциации их пространственного значения до сих пор остается актуальной. В исследованиях по семантике данных предлогов рассматриваются либо отдельные единицы, либо их отдельные семантические характеристики. Наиболее часто объектом изучения становится предлог *at* (см. [3; 6; 7; 8; 9; 10; 11] и др.), что, вероятно, объясняется его высокой частотностью (см. [12]). Так, К. Ковентри устанавливает факторы, влияющие на употребление предлога *at* [7]; О. В. Анисимова выявляет деривационные механизмы формирования его семантической структуры [11], однако исследования отличий его семантики от семантики других единиц близкого расположения не проводится. Употреблению предлогов *at*, *beside*, *next to*, *near*, *alongside* посвящен труд С. Линдстомберга [8], который, приводя большое количество контекстов, разграничивает использование данных единиц в разных ситуациях. Дифференциация семантики предлогов, однако, сводится к сравнению контекстов с *beside* и *alongside*, *at* и *near*. Т. Н. Маляр рассматривает наличие признаков дистанционности и пространственности в семантической структуре предлогов близкого расположения [3], а Ю. Р. Юсупова устанавливает наличие функциональных и психоэмоциональных связей между объектами, реализующихся предлогами *at*, *beside*, *near* [10]. Разграничение семантики предлогов в обоих случаях, однако, не проводится.

Целью данной статьи является установление семного состава пространственного значения предлогов близкого расположения в английском языке и разграничение их семантики. Для решения поставленной задачи использовался комплекс методов, предложенный Л. А. Тарасевич [1]. Он включает анализ словарных дефиниций для первичного установления семного состава

пространственного значения предлогов; дистрибутивный анализ, позволяющий выявить различия между синонимичными предлогами на уровне сочетаемостных свойств; метод субституции для исследования возможности взаимозаменяемости предлогов в идентичных контекстах; этимологический анализ [13] для установления внутренней формы единиц, которая может влиять на особенности их употребления. Для анализа словарных дефиниций привлекались словари OUP [5], Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD) [14], Longman Dictionary of Contemporary English (LDOCE) [15]. Их выбор и обращение к онлайн-изданиям продиктовано желанием раскрыть семантическую структуру предлогов на современном этапе развития языка, чему способствуют актуальные сведения, представленные в статьях выбранных изданий.

Дистрибутивный анализ позволяет определить классы наименований объектов, с которыми преимущественно употребляется предлог. В нашем исследовании используется классификация, предложенная Л. А. Тарасевич [1]. Автор, рассмотрев онтологические свойства объектов, наименования которых функционируют в предложных конструкциях с пространственным значением, и описав критерии для отнесения объектов к той или иной группе, выделяет 10 классов наименований объектов, с которыми употребляются предлоги: «Человек», «Части тела», «Геополитические объекты», «Здания и сооружения», «Части зданий», «Транспортные средства», «Ограниченно подвижные артефакты», «Геофизические объекты», «Пути» и «Веще-признаки»¹. Важнейшим свойством объектов, имена которых употребляются с предлогами, является их принадлежность к воспринимаемому или воображаемому пространству. К объектам воспринимаемого пространства относятся те, которые поддаются целостному визуальному восприятию (например, человек, здания, геофизические объекты типа *трава*), тогда как объекты воображаемого пространства (например, геополитические объекты и геофизические объекты типа *океан*) невозможно воспринимать одновременно [Там же, с. 70]. Дистрибуция исследуемых предлогов устанавливалась на материале Британского корпуса английского языка [17]. Методом сплошной выборки для каждой рассматриваемой единицы отобрано и проанализировано по 200 контекстов², в которых она употреблена в пространственном значении.

Семантика предлогов исследуется в предложных конструкциях, поскольку данные языковые единицы не употребляются автономно. Оптимальной для этих целей представляется схема конструкции, предложенная В. Грисхабером [цит. по 18, с. 46]: L + V + P + R, где L, V и R – знаменательные слова, а P – предлог, осуществляющий отношения между ними. На синтаксическом уровне имя локализуемого объекта (L) помещается

¹ Веще-признаки (вслед за М. В. Никитиным) – класс вещных слов с нечеткими границами, например, *отверстие, нора, пещера* и т.п. [16, с. 364].

² Данное количество контекстов представляется репрезентативным (см. [1, с. 65–67]).

в позицию слева от предлога, а имя локализирующего объекта (R) – справа. В предложной конструкции важную роль играет глагол, уточняющий вид отношений между L и R: динамичные ('+дирекционал') или статичные ('-дирекционал'). Предлоги могут обозначать отношения не только между физическими объектами (*a mill beside a house* 'мельница у дома'), но и соотносить наименование действия с объектом. В примере *I clutched at the rope* 'Я схватился за веревку', объект *веревка* контактирует с объектом *я* в результате действия *хватать*.

Перейдем к рассмотрению пространственной семантики исследуемых предлогов. В изученных словарных дефинициях пространственное значение предлогов близкого расположения представлено, в целом, сходным образом. Например, *at* определяется как «expressing location or arrival in a particular place or position» 'выражает местоположение или прибытие в определенное место или положение' [5], «used to say what someone tries to touch, or keeps touching» 'используется для обозначения того, к чему кто-то пытается прикоснуться или продолжает прикасаться' [15]; *beside* – «at the side of; next to» 'на стороне; рядом с' [5]; *next to* – «in or into a position immediately to one side of; beside» 'в позиции или по направлению к позиции, находящейся непосредственно по одну сторону от; рядом' [Там же]; *near* – «at or to a short distance away from (a place)» 'около или на небольшом расстоянии от (места)' [Там же]; *alongside* – «close to the side of; next to» 'близко к стороне; рядом с' [Там же]. Исходя из данных определений интегральными семами для рассмотренных предлогов выступают семы 'близкое расположение' и '+/-дирекционал' (отражение отношений статика vs. динамика, которые уточняются в семантике каждого предлога). Помимо данных сем, каждый предлог обнаруживает дифференциальные семы. Для предлога *beside* это сема 'сбоку' (нахождение объектов по одну из сторон друг друга), для предлога *at* – семы 'контакт', '+дирекционал' (отражение дирекциональных отношений). Это, однако, не позволяет разграничить употребление изучаемых предлогов в контекстах типа *The chairs should be at/beside/alongside/next to/near the wall* 'Стулья должны быть рядом со стеной'.

Остановимся подробнее на семантических характеристиках каждого из изученных предлогов, начав с наиболее частотной единицы – предлога *at*. Он насчитывает в корпусе 516 591 вхождений, что превышает более чем в 30 раз показатели других единиц: *beside* – 5 349, *next to* – 2 866, *near* – 17 606, *alongside* – 3 172 вхождений соответственно.

Отношение близкого расположения в семантике предлога *at* иллюстрируется примерами (1, 2). В данном значении с помощью предлога указывается на нахождение L в некоторой точке в непосредственной близости от R. Предлог передает отношения в статике (сема '-дирекционал'):

- (1) *Turn left at the church* 'У церкви поверните налево';
- (2) *He was standing at the wall* 'Он стоял у стены'.

Предлог *at* в отличие от других предлогов близкого расположения способен обозначать возможный или реальный контакт между соотноси-

мыми объектами, находясь в отношениях семантического согласования с глаголом. Сема ‘+дирекционал’ при этом уточняется как ‘дирекционал_{цель}’. Так, в примере (3) с помощью *at* выражается направленность действия на L:

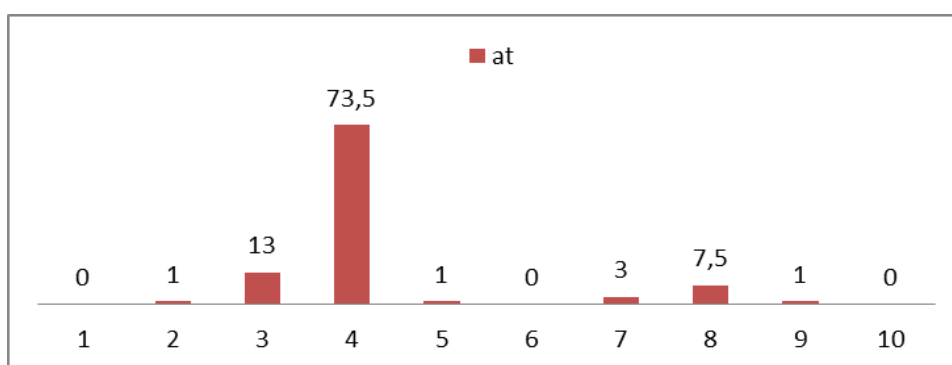
(3) *He pointed a gun at her* ‘Он направил на нее пистолет’.

В примере (4) действие *tore* ‘раздирать’ предполагает контакт между соотносимыми объектами:

(4) *Briars and thorns tore at my legs* ‘Шипы раздирали мне ноги’.

В контекстах типа 1, 2 возможна замена предлога *at* на другие предлоги, обозначающие отношение близкого расположения: *Come sit near the fire* = *Come sit at the fire* ‘Иди сядь у огня’. В ситуациях реализации предлогом *at* сем ‘контакт’ или ‘дирекционал_{цель}’ подобная замена либо недопустима, либо приводит к изменению значения высказывания. Ср.: *He hit at her face with the gun* ‘Он ударил ее по лицу пистолетом’ и **He hit beside her face with the gun* ‘Он ударил рядом с ее лицом пистолетом’; *Leslie pointed at him* ‘Лесли указал на него’ и *Leslie pointed somewhere next to him* ‘Лесли указал куда-то рядом с ним’.

Перейдем к дистрибутивному анализу наименований классов объектов, с которыми используется *at*. Результаты анализа сочетаемости предлога с наименованиями разных классов объектов представлены на рис. 1.

Легенда: 1 – «Человек», 2 – «Части тела», 3 – «Геополитические объекты», 4 – «Здания», 5 – «Части зданий», 6 – «Транспорт», 7 – «Ограниченно подвижные артефакты», 8 – «Геофизические объекты», 9 – «Пути», 10 – «Вещепризнаки».

Рис. 1. Относительная частота употребления предлога *at* с наименованиями классов объектов

Из рисунка следует, что предлог *at* преимущественно употребляется с наименованиями объектов воображаемого пространства (класс «Геополитические объекты»). Используясь в конструкциях с наименованиями зданий и сооружений, единица указывает на отношение близкого расположения между физическими объектами только в 5,5 % от общего числа изученных контекстов. В 94,5 % случаев речь идет не о расположении L рядом с физическим объектом, а о соотношении L с объектом, являющимся социальным институтом, с которым он связан функционально (пример 5).

(5) *Jane is at Yale* ‘Джейн учится (работает) в Йельском университете’.

Имплицитирование функциональной связи между соотносимыми объектами отличает предлог *at* от других предлогов, обозначающих близкое расположение. Это обуславливает невозможность его замены в данном значении. Ср.: *He's sitting beside/next to/alongside Tom* 'Он сидит рядом с Томом' и **He's sitting at Tom; He is at school* 'Он в школе' и *He is beside/next to/alongside/near the school* 'Он около школы'.

Таким образом, отличительными чертами семантики предлога *at* являются его тенденция к употреблению с наименованиями объектов воображаемого пространства, способность соотносить наименование действия с объектом и указывать на функциональную связь между объектами.

Перейдем к рассмотрению семантики предлогов *beside*, *next to* и *near*, являющихся наиболее сложными для разграничения.

Предлог *beside* передает отношение близкого расположения в статике (примеры 6, 7). Согласно этимологическим сведениям [13] он образован от староанглийской конструкции *be sidan* (by the side of) 'рядом с', дословно 'у стороны'. Внутренняя форма предлога *beside* накладывает ограничение на регион локализации объектов: они должны находиться по одну из сторон друг друга, что иллюстрируют примеры ниже:

(6) *She sat beside Mr. Tavernier* 'Она села рядом с мистером Тавернье';

(7) *No one dared to walk beside the churchyard* 'Никто не осмеливался ходить рядом с кладбищем'.

Предлог *next to*, посредством которого в некоторых словарях описывается значение предлога *beside*, образован от прилагательного *next* (nearest in place, position, rank, or turn) 'ближайший по месту, положению, рангу или очереди' и предлога *to* (in the direction of) 'в направлении к'. Данный предлог передает отношение близкого расположения в статике (8, 9):

(8) *We were sitting next to each other* 'Мы сидели рядом друг с другом';

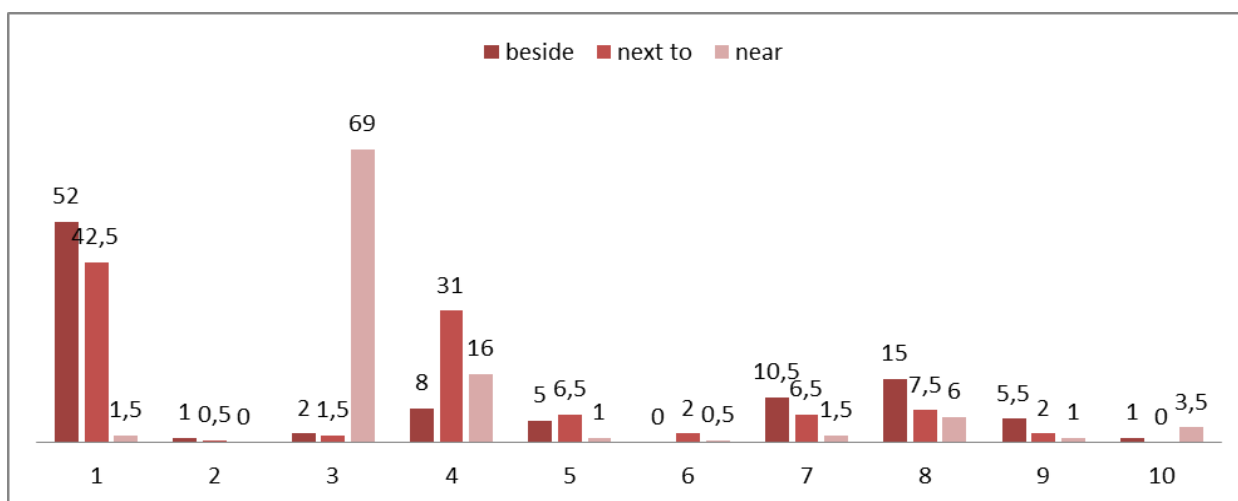
(9) *Position the meter next to the phone* 'Положите измеритель рядом с телефоном'.

Предлог *near* образован от прилагательного *near* "closer, nearer" 'близкий' примерно в середине XIII в. [Там же]. Предлог *near* имеет форму *near to*, которая, согласно OALD, «not usually used before the name of a place, person, etc.» [14] 'обычно не используется перед наименованием места, человека и т.п.'. По нашим наблюдениям, *near to* употребляется синонимично *near* в непространственных значениях, однако в некоторых случаях может использоваться и в пространственном значении: *Jack, who lives near to the river, has made complaints...* 'Джек, живущий недалеко от реки, пожаловался...'. Предлог *near* передает отношение близкого расположения в статике (10, 11):

(10) *The car park's near the sawmill* 'Автостоянка находится возле лесопилки';

(11) *They live near London* 'Они живут недалеко от Лондона'.

Разграничение семантики предлогов *beside*, *next to*, *near* проводилось с помощью дистрибутивного анализа. Полученные результаты в обобщенном виде представлены на рис. 2. Выявлено, что предлоги *beside* и *next to* преимущественно употребляются с наименованиями объектов воспринимаемого пространства: «Человек», «Здания и сооружения», «Части зданий», «Ограниченно подвижные артефакты». В отличие от *beside* и *next to*, предлог *near* обнаруживает тенденцию употребляться с наименованиями геополитических объектов, относящихся к воображаемому пространству.

Легенда: 1 – «Человек», 2 – «Части тела», 3 – «Геополитические объекты», 4 – «Здания», 5 – «Части зданий», 6 – «Транспорт», 7 – «Ограниченно подвижные артефакты», 8 – «Геофизические объекты», 9 – «Пути», 10 – «Вещепризнаки».

Рис. 2. Относительная частота употребления предлогов *beside*, *next to* и *near* с наименованиями классов объектов

Рассмотрим подробнее ситуации употребления предлогов *beside*, *next to* и *near* с наименованиями одних и тех же классов объектов для установления различий и сходств в семантике данных единиц.

В контекстах типа 12, 13 отличия в употреблении предлогов *beside* и *next to* с наименованиями человека не объективируются. В примерах говорится о расположении объектов на переднем сидении транспортного средства. Подобное положение возможно при нахождении объектов сбоку друг от друга, что подтверждает предположение об ограничении предлогом региона локализации объектов. В подобных ситуациях допустимо и использование предлога *next to*, не имеющего такого ограничения, о чем свидетельствует пример (13).

(12) *He sat **beside** me in the front seat* ‘Он сел рядом со мной на переднем сиденье’;

(13) *He sat **next to** the driver* ‘Он сел рядом с водителем’.

Установлено, что предлог *beside* употребляется преимущественно с наименованиями геофизических объектов и ограниченно подвижных артефактов. Данные объекты имеют выделенные боковые стороны, напри-

мер, берега рек и водоемов, боковые стороны предметов интерьера и т.п., что еще раз свидетельствует об ограничении предлогом региона локализации объектов. Однако использование в контекстах с данными предлогов *next to* и *near* также допустимо (ср. приведенные ниже примеры 14–19):

- (14) *We walked **beside** the lake* ‘Мы гуляли около озера’;
- (15) ***Next to** the lake is a swimming pool* ‘Рядом с озером есть бассейн’;
- (16) *They became separated **near** the river* ‘Они разошлись у реки’;
- (17) *I put it **beside** my bed* ‘Я положил его возле своей кровати’;
- (18) ***Next to** the bowl was his plate* ‘Рядом с чашей стояла его тарелка’;
- (19) *A teddy bear was found **near** a woman’s shoe* ‘Плюшевого мишку нашли рядом с туфлей женщины’.

Анализ контекстов показывает, что предлог *beside* используется с наименованиями сооружений, которые стоят или примыкают боковой стеной к другим зданиям. Эта тенденция хорошо прослеживается в примерах, в которых речь идет о расположении известных достопримечательностей относительно друг друга (20, 21). Церковь Сан-Челсо и Санктуарий Санта Мария (20) находятся боковыми сторонами друг к другу, а боковая стенка Маурицхейса обращена к боковой стене башни Бинненхофа (21):

(20) *The church **beside** San Celso is... Il Santuario di Santa Maria dei Miracoli presso San Celso* ‘Церковь рядом с Сан-Челсо... это Санктуарий Санта Мария presso Сан Чельсо’;

(21) ***Beside** the Mauritshuis is the Binnenhof* ‘Рядом с Маурицхейсом находится Бинненхоф’.

Если предлог *beside* ограничивает регион локализации объектов, то предлог *next to* не конкретизирует определенную локализацию в ближайшем регионе R, что делает возможным его использование в более широком спектре контекстов. Таким образом, различие между употреблением предлогов *beside* и *next to* состоит в регионе локализации, который задается этими предлогами.

Предлог *near*, согласно данным дистрибутивного анализа, способен употребляться с наименованиями зданий, как и предлоги *beside* и *next to*. Согласно данным тезауруса LDOCE, три предлога различаются выражением разного размера дистанции между объектами [15]. Так, предлог *near* означает «only a short distance from something or someone» ‘только на небольшом расстоянии от чего-то или кого-то’, предлог *next to* – «very close to someone or something, with no other person, building, place etc in between» ‘очень близко к кому-то или чему-то, без другого человека, здания, места и т.п. между ними’, а предлог *beside* – «next to the side of someone or something» ‘рядом со стороной кого-то или чего-то’. Из данных толкований следует, что предлог *near* обозначает дистанцию большего размера, чем предлоги *next to* и *beside*.

Однако, по нашему мнению, различие в семантике предлогов *near*, *beside*, *next to* проявляется не в размере дистанции, а в характеристиках наименований объектов, с которыми используются данные единицы.

Тенденция предлога *near* употребляться в контекстах с наименованиями объектов воображаемого пространства определяет невозможность его замены на предлоги *beside*, *next to* в контекстах типа *They live near London* 'Они живут недалеко от Лондона' и **They live beside/next to London*. Подчеркнем, что эти различия обнаруживаются на уровне тенденций (ср. контексты 22, 23):

(22) *He lived in a house beside a village* 'Он жил в доме рядом с деревней';

(23) *...next to the village and 10 km from Puerto Rico* '...рядом с деревней и в 10 км от Пуэрто-Рико'.

Такое же отличие в регионе локализации наблюдается и при употреблении предлога *near* с наименованиями зданий (24, 25). В выражениях *жить вблизи атомной станции* (24) и *в центре рядом с магазинами и рынками* (25) объекты относятся к воображаемому пространству:

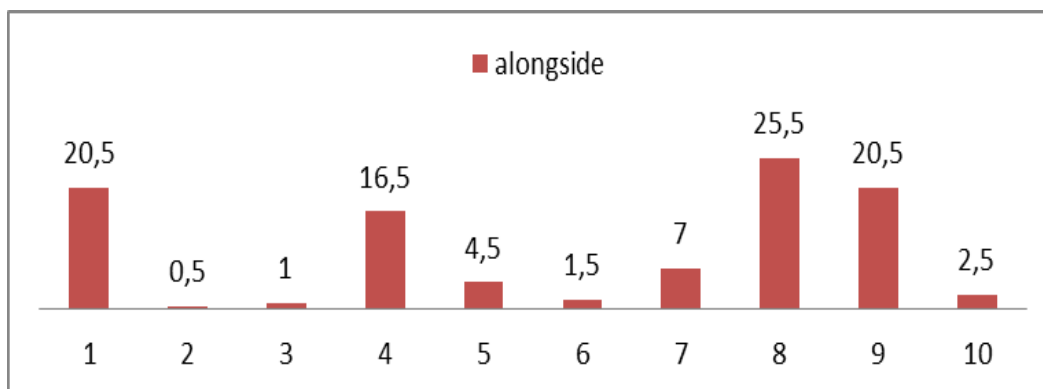
(24) *...high incidence of leukaemia among children living near the nuclear plant* '...высокая заболеваемость лейкемией среди детей, живущих вблизи атомной станции';

(25) *Being in the centre means you're near the shops and the markets* 'Быть в центре означает, что вы рядом с магазинами и рынками'.

В случае замены в ситуациях выше предлога *near* на *beside* или *next to*, пространственная локализация уточнится, как если бы жилые дома стояли бок о бок со станцией (24) или человек находился рядом с магазинами (25).

Таким образом, предлог *beside* передает пространственное отношение близкого расположения в статике и имеет тенденцию к ограничению региона локализации объектов. Регион локализации объектов, задаваемый предлогом *next to*, шире. В семантике предлога *near* установлены семы: 'близкое расположение', '—дирекционал'. Отличительной чертой предлога является его тенденция к употреблению с наименованиями объектов воображаемого пространства и указание на неопределенную дистанцию между объектами.

Рассмотрим семантику предлога *alongside*, образованного от наречия *alongside* и вошедшего в употребление с конца XVIII в. [13]. Само наречие возникло от сочетания предлога *along* 'вдоль' и существительного *side* 'сторона', что буквально означает «вдоль стороны» [Там же]. Внутренняя форма предлога *alongside* задает тенденцию к его употреблению с наименованиями объектов вытянутой формы: «it is used to describe scenes in which an elongated Subject or a path, is aligned with the long axis of an elongated Landmark» 'он используется для описания ситуаций, в которых удлинённый объект или путь совмещены с длинной осью удлинённого локализирующего объекта' [8, p. 81]. Это подтверждается результатами дистрибутивного анализа: предлог встречается, преимущественно, в контекстах с наименованиями геофизических объектов и путей, которые имеют удлинённую форму (рис. 3).

Легенда: 1 – «Человек», 2 – «Части тела», 3 – «Геополитические объекты», 4 – «Здания», 5 – «Части зданий», 6 – «Транспорт», 7 – «Ограниченно подвижные артефакты», 8 – «Геофизические объекты», 9 – «Пути», 10 – «Вещепризнаки».

Рис. 3. Относительная частота употребления предлога *alongside* с наименованиями классов объектов

Употребление предлога *alongside* иллюстрируется примерами 26; 27. В данных примерах предлог обозначает локализацию относительно объектов *край судна* и *река*, имеющих удлинённую форму:

(26) *It was possible to swim alongside the side of the wreck* ‘Можно было плыть по краю затонувшего судна’;

(27) *Much of the land alongside the river is below sea level* ‘Большая часть земли вдоль реки находится ниже уровня моря’.

Использование предлога *alongside* с наименованиями человека, однако, противоречит выявленной тенденции. Как пишет С. Линдстомберг, «an individual person is neither a typical Subject nor a typical Landmark for *alongside*, unless lying down» ‘отдельный человек не является ни типичным локализуемым объектом, ни типичным релятумом для *alongside*, если только он (человек) не лежит’ [8, p. 86]. Действительно, в положении лежа человека можно представить как нечто вытянутой формы. Из 200 отобранных нами контекстов в 41 случае предлог *alongside* употребляется с наименованиями человека. Из них 36 – ситуации, когда человек сидит/идет/стоит рядом с другим человеком, и только 5 – когда человек лежит. Отсюда следует, что предлог *alongside* может использоваться с наименованиями человека независимо от положения последнего:

(28) *Ken Bates sits alongside his wife* ‘Кен Бейтс сидит рядом со своей женой’.

Отличия в использовании предлогов *alongside*, *beside*, *next to* с наименованиями человека (ср. примеры 6, 8, 28) и *alongside*, *beside*, *next to*, *near* с наименованиями геофизических объектов и зданий и сооружений не объективируются (см. примеры 29, 30):

(29) *We lived alongside/beside/next to/near a cinema* ‘Мы жили рядом с кинотеатром’;

(30) *The hotel can be found **alongside/beside/next to/near** a lake* ‘ОТЕЛЬ находится рядом с озером’.

Таким образом, отличительной чертой семантики предлога *alongside* является его преимущественное использование с наименованиями объектов вытянутой формы. Имена локализуемых и локализующих объектов, с которыми употребляется предлог, имеют удлинненную форму или представляют собой несколько объектов, стоящих в ряд.

Проведенное исследование показало, что семантические характеристики предлогов, выражающих отношение близкого расположения, обнаруживают как сходства, так и различия. В обобщенном виде эти характеристики представлены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Семантические характеристики предлогов *at, beside, next to, near, alongside*

Семантические признаки	<i>at</i>	<i>beside</i>	<i>next to</i>	<i>near</i>	<i>alongside</i>
Отношения в статике	+	+	+	+	+
Отношения в динамике	+	—	—	—	—
Наличие функциональной связи между объектами	+	—	—	—	—
Наличие контакта	+	—	—	—	—
Профилирование региона, задаваемого боковой стороной локализующего объекта	—	+	—	—	—
Профилирование формы объекта	—	—	—	—	+
Определенная дистанция	+	—	—	—	—
Неопределенная дистанция	+	+/-	+/-	+	+/-

Данные таблицы позволяют сделать вывод об общности и специфике в членении пространства при помощи предлогов близкого расположения. Все предлоги передают отношения в статике, и один (*at*) – в динамике. Предлоги *beside* и *next to* имеют тенденцию к употреблению с наименованиями воспринимаемого пространства, однако регион локализации, задаваемый *beside*, уже, чем регион локализации, задаваемый *next to*. Предлог *near* в большинстве случаев используется в контекстах с наименованиями объектов воображаемого пространства. Предлог *alongside* проявляет тенденцию к употреблению с наименованиями объектов вытянутой формы. Пространственное значение предлога *at* неоднородно и может передавать отношения близкого расположения, контакта, указывать на цель, а также функциональную связь между объектами. Вопросу о том, существуют ли

закономерные связи между спецификой пространственного значения предлогов близкого расположения и их способностью образовывать непространственные значения, будут посвящены наши дальнейшие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тарасевич, Л. А.* Семантика и функционирование предлогов с пространственным значением (на материале немецкого и русского языков) / Л. А. Тарасевич. – Минск : МГЛУ, 2014. – 272 с.
2. *Жукова, А. О.* Предлоги в современном английском языке / А. О. Жукова // Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 15–16 апреля 2021 г. : в 5 ч. – Минск, 2021. – Ч. 3. – С. 13–15.
3. *Маляр, Т. Н.* Контрастивный анализ микросистемы дистанционно-пространственных предлогов и наречий в русском и английском языках / Т. Н. Маляр, О. Н. Селиверстова // Проблемы этносемантики. – М., 1998. – С. 143–167.
4. *Тарасевич, Л. А.* У или возле, близ или около: параметры дистанции в семантике русских предлогов / Л. А. Тарасевич // Преподавание иностранных языков в условиях интернационализации образования : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1–2 февр. 2013 г. – Минск, 2013. – С. 108–109.
5. Oxford University Press [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.lexico.com>. – Date of access : 02.03.2022.
6. *Herskovits, A.* Semantics and pragmatics of spatial prepositions / A. Herskovits // Cognitive Science. – 1985. – Vol. 9. – P. 341–378.
7. *Coventry, K. R.* Saying, Seeing, and Acting: The Psychological Semantics of Spatial Prepositions. Essays in Cognitive Psychology / K. R. Coventry, S. C. Garrod. – Hove : Taylor & Francis Routledge, 2004. – 216 p.
8. *Lindstromberg, S.* English Prepositions Explained / S. Lindstromberg. – Rev. ed. – Amsterdam : John Benjamins Publ. Co, 2010. – 273 p.
9. *Cienki, A. J.* Spatial Cognition and the Semantics of Prepositions in English, Polish and Russian / A. J. Cienki. – München : Sagner, 1989. – 172 p.
10. *Юсупова, Ю. Р.* Пространственная и непространственная семантика английских предлогов *at, beside, by, near (to) и off* : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ю. Р. Юсупова ; Башк. гос. пед. ун-т. – Уфа, 2006. – 18 с.
11. *Анисимова, О. В.* Деривационные отношения в семантической структуре английских предлогов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / О. В. Анисимова ; Рос. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2000. – 226 с.

12. *Davies, M.* A Frequency Dictionary of Contemporary American English: word sketches, collocates, and thematic lists / M. Davies, D. Gardner. – London ; N. Y. : Routledge, 2010. – 369 p.
13. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.etymonline.com>. – Date of access : 12.03.2022.
14. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. – Date of access : 12.02.2022.
15. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.ldoceonline.com>. – Date of access : 12.02.2022.
16. *Никитин, М. В.* Курс лингвистической семантики : учеб. пособие / М. В. Никитин. – 2-е изд., доп. и испр. – СПб. : Изд-во РГПУ, 2007. – 819 с.
17. British National Corpus [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.english-corpora.org/bnc>. – Date of access : 12.02.2022.
18. *Тарасевич, Л. А.* Предлоги в системе языка: проблемы и решения : учеб.-метод. пособие / Л. А. Тарасевич ; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск : МГЛУ, 2011. – 72 с.

Поступила в редакцию 12.07.2022

Пантелеенко Олеся Александровна
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой романского языкознания
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Alessia Panteleenko
PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Romance
Linguistics
Belarusian State University
Minsk, Belarus
alessia@list.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЭРГОНИМОВ
ВАЛЬДОСТАНСКОГО РЕГИОНА ИТАЛИИ
(на материале наименования отелей)

LEXICO-SEMANTIC METHODS FOR FORMING ERGONYMS
IN THE REGION OF VALLE D'AOSTA OF ITALY
(based on hotel names)

Данная статья посвящена изучению эргонимического пространства автономного региона Валле д'Аоста, в котором итальянский и французский языки имеют статус государственных. Автор предпринимает попытку выявить особенности названия отелей с учетом их семантики. В статье описываются этапы исследования, изучаются лексико-семантические способы образования эргонимов (простая онимизация; онимизация, образованная при помощи переноса значения; трансонимизация), определяется зависимость способа образования эргонима от его языковой принадлежности. Приводятся результаты качественного и количественного анализа материала исследования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *простая онимизация; метафора; метонимия; трансонимизация; французский язык; итальянский язык.*

This article is devoted to the study of the ergonymic space of the autonomous region of Valle d'Aosta, in which Italian and French have the status of state languages. The author makes an attempt to identify the features of the names of hotels, taking into account their semantics. The article describes the stages of the study, looks into the lexico-semantic ways of forming ergonyms (simple onymization; onymization formed with the transfer of meaning; transonymization), determines the dependence of the method of forming an ergonym on its language affiliation. The results of the qualitative and quantitative analyses of the research material are presented.

K e y w o r d s: *simple onymization; metaphor; metonymy; transonymization; French; Italian.*

Для современного этапа развития общества характерны глобализация, интенсификация языковых контактов. Вследствие этого перед исследователями встает ряд новых задач, в частности, связанных с переосмыслением роли эргонимов как части ономастической системы в отражении национально-культурной специфики определенного региона, что и обуславливает актуальность настоящего исследования.

Проблема эргонимов в лингвистическом аспекте активно изучается в нашей стране и за рубежом [1; 2; 3; 4]. Объектом данного исследования

являются эргонимическое пространство региона Валле д'Аоста. Предметом исследования являются лексико-семантические способы образования эргонимов.

Материалом данного исследования послужили названия отелей итальянского региона Валле д'Аоста. Для создания выборки единиц анализа был использован онлайн-сервис бронирования Booking.com. В поисковую строку было введено название «Валле д'Аоста», а также установлен фильтр «отель». Таким образом было выявлено 187 наименований, которые в дальнейшем подверглись многоаспектному изучению.

Следует обозначить, что мы будем принимать за единицу анализа. В ходе исследования было обнаружено, что названия отелей разнообразны в композиционном аспекте. Попытка систематизации названий на основе структурных особенностей привела к выделению двух разрядов. Для первого характерным является наличие элемента, определяющего принадлежность к отелю или подобному типу размещения, и наличие собственно ономастического элемента. Определение принадлежности к отелю реализуется именами существительными типа *albergo*, *hotel*, *résidence* и др. Они могут располагаться в пре-, интер- и постпозиции к собственно ономастической части: «Hotel Stella Del Nord», «Edelweiss Hotel Champoluc», «Albergo Alpenrose Ski&Bike Mountain Hotel». Второй разряд включает названия отелей, которые представлены собственно ономастической частью: «Petit Dahu», «Le Charaban», «Le Coeur du Pont».

В исследованиях ученые по-разному подходят к вопросу, какие компоненты включать в структуру эргонима. В одних при анализе не учитываются артикли, такой подход авторы аргументируют служебным статусом артикля [5, с. 306]. В других в состав эргонима не включается обязательная часть наименования предприятия, обозначающая организационно-правовую форму. Например, в наименовании ОАО «Нефтяная компания “Лукойл”» – эргонимы: Нефтяная компания «Лукойл» (собственно наименование), «Лукойл» (оригинальное название). То есть ОАО – это не эргоним [6, с. 8]. В третьих исследованиях определяется, что в структуре эргонимов присутствуют компоненты, называющие тип предприятия (и тем самым, выполняющие функцию «введения в ряд») и компонент, служащий для индивидуализации и индентификации, т.е. собственно ономастическая часть [7, с. 59]. Такой подход к определению структуры эргонима, когда учитываются все его составляющие компоненты, кажется наиболее корректным.

Таким образом, за единицу анализа в данной работе принимается эргоним, который может быть представлен двумя компонентами (элемент, называющий тип объекта размещения, и ономастический элемент) или одним компонентом (ономастический элемент).

Прежде чем приступить к анализу способов образования названий отелей, следует отметить языковое разнообразие эргонимов. Анализ выборки по языковому признаку показал, что для называния отелей в регионе Валле д'Аоста используются французский, итальянский, английский язык, швед-

ский, немецкий язык. Кроме того, выявлены названия отелей гибридного типа, в которых представлены различные языковые комбинации. В ходе анализа было обнаружено, что наиболее активными являются французские (54,5 %) и итальянские (23,5 %) номинации, гибридные названия наравне с англоязычными составляют около 20 %, наблюдаются единичные случаи использования шведского, немецкого языков. Полученные данные связаны с особенностью итальянского региона Валле д'Аоста. Это единственный регион Италии, который имеет общую границу с Францией, лингвистические франко-вальдостанские контакты восходят ко времени возникновения самого французского языка, т.е. к IX в. [8, р. 196–197]. Вальдостанский регион имеет статус автономного и на государственном уровне в законодательстве на его территории в качестве государственных закреплены французский и итальянский языки.

На основе результатов, полученных в ходе первичного анализа материала, было принято решение изучать лексико-семантические способы образования эргонимов с учетом языковой ситуации региона.

Для анализа лексико-семантических способов образования эргонимов мы принимаем за основу типологию, предложенную М. Г. Курбановой. К лексико-семантическим она относит следующие способы образования эргонимов: простая онимизация; онимизация, образованная при помощи переноса значения (метонимическая, метафорическая, метонимико-метафорическая); трансонимизация; лексико-семантическая онимизация с помощью числового компонента, с материальной индексацией [1, с. 37–38]. Следует отметить, что среди перечисленных в исследуемом материале были обнаружены первые три способа: простая онимизация; онимизация, образованная при помощи переноса значения; трансонимизация. Возможно, расширение материала исследования позволит обнаружить все способы образования. Однако отсутствие в выборке исследования единиц, иллюстрирующих лексико-семантическую онимизацию с числовым компонентом и с материальной индексацией, может свидетельствовать о непопулярности данного способа образования. Данные размышления являются интуитивными и могут быть подтверждены или опровергнуты при проведении отдельного исследования, посвященного этой проблеме. Рассмотрим, как проявляют себя обнаруженные способы в эргономическом пространстве вальдостанской области.

Простая семантическая онимизация обозначает объект номинации прямо. Она носит чисто информативный характер, не отличается индивидуальностью и прагматичностью [Там же, с. 48]. Простая онимизация может реализовываться в любом из компонентов эргонима (идентифицирующем или собственно ономастическом), или же все элементы эргонимической группы работают на этот способ обозначения объекта.

Так, любая единица выборки, которая включает такой идентифицирующий элемент, как *hotel*, *albergo*, *résidence* создается с использованием простой семантической онимизации.

Ономастическая часть эргонима формируется при помощи простой семантической онимизации в случаях, когда она включает лексемы, обозначающие дополнительные услуги, предоставляемые отелем. Например, «Montana Lodge & Spa», «La Rocca Sport & Benessere», «HB Aosta Hotel & Balcony SPA». Как правило, ономастическая часть в таком случае включает англоязычные лексемы (*SPA, Balcony, Wellness, Lodge*) и топонимы (*Aosta*).

Названия отелей, в которых способ простой онимизации затрагивает все элементы эргонимического комплекса, единичны. Несмотря на малочисленность, удастся определить общую закономерность их композиционной организации. Такие эргонимы представлены именем существительным, который выполняет идентифицирующую функцию (*hotel, albergo, résidence*), а ономастическая часть состоит из топонимического имени прилагательного (например, «Chalet Valdostain»).

Онимизация, образованная при помощи переноса, может быть основана на метонимии или метафоре.

К метонимической группе относятся эргонимы, образованные при помощи связей на основе пространственной смежности. Ученые утверждают, что метонимическая онимизация – довольно частое явление в эргонимии среди номинаторов, так как эргонимы, образованные таким способом, могут нести в себе информативность и прагматичность одновременно [1, с. 66].

Метонимический перенос значения проявляется в эргонимах, мотивирующим признаком которых является, например, «наименование лица»: «Duca d'Aosta Hotel», «Hotel Tavernier». В первом примере перенос значения осуществляется по социальному статусу лица ('duca' – пер. с ит. князь, герцог), во втором – по роду деятельности ('tavernier' – пер. с фр. Трактирщик).

При создании эргонимов с помощью *метафорического переноса* чаще всего реализуются информативная, эмоционально-оценочная и игровая функции метафор [9]. Эргоним-метафора связывает явления, действия, признаки, побуждает адресата номинации совершать некий мыслительный процесс: сопоставлять разные явления, действия, признаки; искать аналогии, соглашаться или не соглашаться с таким сопоставлением, предложенным номинатором [10, л. 79]. Все эти названия в отличие от метонимии основаны не на замене слова «по смежности» (часть вместо целого или наоборот), а на сходстве эргонимов с деятельностью организаций, предприятий и т.д. [1].

Процесс метафорической онимизации лежит в основе названий «Paradise Hotel & Wellness», «Chalet Eden». В названии «Paradise Hotel & Wellness» лексема *Paradise* 'рай' призывает сравнить пребывание в отеле с состоянием вечной совершенной жизни. Таковую же ассоциацию вызывает эргоним «Chalet Eden». Входящие в его структуру лексемы *Chalet* 'шале' и *Eden* 'Эдем' привлекают внимание ассоциацией с одноименным садом, описанным в Библии.

Значительный пласт эргонимии представлен номинациями, которые являются результатом *трансонимизации* (перехода имени собственного из

одного разряда в другой): «Hotel Saint Pierre», «Hotel Diana Jardin et Spa», «Residence CAV Emile Rey». Трансонимизация делится на простую и аллюзивную. Простая трансонимизация основана на метонимическом переносе. Аллюзивная трансонимизация опирается на метонимический и на метафорический перенос.

Примером простой трансонимизации являются названия отелей «Locanda Rita», «Hotel Elena», «Casa De Giorgis». Примером аллюзивной трансонимизации – «Hotel Dufour», «Dujany». Так, имя собственное *Dufour* является своего рода интертекстуальной ссылкой, напоминает об офицере швейцарской армии Гийоме-Анри Дюфуре, инженере-мостостроителе, топографе, в честь которого названа самая высокая точка Швейцарии – пик Дюфур. В свою очередь *Dujany* является фамилией известного итальянского политика Чезаре Дужани, который с 1970 по 1974 годы был президентом региона Валле д’Аоста.

Среди эргонимов, образованных путем трансонимизации, можно выделить множество классов в соответствии с тем подразрядом имени собственного, который для них является исходным:

- антропоним-эргоним: «Locanda Rita», «Hotel Elena»;
- топоним-эргоним: «Albergo Punta Zerbion»;
- астроним-эргоним: «Hotel Stella Del Nord».

Названные способы образования эргонимов часто комбинируются. Так, в компонентах эргонима могут быть представлены одновременно простая онимизация и трансонимизация: «Hotel Diana Jardin et Spa» или «Bergman Mountain Hotel»; простая онимизация, метафора и трансонимизация: «Hotel Beau Sejour Pré-Saint-Didier»; возможны и другие сочетания.

В результате можно утверждать, что для синтагматических эргонимов характерна комбинация семантических способов образования (простой, метонимической и метафорической) в самых различных вариациях.

В ходе исследования была предпринята попытка определить, существует ли зависимость способа образования от языковой принадлежности эргонима. Для этого были использованы приемы количественной обработки данных. Затруднения вызвали синтагматические эргонимы, их многокомпонентная структура позволяет отнести отдельные компоненты к различным способам. Было решено, во-первых, учитывать при подсчетах только ономастическую часть. Во-вторых, эргонимы, представленные разными языками, не вошли в количественный подсчет. Например, «Hotel Diana Jardin et Spa» в ономастической части содержит элементы на французском и английском языках, при этом имя собственное *Diana* может быть отнесено к английскому, французскому, итальянскому языку.

Таким образом, дальнейшему анализу были подвергнуты 86 номинаций на французском языке и 43 номинации на итальянском языке. Результаты исследования с приемами количественной обработки данных представлены в таблице.

Зависимость лексико-семантического способа образования названий отелей
вальдостанского региона от их языковой принадлежности

№	Лексико-семантический способ образования	Языковая принадлежность эргонима	
		Названия отелей на французском языке	Названия отелей на итальянском языке
1	Простая семантическая онимизация	5 (5,8 %)	2 (4 %)
2	Метафора	14 (16,28 %)	1 (2,3 %)
3	Метонимия	42 (48,84 %)	16 (37 %)
4	Трансонимизация	21 (24,4 %)	18 (41 %)
5	Смешанный тип	4 (4,65 %)	6 (13 %)
6	Итого	86 (100 %)	43 (100 %)

Анализ номинаций на итальянском и французском языках позволяет утверждать, что для номинации отелей на итальянском языке в равной степени важными оказываются трансонимизация (41 %) и метонимия (37 %), в то время как во франкоязычных наименованиях наиболее активно себя проявляет метонимия (48 %). Что касается названий отелей на итальянском языке, здесь существенную роль в названиях играют географические наименования региона (горы, реки, долины и т.п.). При этом в эргонимах на французском языке работают ассоциации с реалиями, которые восходят к историческим событиям периода господства французского языка в регионе или служат для описания быта того времени. В исследуемых группах обнаружена существенная разница в использовании метафоры. Она применяется достаточно часто для образования франкоязычных эргонимов (около 14 %), в отличие от них в названиях отелей на итальянском языке метафора обнаружена единожды.

Таким образом, изучение лексико-семантических способов образования эргонимов вальдостанского региона Италии на материале названий отелей привело к следующим результатам: выделены два разряда номинации отелей по структурному признаку (для номинаций первого разряда характерно наличие двух компонентов – элемента, определяющего принадлежность к отелю, и ономастического элемента; номинации второго разряда представлены собственно ономастической частью); установлены доминирующие группы эргонимов по языковому признаку (группа франкоязычных названий отелей (54,5 %) и группа италоязычных названий отелей (23,5 %)); определены виды лексико-семантических способов, характерных для называния отелей в исследуемом регионе (простая онимизация; онимизация, образованная при помощи переноса значения; трансонимизация); установлена зависимость лексико-семантического способа образования эргонимов от их языковой

принадлежности для франкоязычных и италияязычных названий отелей (для образования франкоязычных названий отелей доминирующим способом оказывается метонимический перенос (48 %), активно работает метафорический перенос (14 %), для италияязычных названий практически в равной степени используются трансонимизация (41 %) и метонимический перенос (37 %), случаи метафорического переноса единичны).

Перспективным продолжением данного исследования является, на наш взгляд, изучение причин полученных результатов через призму культурного кода, разнообразное проявление которого в виде метафор, метонимий, трансонимизации и других лексико-семантических способов онимизации определяется национальным менталитетом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курбанова, М. Г. Эргонимы современного русского языка : семантика и прагматика : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Г. Курбанова. – Волгоград, 2015. – 191 л.
2. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд. – М. : Наука, 1988. – 170 с.
3. Backhaus, P. Linguistic landscapes : A comparative study of urban multilingualism in Tokyo / P. Backhaus. – Clevedon : Multilingual Matters, 2007. – 158 p.
4. Cotticelli Kurras, Paola. La struttura morfologica dei marchionimi italiani nel XX secolo (fino agli anni '80) / Paola Cotticelli Kurras // I Nomi nel tempo e nello spazio. Atti del XXII congresso internazionale di scienze onomastiche, Pisa, 28 agosto – 4 settembre 2005. – Pisa : ETS. – 3 voll., vol. 2. – P. 695–709.
5. Моисеева, И. Ю. Структурно-семантическое исследование образования эргонимов : сравнительный аспект / И. Ю. Моисеева, Е. А. Осыченко // Балт. гуманит. журн. – 2019. – Т. 8. – № 2 (27). – С. 305–308.
6. Фам, Ван Фонг. Особенности образования и функционирования русских эргонимов (с точки зрения межкультурного контакта) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ван Фонг Фам ; Гос. ин-т рус. языка им. А. С. Пушкина. – М., 2012. – 22 с.
7. Хоанг, Тхи Бен. Эргонимы городов Минска и Ханоя : компонентный состав и грамматическая структура / Хоанг Тхи Бен // Весн. БДУ. Сер. 4. – 2016. – № 1. – С 56–61.
8. Bauer, R. Position et fonctions du français en Vallée d'Aoste : un aperçu historique / R. Bauer // Repenser l'histoire du français. – Chambéry : Université de Savoie. – 2014. – № 16. – P. 195–214.
9. Харченко, В. К. Функции метафоры / В. К. Харченко. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1991. – 88 с.
10. Носенко, Н. В. Названия городских объектов Новосибирска : структурно-семант. и коммуникативно-прагмат. аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Носенко. – Новосибирск, 2007. – 218 л.

Поступила в редакцию 25.07.2022

Радион Елена Николаевна

ст. преподаватель кафедры истории
и грамматики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Elena Radion

Senior Lecturer at the Department of English
Grammar and History of English
Minsk State Linguistics University
Belarus, Minsk
elenaradion@yahoo.com

ОГРАНИЧЕНИЯ ТЕМАТИЧЕСКОГО РЕПЕРТУАРА В СЕМЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ

LIMITATIONS OF TOPICAL REPERTOIRE IN FAMILY COMMUNICATION

В данной статье предпринята попытка рассмотреть семейную коммуникацию с точки зрения свободы тематической референции. Автор на наглядном примере демонстрирует важность тех факторов, которые могут влиять на выбор темы и накладывать ограничения на тематический репертуар в семейной коммуникации. В процессе лингвистического и прагматического анализа автор наглядно демонстрирует необходимость учета таких видов контекста, как культурный, социальный, ситуативный и метаинформативный контексты.

Ключевые слова: *тематическая референция; тематический репертуар; выбор темы; культурный контекст; ситуативный контекст; социальный контекст; метаинформативный контекст.*

This article attempts to consider family communication from the point of view of freedom of topical reference. With the help of a very relevant example, the author demonstrates the importance of those factors that can influence the choice of topics and restrict the freedom of topical repertoire in family communication. In the process of linguistic and pragmatic analysis, the author clearly demonstrates the need to take into account such types of context as cultural, social, situational and meta-informative.

Key words: *topical reference; topical repertoire; topic choice; cultural context; situational context; social context; meta-informative context.*

Семейная коммуникация как разновидность бытовой разговорной коммуникации характеризуется отсутствием четких границ в выборе тем для обсуждения. Высокая степень свободы тематической референции отмечается в исследованиях, посвященных изучению разговорного общения в семейной сфере. В частности, Т. В. Матвеева утверждает, что «разговорные диалоги тематически не регламентированы и характеризуются свободным переходом с одной предметной темы на другую под влиянием ассоциаций, требований ситуации, а главное – речевой стратегии говорящих» [1, с. 69].

Тем не менее существуют очевидные ограничения тематического диапазона, связанные с культурно обусловленной тематикой, ситуативными параметрами, этнокультурными и социальными стереотипами, накладывающими ограничения на выбор темы в каждом конкретном случае. С одной стороны, иерархичность членов семьи по отношению друг к другу, осно-

ванная на разнице в возрасте, гендерных различиях, социальных, религиозных и национальных характеристиках, предполагает, что не каждая тема является приемлемой для обсуждения между родителями и детьми или между супругами. Кроме того, каждая семья как малый языковой коллектив вырабатывает свой собственный коммуникативный код и коммуникативные традиции, в том числе связанные с определенными тематическими предпочтениями или тематической табуированностью.

Т. ван Дейк, при анализе факторов, которые могут влиять на выбор темы, использует понятие *тематического репертуара*, характерного для различных типов дискурса, подразумевая ограничения на спектр возможных тем для обсуждения [2, с. 54]. Исследователь утверждает, что тематический репертуар упорядочен и обладает иерархией тем, которая может быть описана в терминах приемлемости и вероятности, влияющей на наши ожидания по поводу тех или иных тем в разговоре. Несмотря на кажущуюся свободу выбора темы, ограничения тематического репертуара настолько сильны, что мы редко сталкиваемся с ситуацией, когда нас удивляет выбор темы для коммуникативного события. Автор отмечает, что даже в ситуациях повседневного семейного общения, когда выбор тем не имеет четкой фиксации, у нас есть «конкретное представление о темах, которые могут быть затронуты, о последовательности, в которой эти темы могут быть упомянуты, и о языковых средствах, которые будут уместны для их обсуждения» [2, с. 55]. Особое внимание Т. ван Дейк уделяет систематизации контекстуальных данных, которые могут повлиять на выбор темы.

В результате контекстуальная информация, накладывающая ограничения на тематический репертуар, представлена у Т. ван Дейка в виде списка, в котором фигурируют общекультурные знания, социокультурная ситуация, включающая типы ситуаций и социальные характеристики участников, и коммуникативная ситуация, представляющая актуальный референциальный контекст [Там же].

Другими словами, Т. ван Дейк предлагает модель ситуации, представленной параметрами, каждый из которых может оказывать определенное влияние на выбор темы. Следовательно, тематический репертуар зависит, в первую очередь, от 1) общего культурного контекста коммуникантов, 2) от характеристик текущей коммуникативной ситуации, 3) от коммуникативного взаимодействия (коммуникативных и прагматических целей коммуникантов), 4) от типа дискурса, 5) от свободы референции (имеется в виду ограничение на объекты или события, которые могут обсуждаться данным коммуникантом при данном речевом акте и типе дискурса) [2, с. 56]. Такие ограничения, которые следует учитывать при выборе темы, Т. ван Дейк называет стратегиями ввода темы.

То есть, опираясь на исследования Т. ван Дейка, можно утверждать, что ограничения, связанные с тематикой семейной коммуникации, определяются в самом общем смысле социально-культурным и ситуативным контекстами.

В результате рассмотрения практического материала представляется возможным выделить следующие основные типы ограничений тематической референции в семейной коммуникации:

1) социальные ограничения (статусные, гендерные, возрастные и социально-ролевые) ограничения;

2) культурные ограничения, связанные с культурно табуированной тематикой (тема смерти, секса и др.);

3) ситуативные ограничения, обусловленные пространственно-временными параметрами, а также присутствием коммуникантов, которые в пределах оппозиции «свой–чужой» не являются «своими».

Интерес для изучения представляют языковые и коммуникативные способы преодоления тематических ограничений в ситуациях, когда говорящим приходится корректировать свое речевое поведение в связи с отсутствием «свободного языка» для обсуждения темы.

Далее рассмотрим коммуникативное событие в жанре супружеского разговора с точки зрения тематической структуры и факторов, ограничивающих тематическую референцию, и попробуем продемонстрировать, каким образом наличие вышеперечисленных ограничений при обсуждении деликатной темы влияет на выбор языковых средств.

Ситуативный контекст: Фил (муж), Клэр (жена). Вечером дома смотрят телевизор, едят попкорн. Старшая дочь Хейли (18 лет) ушла гулять с некой Абби. Фил сегодня узнал о том, что у Хейли была сексуальная связь с ее бойфрендом Диланом.

1. Фил: *We've confirmed Abby's a real person and a female?*
2. Клэр: *Yes, sweetie. We met her (1). Honey, we can't treat Haley differently...just because **we both know what we know about her.***
3. Фил: *I know. I just need time. (1a) So Dylan told you?*
4. Клэр: (УТВЕРДИТЕЛЬНО КИВАЕТ)
5. Фил: *Why didn't he tell me? He and I used to share everything.*
6. Клэр: *You're upset about a lot of things.*
7. Фил: *Okay, I won't obsess over it. (2) I just wanna ask you one thing.*
8. Клэр: *Hmm?*
9. Фил: *How long have you known?*
10. Клэр: *Three months.*
11. Фил: *So **this giant thing** happened to **our firstborn**, and you kept me in the dark about it for three whole months?*
12. Клэр: *I'm sorry. I just wasn't sure how you'd...*
13. Фил: (БРОСАЕТСЯ ОБНИМАТЬ ЖЕНУ) *Okay. Thank you.*
14. Клэр: (ОБНИМАЕТ ФИЛА В ОТВЕТ) **(3)** («American Family» series on Netflix, S.3, E.16, 20:42).

Супружеский диалог выстраивается вокруг темы, которая попадает под культурные, социальные (статусные) и в меньшей степени ситуативные ограничения тематического репертуара. Во-первых, обсуждение сексуальной

эмансипации детей – это деликатная тема для родителей в традиционной культуре. Во-вторых, косвенно ощущается наличие статусно-гендерных ограничений, поскольку дочь не рассказала о своей сексуальной жизни отцу, но поделилась с матерью, что также является предметом обсуждения в диалоге. В-третьих, «некомфортная» тема требует хотя бы ситуативного комфорта, то есть подходящего места и времени, поэтому разговор происходит в спокойной домашней обстановке и без присутствия посторонних.

Для формулировки окончательных выводов проанализируем более подробно тематическую организацию приведенного фрагмента. Данное коммуникативное событие состоит из трех коммуникативных эпизодов, которые можно выделить на основе прагматического и тематического единства. Каждый эпизод организуется вокруг отдельной темы, которые в совокупности находятся во взаимосвязи и образуют «иерархическую связанность» [3]. Эпизодические темы (подтемы) группируются в одну общую тему. Тематическая структура данного диалога представляется как совокупность трех подтем в рамках единой темы. Тематический фрагмент (1) имеет подтему «реакция родителей». Фрагмент представлен двумя смежными парами (1) и (1a), которые тематически связаны, но имеют различную прагматическую направленность. Тематический фрагмент (2) представлен подтемой «источник информации», его содержательная целостность определяется общим денотатом: речь идет о Дилане, парне дочери. Тематический фрагмент (3) разворачивается в русле подтемы «утаивание информации от отца» и характеризуется прагматической целостностью. Коммуникативная цель (узнать, как долго жена держала информацию в секрете и почему) реализуется в несколько коммуникативных шагов.

Однако описание тематической структуры с точки зрения формального членения на тематические фрагменты представляется не вполне полным без прагматической смысловой интерпретации речевого поведения говорящих, которая может дать представление о выборе языковых средств для манифестации конкретной темы на фоне существующих ограничений.

Сферу смысловой интерпретации речевого поступка, вслед за И. Н. Борисовой, будем называть *метаинформативным контекстом*. Это область проявления межличностной значимости и коммуникативных смыслов речевых поступков (проявление речевого намерения, актуализация мотивирующего состояния). Она складывается из трех сфер: интенциональной (зачем сказать), эмоционально-оценочной (как сказать), конативной (как сказанное влияет на развитие контакта). В речевом поведении существуют три аспекта: интенциональный, эмоционально-оценочный и конативный [4, с. 147].

Продемонстрируем метаинформативные аспекты одного речевого поступка из приведенного выше диалога: *We've confirmed Abby's a real person and a female?*, который транслирует одновременно различные коммуникативные смыслы.

1. Интенциональный – не выраженный языковыми средствами ввод новой темы, запрос о том, как реагировать на новый родительский статус кво. Если косвенный запрос о подтверждении того, является ли Эбби подружкой Хейли, сформулировать прямо, то получится приблизительно следующее: «Учитывая, что Хейли теперь взрослая, есть вероятность, что она нас обманывает, поэтому не должны ли мы больше контролировать ее контакты?»

2. Конативный – не выраженное языковыми средствами подозрение в том, что Хейли обманывает родителей, обеспокоенность поведением дочери.

3. Эмоционально-оценочный – не выраженное языковыми средствами желание поделиться сомнениями, найти поддержку в лице собеседника. Косвенность, иносказательность и шутливый тон призваны скрыть обиду и недовольство.

Несмотря на отсутствие прямых языковых «ключей», собеседник безошибочно определяет выбранную тему (потеря дочери девственности) и эмоциональное состояние инициатора разговора (обида и недовольство).

Реплика-реакция, представляющая собой макропоступок из двух речевых поступков, более понятна с точки зрения экспликации коммуникативных смыслов: *Yes, sweetie. We met her. Honey, we can't treat Haley differently...just because we both know what we know about her.*

Первый речевой поступок – *Yes, sweetie. We met her.* – реакция на вопрос, выраженная утвердительным согласием в сопровождении обращения. Согласие подкрепляется аргументирующим утверждением. При этом в данном речевом поступке реализуются следующие коммуникативные смыслы.

1. Интенциональный – выраженный языковыми средствами прямой аргументированный ответ.

2. Конативный – косвенно выраженная попытка успокоить собеседника, по возможности пресечь необдуманные спонтанные действия в дальнейшем: «Не волнуйся за дочь, с ней все будет в порядке».

3. Эмоционально-оценочный – наличие обращения к мужу *sweetie* (обращение, которое типично в англоязычной коммуникации в разговорах с детьми) свидетельствует о том, что жена полностью понимает эмоциональное состояние мужа и готова его поддержать.

Второй речевой поступок – *Honey, we can't treat Haley differently...just because we both know what we know about her.* – адекватная реакция на правильно интерпретированные скрытые коммуникативные смыслы.

1. Интенциональный – подтверждение правильного понимания косвенно предложенной темы, при этом коммуникант также избегает прямой референции, обходясь эвфемизмом *what we know about her*.

2. Конативный – совет не менять родительский стиль (собственно ответ на скрытый вопрос), сигнал о принятии идеи быть заодно, выраженный в многократном повторении местоимений *we*, и *both*.

3. Эмоционально-оценочный – желание поддержать мужа, помочь ему справиться с растерянностью, вызванной взрослением дочери. Повторное ласковое обращение *honey* сигнализирует о высокой степени поддержки. Эвфемизация тематической референции также может быть интерпретирована как забота о семейной экологии.

Кроме того, ограничения тематического репертуара могут актуализироваться не только на уровне общей темы как содержательной основы разговора (*conversational topic*), но и на уровне личностного смыслового наполнения (*individual theme*) [5]. Рассмотрим тематический фрагмент (3), чтобы продемонстрировать влияние социально-ролевых ограничений на речевое поведение коммуниканта в пределах Я-темы или темы говорящего. Тематический фрагмент (3) организуется подтемой, которую можно сформулировать как «утаивание информации от отца». Инициатором подтемы выступает отец семейства, который обижен и недоволен поведением дочери.

Для наглядности опишем микроструктуру данного коммуникативного эпизода на уровне интенциональных смыслов отдельных речевых действий (табл.).

Речевая партия А (Фил, отец)	Речевая партия Б (Клэр, мать)
<i>I just wanna ask you one thing.</i> Утверждение, выраженное перформативом в значении намерения спросить.	<i>Hmm?</i> Междометие, сигнализирующее о готовности отвечать на вопросы.
<i>How long have you known?</i> Запрос об информации. Избегание референции к объекту. ‘Знаешь о чем?’ Отсутствует даже грамматически запрашивающийся субститут, выраженный местоимением, или эвфемистическая номинация.	<i>Three months.</i> Краткий ответ, лаконичность и простота ответа выражают намерение говорить открыто и правдиво, без секретности.
<i>So this giant thing happened to our firstborn, and you kept me in the dark about it for three whole months?</i> Утверждение со значением вопроса (‘почему ему не сказали?’), содержащего значение упрека и возмущения.	<i>I’m sorry. I just wasn’t sure how you’d-</i> Извинение. Желание объяснить.
(ОБНИМАЕТ КЛЭР) <i>Okay.Thank you.</i> Перебивание, демонстрирующее согласие и благодарность.	ОБНИМАЕТ ФИЛА В ОТВЕТ

Подтема дискурсивного фрагмента как предмет для обсуждения: «утаивание информации от отца». Тем не менее коммуникант, заинтере-

сованный в ответах на свои вопросы, вдруг прерывает ответ «на самом интересном месте», оставляя тему нераскрытой. Представляется логичным рассмотреть речевую партию Фила в данном коммуникативном эпизоде как индивидуальную тему «обиженного отца», который, во-первых, недоволен тем, что все были в курсе, а он ничего не знал, и, во-вторых, не может смириться с тем, что его дочь – уже не ребенок. Оперативная коммуникативная роль (термин Г. Сакса) [6] «обиженного отца» в силу существующих социально-ролевых ограничений имеет лишь косвенное выражение и манифестируется с помощью языковых маркеров: *this giant thing* – эвфемизация, актуализируемая через диффузное слово *thing*, *our firstborn* – эмоционально окрашенный синоним, демонстрирующий нежное отношение к дочери.

Итак, на конкретном примере мы продемонстрировали, что в ходе рассмотрения практического материала представляется актуальным учитывать различные виды контекста, ограничивающие свободу тематической референции (влияющие на выбор тем) в семейной коммуникации.

Согласно нашим наблюдениям, при анализе такого атрибута коммуникативной ситуации, как выбор темы (в пределах от свободного до жестко заданного), следует учитывать следующие ограничения, влияющие на речевое поведение коммуникантов:

1) культурный контекст и его влияние при анализе ограничений, накладываемых определенной культурой, в ходе исследований табуированной тематики и ее языковой актуализации;

2) социальный контекст, включающий в себя субъективные и объективные характеристики коммуникантов, стереотипные представления о ролевом поведении, манифестацию категориальных (этнос, возраст, статус) и оперативных ролей (хорошая мать, отличная жена, обиженный отец и т.д.);

3) ситуативный контекст, обусловленный пространством и временем, а также присутствием «чужих» в терминах культурной оппозиции «свой–чужой», то есть тех, кого коммуниканты не относят к своему близкому кругу в конкретной ситуации;

4) метаинформативный контекст, описывающий прагматические цели и эмоциональное состояние собеседника.

Таким образом, даже поверхностный лингвистический анализ демонстрирует высокую долю скрытых коммуникативных смыслов, актуализируемых через языковые выражения лишь частично, а понимание смыслового объекта референции зависит от контекстуальных факторов. Можно сделать вывод о том, что именно наличие ограничений тематического репертуара (культурных, социальных и ситуативных) приводит к высокой степени косвенности и имплицитности в речи, которые реализуются с помощью речевых приемов эвфемизации, косвенной номинации и др. Итак, ограничение свободы тематической референции не означает, что участники

разговора никак не затрагивают деликатные и табуированные темы, поэтому важной задачей является изучение языковых средств и речевых приемов актуализации различных типов ограничений тематического репертуара в семейной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Матвеева, Т. В.* Разговорный диалог в зеркале текстовых сопоставлений [Электронный ресурс] / Т. В. Матвеева // *Stylistyka*, Dec. 1994. – Т. 3. – S. 64–76. – Режим доступа : <https://czasopisma.uni.opole.pl/index.php/s/article/view/4340> – Дата доступа : 06.02.2022.
2. *Дейк, Т. ван.* Язык. Познание. Коммуникация / Т. ван Дейк. – Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.– 308 с.
3. *Матвеева, Т. В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхронно-сопоставительный очерк / Т. В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.
4. *Борисова, И. Н.* Русский разговорный диалог. Структура и динамика / И. Н. Борисова – М. : Изд-во КД «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.
5. *Ervin-Tripp, S.* An Analysis of the Interaction of Language, Topic, and Listener [Electronic resource] / S. Ervin-Tripp // *American Anthropologist*. – Mode of access : https://anthrosource.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1525/aa.1964.66.suppl_3.02a00050 – Date of access : 02.02.2022.
6. *Sacks, H.* Lectures on Conversation / H. Sacks – Wiley-Blackwell, 1995. – 1520 p.

Поступила в редакцию 29.06.2022

Угринович Анна Николаевна
аспирант
кафедры теории и практики
немецкого языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anna Ugrinovich
PhD Student
Department of Theory and Practice
of the German Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
a.kunitskaya91@gmail.com

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭКСПЛИЦИТНЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ КОМПАРАТИВНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

FUNCTIONING OF EXPLICIT MEANS OF EXPRESSING COMPARATIVITY IN THE GERMAN MEDIA

В статье рассматриваются эксплицитные сравнения и средства их выражения категорией компаративности в разножанровых текстах немецких СМИ. Осуществляется количественный подсчет, практический анализ и распределение отобранного корпуса в сферу равенства/неравенства и с позиции выражаемых категорией компаративности сравнительных отношений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *категория компаративности; логическая операция сравнения; равенство; неравенство; сравнительные отношения; разноуровневые средства; эксплицитность; виды эксплицитных сравнений.*

The article deals with explicit comparisons and means of their expression within the category of comparativity in multi-genre texts of the German media. Quantitative counting, practical analysis and distribution of the selected corpus is carried out into the sphere of equality/inequality and from the standpoint of comparative relations expressed by the category of comparativity.

Key words: *category of comparativity; logical operation of comparison; equality; inequality; comparative relations; multi-level means; explicitness; types of explicit comparisons.*

В современном мире непрерывно совершенствуются способы передачи, получения и обработки информации, применяются качественно новые технологии и средства скрытого и явного воздействия на определенную аудиторию с целью формирования особого мнения и отношения пользователей к новостным событиям того или иного информационного пространства, что находит свое отражение в целенаправленном отборе языковых средств.

Объектом настоящего исследования стала категория *компаративности*, под которой далее понимается система морфологических, лексических, словообразовательных и синтаксических средств языка, объединенных общностью выполняемой ими семантической функции, состоящей в выражении значения равенства/неравенства сопоставляемых объектов или явлений, степени проявления качества, интенсивности признака, характеризующего данный объект или действие. Термин *компаративность* обобщает все способы и виды сравнения (А. В. Бондарко, Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс, Н. А. Слюсарева, Й. Буша) и трактуется шире, чем понятие *сравнение*.

Принимая во внимание большое количество работ, посвященных исследованию сравнения, а также наличие широкого круга исследований по изучению категории компаративности, можно констатировать, что по-прежнему остается актуальным вопрос о границах, семантике и составе разноуровневых средств категории компаративности. При этом особый интерес представляет анализ функционирования данных языковых средств в СМИ.

Сравнение, представляя собой многоаспектное понятие, рассматривается представителями различных лингвистических направлений и смежных наук. С логико-философской точки зрения, под *сравнением* понимается мыслительная операция сопоставления свойств и признаков объектов и предметов окружающего мира. Данная логическая операция лежит в основе систематизации разноуровневых средств выражения компаративности и, как указывали А. А. Потебня, В. М. Огольцев, Ю. П. Князев, Б. В. Томашевский, Г. Й. Вермеер и другие ученые, предполагает наличие трехэлементной структуры: 1) понятие, которое требует пояснения, или объект сравнения (*comparandum*); 2) понятие, которое служит для пояснения, или эталон (стандарт) сравнения (*comparatum*); 3) связующий элемент – основание для сравнения (*tertium comparationis*), или признак, по которому производится сравнение.

В зависимости от степени совпадения/несовпадения общего признака можно выделить два основных результата операции сравнения – установление равенства или неравенства. Равенство объектов предполагает наличие между ними таких отношений, как сходство, пропорциональность, тождество; неравенство – различие и противоположность [1, р. 194].

Ввиду того, что в языке отношения компаративности могут быть выражены явно или лишь подразумеваться, можно говорить об эксплицитности и имплицитности сравнений. Поэтому **цель** настоящего исследования заключается в анализе функционирования эксплицитных средств выражения компаративности в разножанровых текстах немецких СМИ.

Вопросом эксплицитности и имплицитности занимались Ю. П. Князев, А. В. Бондарко, А. Н. Баранов, С. М. Колесникова, И. В. Арнольд, В. Н. Комиссаров и другие лингвисты. Термин *эксплицитный* в толковом переводоведческом словаре Л. Л. Нелюбина трактуется как 1) имеющий открытое выражение, маркированный; 2) пояснительный, поясняющий, ясный, точный [2, с. 255]. Эксплицитная информация в тексте может быть представлена в форме *эксплицитных утверждений*, под которыми понимаются «утверждения, которые несут информацию, непосредственно вытекающую из словарных значений употребленных в высказывании слов, то есть такие, содержание которых можно установить из поверхностной формы высказывания, непосредственно не проводя дополнительных смысловых преобразований» [3, с. 41].

Основой для выделения эксплицитных и имплицитных сравнений является наличие трехэлементной структуры логической операции сравнения, а именно: объекта, эталона и основания сравнения в эксплицитных средствах и отсутствие одного или нескольких элементов в имплицитных

сравнениях. Однако, если при выражении эксплицитного сравнения стандарт (эталон сравнения) может быть однозначно установлен из речевого контекста, его обозначение может быть упущено. Таким образом, различаются две структурные разновидности эксплицитно релятивных сравнительных конструкций: трехчленные (в которых представлены все три семантически обязательных компонента сравнения) и двучленные (в которых стандарт (эталон сравнения) словесно не выражен, хотя и подразумевается) [4].

В качестве материала для исследования были отобраны тексты информационного (репортаж) и аналитического (комментарий) публицистического жанра из ведущих национальных немецких онлайн-газет по актуальным тематикам общим объемом 200000 словоупотреблений. В ходе составления корпуса материала для исследования были отобраны 2338 эксплицитных средства выражения категории компаративности. Количественный анализ материала показал, что эксплицитные сравнения выражаются непосредственно синтаксическими, морфологическими и лексическими средствами категории компаративности, количественное распределение которых представлено на рис. 1.

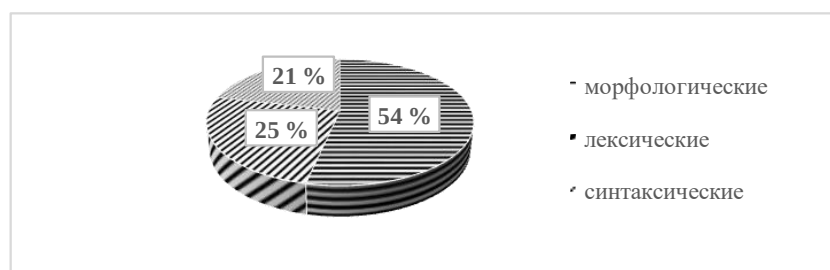
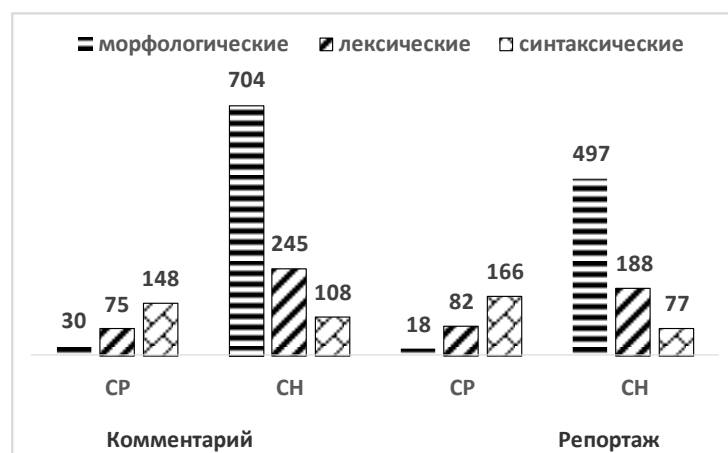

Рис. 1. Эксплицитные средства выражения компаративности в немецких СМИ

Количественный подсчет выявил, что для выражения эксплицитных сравнений преобладают средства морфологического уровня.

Дальнейшее распределение средств выражения эксплицитных сравнений в немецких СМИ в сфере равенства и неравенства показано на рис. 2.

*CP – сфера равенства, CH – сфера неравенства

Рис. 2. Распределение эксплицитных сравнений в сферу равенства/неравенства в разных типах текстов немецких СМИ

Проведенный анализ показал, что в комментариях и репортажах, в целом, преобладают средства выражения эксплицитных сравнений в сфере неравенства. Синтаксические средства, однако, однозначно доминируют в сфере равенства.

Примеры средств выражения эксплицитных сравнений приводятся в соответствии с входящими в категорию компаративности сравнительными отношениями.

Отношения с х о д с т в а выражают:

1. Сравнительные обороты с союзом *wie* 'как': *Um kurz vor 20 Uhr japanischer Zeit war es für einen Moment so ruhig geworden wie auf einer Scheunenfete* (Spiegel, 23.07.21). 'Около 8 часов вечера по японскому времени на мгновение стало так тихо, как на вечеринке в сарае'. *Dabei ist es (Insel Hokkaido) so groß wie Österreich und ähnlich bergig* (Die Welt, 02.10.2018). 'Он (остров Хоккайдо) такой же большой, как Австрия, и такой же гористый'.

а) В сравнительном обороте с союзом *wie* 'как' в качестве основания для сравнения встречаются глаголы чувственного восприятия (*aussehen, sich anhören, klingen, riechen, sich anfühlen*) и поведения (*sich benehmen, sich verhalten*): *Die Premiere von Basketball-Bundestrainer Gordon Herbert wirkt wie ein Witz* (FAZ, 25.11.21). 'Премьера национального тренера по баскетболу Гордона Герберта кажется шуткой'.

2. Придаточные предложения с союзами *als* 'словно' или *als ob* 'как будто' выражают гипотетическое равенство действий в главном и придаточном предложении. Союзы *als* и *als ob* встречаются в основном после глаголов, выражающих восприятие (глаголы «впечатления»), которые представляют основание для сравнения: *aussehen* 'выглядеть', *klingen/sich anhören* 'звучать', *scheinen/vorkommen*, 'казаться' и др. Нереальные сравнения часто следуют также за глаголами «поведения»: *tun* 'делать', *sich verhalten/sich benehmen* 'вести себя' и др.: *Im Finale gegen den Titelverteidiger wirkte er phasenweise so überlegen, als habe es die Folge von fünf Niederlagen gegen Medwedew nie gegeben* (FAZ, 21.11.21). 'В финале против действующего чемпиона он временами казался таким уверенным, как будто серии из пяти поражений от Медведева никогда и не было'. *Das Beatmungsgerät klang, als würde es regnen* (Spiegel, 29.07.21). 'Аппарат ИВЛ гудел, как будто шел дождь'.

3. Придаточные реального сравнения с союзом *wie* 'как' выражают подобие или сходство предметов, явлений и действий. Если сходство касается особого качества действия, выраженного в главном предложении конструкцией «глагол + прилагательное/наречие в положительной степени (Positiv)», то придаточное сравнительное соединяется с главным при помощи союза *wie* с использованием коррелята *so* 'такой' (*genauso, ebenso, genauso*) в главном предложении: *Der übereilte US-Rückzug dient den russischen Interessen in Zentralasien ebenso sehr, wie er sie gefährdet* (SZ, 21.10.21). 'Поспешный уход США служит интересам России в Центральной Азии так же сильно, как и угрожает им.' *Dann darf man auch einmal zugeben, dass man*

einfach nicht so belastbar ist, wie man es gerne wäre (FAZ, 15.11.2021). ‘Тогда вы также можете признать, что вы просто не так стрессоустойчивы, как вам хотелось бы быть.’

4. Глаголы, прилагательные, наречия, существительные с семантикой сходства *ähneln*, *(aus)gleichen*, *imitieren*, *ähnlich*, *gleich*, *die Ähnlichkeit*, *die Gemeinsamkeit*, *der Ausgleich*: *Die offiziellen (Klubs) sind Teil eines Zirkels; die Zirkel wiederum machen sich für studienbezogene Angelegenheiten stark und ähneln daher den deutschen Fachschaften* (Spiegel, 05.12.2021). ‘Официальные (клубы) входят в кружки, которые, в свою очередь, проводят кампании по вопросам, связанным с учебой, и поэтому **похожи** на немецкие студенческие советы’. *Ja, es sterben Menschen durch Corona. Aber es sterben auch ähnlich viele Menschen jedes Jahr an den Folgen von Alkohol und Tabak* (Spiegel, 05.12.2021) ‘Да, люди умирают от коронавируса. Но **схожее** количество людей умирает каждый год в результате употребления алкоголя и табака’. *Bei unserem ersten Treffen haben wir noch nach Gemeinsamkeiten gesucht, die uns verbinden, trotz unserer Unterschiede* (Spiegel, 05.12.2021). ‘Когда мы впервые встретились, мы все еще искали **схожие черты**, которые нас связывают, несмотря на наши различия’.

Отношения пропорциональности выражают:

1. Пропорциональные придаточные предложения с союзом *je* и коррелятом *desto (umso, je)* ‘чем...тем’ в главном предложении. Данные предложения содержат наречие или прилагательное в сравнительной степени как в главном, так и в придаточном предложении. При этом признак действия в главном предложении пропорционально зависит от признака действия в придаточном предложении. *Je länger das internationale Engagement dort andauert, desto schlechter wurde die Lage* (Spiegel, 20.08.21). ‘Чем дольше длится там международное вмешательство, тем хуже становилась ситуация’. *Je schonender die alternativen Sanktionen, umso schwieriger deren Rechtfertigung als noch angemessene Strafe* (SZ, 26.08.2016). ‘Чем осторожнее альтернативные санкции, тем труднее оправдать их как соответствующее наказание’.

2. Сравнительно-сопоставительные предложения с союзом *so* ‘насколько’ + прилагательное или наречие в положительной степени и коррелятом *so* ‘настолько’ + прилагательное или наречие в положительной степени в главном предложении: *So wenig Nahrung die Politik dem irreführenden Narrativ vom Überwachungsstaat geben will, so dringend muss sie doch die Kontrollen erheblich verstärken* (FAZ, 08.11.21). ‘Насколько мало политики хотят поддерживать обманчивую версию о контролировании жизни государством, настолько срочно они должны значительно усилить контроль’.

Отношение тождества выражают:

1. Сложные прилагательные, местоимения, наречия *dieselben*, *dasselbe*, *der gleiche* ‘точно такой же’ могут употребляться в качестве основания для сравнения: *Danach bleibe der Ablauf derselbe, wie bei den Frauen: Um 4.00 Uhr*

fährt der Bus im Olympischen Dorf los (Spiegel, 04.08.2021). ‘После этого процедура остается **такой же**, как и для женщин: в 4 часа утра автобус выезжает из Олимпийской деревни’.

Отношение различия выражают:

1. Придаточные предложения с союзами *als* ‘чем’, *als dass* ‘чем если’, речь в которых идет о различии признака действия или его качества. Наречие или прилагательное в главном предложении стоит в сравнительной степени (Komparativ), придаточная часть всегда находится в постпозиции: *Das ist ein kleiner Schritt, aber zumindest geht er in die richtige Richtung. Und es ist weitaus mehr, als etwa die EU bisher bereit ist zu tun* (Die Welt, 07.12.2021). ‘Это небольшой шаг, но, по крайней мере, он в правильном направлении. И это намного **больше, чем** ЕС был готов сделать до сих пор’. *Dann wären mehr Menschen tot, als sich Leser für das Unglück interessiert haben* (die Welt, 03.10.2018). ‘Тогда погибло бы больше людей, чем было читателей, интересовавшихся катастрофой’.

2. Сравнительные конструкции с союзом *als* ‘чем’ + прилагательное или наречие в сравнительной степени также могут указывать на различие признака действия объекта с эталоном сравнения: *Deshalb berührt das Leid in Houston Europäer stärker als die vielen Opfer in Asien* (SZ, 01.09.2017). ‘Вот почему страдания в Хьюстоне волнуют европейцев **больше, чем** многочисленные жертвы в Азии’. *Was könnte ferner liegen als Sibirien* (SZ, 11.08.2021). ‘Что может находиться **дальше, чем** Сибирь’. На различие признака также указывает наречие *anders* ‘по-другому’ или прилагательное *andere* ‘другой’: *Die Ukraine erlebte, anders als Belarus, nach 1991 Phasen wechselhafter außenpolitischer Ost- und Westorientierung* (SZ, 22.08.2020). ‘Украина **иначе, чем** Беларусь, после 1991 г. переживала этапы смены внешнеполитического курса на восток или запад’.

3. Сравнительная степень имен прилагательных/наречий также может выражать различие признака сравниваемых предметов/предмета или действий: *Auch wir hatten es mit optimistischer Unbeschwertheit für unwahrscheinlich gehalten, dass ausgerechnet während unseres Aufenthalts aus dem regelmäßigen Zittern ein größeres Beben werden würde* (Die Welt, 02.10.2018). ‘С оптимистической беззаботностью мы также считали маловероятным, что непосредственно во время нашего пребывания регулярные толчки превратятся в **более сильное** землетрясение’. *Was jetzt komme, werde noch viel schlimmer werden* (Spiegel, 19.11.2021). ‘То, что происходит сейчас, станет только **хуже**’. *Ein viel größeres Problem sind die Schichtdienste* (Spiegel, 19.11.2021). ‘Сменная работа является гораздо **большей** проблемой’.

4. Средства лексического уровня с семантикой «различия», такие как прилагательные и наречия *verschieden, unterschiedlich, anders* – ‘различный, другой’; глаголы *sich unterscheiden, sich ändern* – ‘различаться/отличаться’, существительные *Unterschied, Unterscheidung, Änderung* – ‘различие/отличие’: *Polizeistationen, Straßenposten werden aufgegeben, woraufhin die einströmenden Taliban sich der dunkelgrünen Ford-Ranger-Pick-ups der Polizei*

bemächtigen und so aus der Luft gar nicht mehr von den Sicherheitskräften zu unterscheiden sind (Spiegel, 30.11.2021). ‘Полицейские участки и придорожные посты сдаются, после чего приближающиеся талибы захватывают полицейские темно-зеленые пикапы Ford Ranger, поэтому их с воздуха нельзя **отличить** от сил безопасности’.

5. Различие может передаваться с помощью наречий-интенсификаторов, которые усиливают интенсивность признака прилагательного или наречия в сравнительной степени: *viel, weit, noch, immer, deutlich, weitaus* и др.: *Manche der Videos seien allerdings **deutlich** kürzer gewesen als eine typische Vorlesung von 90 Minuten – und manche **deutlich** länger* (Spiegel, 03.12.2021). ‘Некоторые из видео были **значительно** короче, чем типичная 90-минутная лекция, а некоторые **значительно** длиннее’.

Противоположность выражает:

1. Суперлатив (превосходная степень имен прилагательных/наречий): *Der **größte** Flughafen von Hokkaido, New Chitose, war aber auch lahmgelegt, nachdem eine Decke eingestürzt und Wasserrohre gebrochen waren* (Die Welt, 02.10.2018). ‘Но **самый большой** аэропорт Хоккайдо, Новый Титосэ, также был парализован после того, как обрушился потолок и лопнули водопроводные трубы’. *Die **größte** Berufsgruppe im Gesundheitswesen hat die **kleinste** Lobby* (Spiegel, 19.11.2021). ‘**Самая большая** группа медицинских работников имеет **самое маленькое** лобби’. *Erstaunlicherweise haben aber gerade die historischen Häuser den Sturm **am besten** überstanden* (SZ, 11.08.2015). ‘Удивительно, но именно исторические дома **лучше всего** пережили шторм’.

2. Предлоги *im Widerspruch, im Gegenteil zu, im Gegensatz zu* ‘в отличие от’: ***Im Gegensatz zu** Amerikanern, Briten oder Deutschen hatten Moskaus Regionalexperten früh erkannt, dass eine Machtübernahme der Taliban das wahrscheinliche Szenario ist* (SZ, 21.10.2021). ‘**В отличие от** американцев, британцев или немцев, московские региональные эксперты сразу поняли, что вероятным сценарием был захват власти талибов’.

Как показали результаты анализа, эксплицитные средства выражения компаративности более характерны для комментариев. Вероятно, это объясняется тем, что аналитический тип данного текста отличается описанием, интерпретацией и оценкой актуальности проблемы. Выдвигаемые автором тезисы, аргументы, последующие выводы или прогнозы подкрепляются фактами, их деталями, описываемыми в комментарии [5]. Следовательно, сопоставление различных объектов, действий, ситуаций и анализ их взаимоотношений нагляднее отображается средствами выражения компаративности в исследуемом публицистическом жанре.

Количественное распределение средств выражения компаративности по сферам равенства и неравенства однозначно указывает на количественное преобладание эксплицитных средств в сфере неравенства. Это связано с тем, что при выражении эксплицитных сравнений учитываются трех- и двучленные релятивные сравнительные конструкции. Последние явно выражаются

сравнительной и превосходной степенями сравнения прилагательных и наречий и способствуют численному преимуществу эксплицитных средств компаративности в сфере неравенства.

Сфера равенства при этом характеризуется значительно меньшей частотностью эксплицитных морфологических средств, поскольку формы положительной степени сами по себе не предполагают выражения эксплицитности. Положительная степень и, в первую очередь, лексические средства употребляются в качестве выражения основания для сравнения в трехкомпонентной сравнительной конструкции. Эталонная компаративная конструкция с наличием всех семантических компонентов наиболее полно выражается синтаксическими средствами компаративности и преобладает в сфере равенства.

Также полученные количественные показатели позволяют предположить, что сфера неравенства является более значимой в жизни человека, чаще требуется акцентировать именно различия, а не подобие. Данная гипотеза требует, однако, дальнейшей проверки на материале, отобранном из СМИ Австрии, России и Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Buscha, J.* Grammatik in Feldern. Ein Lehr- und Übungsbuch für Fortgeschrittene / J. Buscha. – 1998. – 336 p.
2. *Нелюбин, Л. Л.* Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – Флинта : Наука, 2016. – 320 с.
3. *Баранов, А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста : теория и практика : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 592 с.
4. *Князев, Ю. П.* Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. – М. : Языки славянских культур, 2007. – С. 185–186.
5. *Тертычный, А. А.* Жанры периодической печати: учеб. пособие / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2000. – С. 91–96.

Поступила в редакцию 01.07.2022

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.161.1'42

Жупинская Анна Викторовна

аспирант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anna Zhupinskaya

PhD Student of the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
annzup@mail.ru

СМЕНА ТЕМЫ КАК ТАКТИКА ЗАЩИТЫ ЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА
В РУССКОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ИНТЕРВЬЮTOPIC CHANGE AS A PRIVACY PROTECTION TACTIC
IN RUSSIAN MEDIA INTERVIEWS

В статье на материале русскоязычных медийных интервью исследуется одна из наиболее востребованных тактик защиты личного пространства говорящего – смена темы. Разрабатывается классификация разновидностей смены темы на основании ее коммуникативных, структурно-семантических или когнитивных характеристик, а также выявляются особенности языковой реализации каждого из вариантов данной тактики.

Ключевые слова: *тактика защиты; медийное интервью; разновидность смены темы; коммуникативный, структурно-семантический и когнитивный аспекты; средства реализации.*

The article explores topic change as one of the most widespread privacy protection tactics. The research is based on Russian media interviews. The author classifies types of topic change according to their communicative, semantic, structural and cognitive characteristics. The paper also specifies realization means for each topic change variant.

Key words: *protection tactic; media interview; topic change variant; communicative, semantic structure and cognitive aspects; realization means.*

Тематическая структура текста представляет собой сложный и многогранный феномен, получивший освещение в работах А. И. Новикова, К. В. Воронцова, К. И. Белоусова и многих других. Исследование темы текста может включать статический и динамический аспекты [1]. Статический аспект предполагает изучение тематической структуры текста: выделение элементов структуры разного уровня (гипертемы, субтемы, микротемы и т. д.), установление границ и семантических связей между элементами, а также построение иерархии тем, которая часто может быть представлена в графическом виде. Динамический аспект связан с процессом порождения текста и его тематического развертывания, то есть посте-

пенной смены тем, что предполагает изучение таких явлений, как сужение/расширение темы, включение/удаление темы, переключение темы и т. п. [1].

Особый интерес представляют исследования тематической структуры и динамики диалогического текста, ведь тематическое развертывание диалога осуществляется при помощи совместных действий как минимум двух коммуникантов. По этой причине в данной работе мы обратились к интервью, которое представляет собой диалогический жанр, относящийся к институциональной коммуникации, где присутствует регламентируемое распределение ролей: контроль за ходом беседы, включая ввод новых тем, принадлежит интервьюеру, а содержательное наполнение беседы и развитие заданных тем – интервьюируемому [2].

Классическое портретное интервью предполагает, что и интервьюер, и интервьюируемый заинтересованы в обсуждении выбранной темы. Тем не менее современные медийные интервью все больше отклоняются от своего канонического варианта. Появление в русскоязычной журналистике провокационных элементов и других форм некорректного поведения интервьюера привело к тому, что сегодня в интервью достаточно часто озвучиваются темы, от обсуждения которых интервьюируемый предпочел бы уклониться. В таком случае попытка интервьюируемого сменить тему в сторону менее опасной или провокационной может рассматриваться как сознательно избранная тактика защиты.

В первую очередь нежелательными для интервьюируемого являются темы, относящиеся к его личному пространству. Перечень таких тем был разработан О. С. Иссерс и включает личные и семейные отношения, физиологию и здоровье, негативный личный опыт, социально неодобряемые формы поведения, доходы, негативные эмоции, а также религиозные убеждения [3, с. 99–101].

На основании данного тематического критерия в качестве материала исследования из русскоязычных медийных интервью было отобрано около 50 контекстов, содержащих вторжение в личное пространство интервьюируемого и смену темы в качестве реакции на вторжение.

Смена темы является наиболее востребованной тактикой защиты личного пространства интервьюируемого в русскоязычном интервью [4], что обусловлено широкой вариативностью тактики и ее способностью имитировать полноценный содержательный ответ.

Цель данной работы заключается в установлении разновидностей смены темы в русскоязычном медийном интервью и особенностей их языковой реализации.

Анализ теоретических источников позволил установить, что смена темы представляет собой комплексный феномен, который сочетает в себе *коммуникативный аспект*, связанный с организацией диалогического взаимо-

действия (см. [5; 6] и др.), *структурно-семантический*, предполагающий выделение элементов тематической структуры текста и связей между ними (см. [1; 7] и др.), а также *когнитивный аспект*, основанный на механизмах перераспределения внимания [8]. Рассмотрим каждый из аспектов подробнее.

В плане **коммуникативных** характеристик смену темы можно разделить на *маркированную* и *немаркированную разновидности*. *Маркированный* вариант смены темы представляет собой эксплицитную метакоммуникативную реакцию, ориентированную на перераспределение контроля над темой в интервью и, как следствие, изменение темы интервьюируемым:

– *Начнем с того, что самой главной тайной в Вашей жизни стала тайна Вашего отца.*

– *Да. Хотя знаете, я сейчас скажу одну вещь, <...> И вот, душенька, **давай поговорим о** высоком. Сейчас у нас год литературы* (Ю. Меньшова – Л. Максакова);

– *Я как-то даже понимаю Ваш договор с семьей...*

– ***Давайте о чем-то другом*** (Ю. Меньшова – Р. Дубовитская);

В качестве маркеров в данном случае выступают метакоммуникативы ввода новой темы/изменения темы (*давайте поговорим о/давайте лучше поговорим о* и т. д.), выражающие побуждение к совместному действию и использующие в качестве основного средства языковой реализации инклюзивный императив с глаголами речи.

Не маркированный вариант смены темы характеризуется отсутствием эксплицитного выражения намерения говорящего сменить тему, что позволяет данной разновидности лучше имитировать кооперативный содержательный ответ:

– *Ты сегодня одинока или влюблена?*

– *Как женщина, я очень неустойчива. У меня есть такое качество, я очень быстро влюбляюсь. Это мне очень мешает. Когда я влюбляюсь, во-первых, это происходит сразу, мгновенно, и я поглощена всегда* (И. Шихман – Линда).

С точки зрения **содержательной близости** смена темы может включать обращение к *новой теме*, не связанной с инициальным вопросом, а также использование *смежной темы*.

Обращение к *новой теме* на языковом уровне проявляется в использовании лексики из разных тематических групп, что отражается на степени семантической связности вопросной и ответной реплик:

– *Расскажи мне про **беременность**. Насколько я помню последний месяц, ты становишься такой немного коровкой.*

– *У меня совпало, видишь, с **премьерой фильма**, я постоянно в процессе **пиар-компании*** (К. Собчак – В. Гай Германика).

Использование смежной темы предполагает более высокую степень семантической связности реплик и предоставление части запрашиваемой журналистом информации, что облегчает имитацию полного содержательного ответа:

– Ну, в смысле, она [дочь] спросила, **почему** я с ним [отцом] **не общаюсь?**

– Как бы есть **причины**, по которым вообще в принципе с человеком **не может общаться** другой человек, и вообще другие люди **не могут общаться**. Какие-то причины на это есть. Может, он в космос улетел или умер, например (И. Шихман – В. Гай Германика).

Следует отметить наличие определенной взаимосвязи между маркированностью смены темы и степенью содержательной близости тем в вопросной и ответной репликах. Так, новая тема может вводиться как при помощи метакоммуникативных конструкций, так и без них, в то время как переход к смежной теме реализуется только в немаркированном варианте, так как использование маркера, делающего защитную реакцию очевидной для адресата, противоречит скрытому характеру данной разновидности смены темы.

Использование смежной темы в **структурном аспекте** осуществляется путем переключения в рамках иерархической организации тем и включает следующие варианты.

- Сужение темы (переход от макротемы к микротеме):

– Ну, давайте **в среднем**, сколько может классный шеф **получать?**

– Смотри, так, что б ты понимала, **в 2007 году моя зарплата была миллион рублей** (И. Шихман – К. Ивлев).

Для данной разновидности тактики характерно использование гипонимических обозначений и конкретных данных.

- Расширение темы (переход от микротемы к макротеме):

– Каково тебе было жить с алкоголиком?

– Ну, блин, **все женщины русские живут с алкоголиками**, у нас что есть не алкоголики? (И. Шихман – П. Гагарина).

Для этого варианта смены темы, напротив, характерно употребление гиперонимов и лексем с обобщенным или собирательным значением.

• Смещение к смежной теме (переход к другой микротеме в пределах одной макротемы), которое может происходить в рамках фреймовой структуры (например, «свадьба – предложение»):

– Когда **свадьба?**

– Ты знаешь, Константин сделал мне **предложение** около 2 лет назад, мы сели и поговорили здраво (И. Шихман – Е. Варнава), либо эквонимических отношений:

– А **наркотики?** Вы все употребляли...

– Мы северные люди, и мы привыкли к **алкоголю**, ко всему, что горит (И. Шихман – Г. Сукачев).

В данном примере лексемы *наркотики* и *алкоголь* являются гипонимами по отношению к гиперониму *вредные привычки*.

Когнитивный аспект смены темы основан на концепции фигуры и фона [9] и связан с перераспределением внимания, что может быть описано в терминах фокусирования/дефокусирования, то есть непроизвольной либо сознательной акцентуации (фокусировки) одних элементов ситуации, которые оцениваются говорящим как значимые, важные и желательные, и, соответственно, затемнения (дефокусировки) других, которые представляются говорящему неважными, нежелательными или опасными [8].

В рамках интервью процесс фокусирования/дефокусирования связан с перераспределением внимания между *субъективной* и *предметной темой* [7; 10]. Выделение данных разновидностей тем основывается на том, что в высказывании может присутствовать как описание ситуации, так и эксплицитно выраженное отношение к ней говорящего. Субъективная тема (или Я-тема в терминологии И. Г. Сибиряковой [10]) может присутствовать в тексте в дефокусированном, фоновом режиме либо в некоторых случаях, когда все высказывание строится вокруг чувств и переживаний говорящего, находиться в фокусе. В последнем случае предметная тема, описывающая ситуацию, которая вызвала переживания, будет дефокусирована и станет фоном.

Переход от предметной темы к субъективной является разновидностью смены темы, используемой, когда описание самой ситуации связано с определенными репутационными рисками:

– *Много ли вы сейчас пьете?*

– *Да что ж такое? Вы знаете, я, конечно, **благодарен** средствам массовой информации, я **думаю**, это связано, конечно, прежде всего с моей фамилией и с **мордой бандитской**, да...* (И. Шихман – Г. Сукачев).

Для данного варианта смены темы характерно использование лексем, выражающих эмоции, ментальные состояния, желания, а также оценочная лексика.

Смещение к *предметной теме*, наоборот, переводит фокус внимания с чувств и эмоций на конкретные события, их вызвавшие. Данная разновидность тактики используется в первую очередь, когда вопрос затрагивает негативные эмоции интервьюируемого:

– *Но Вы же потом лежали в больнице, **понимали**, что человек, которого Вы сбили, в реанимации... Что Вы **чувствовали**?*

– *Но я же к нему **подскакал**. На шоке я к нему **подошел**, я сказал, ты живой? Он говорит, живой. Я **вызвал**, **подъехали** еще ребята-мотоциклисты, и мы **вызвали** 03. Я сел, и только тут я потерял сознание. Потому что не знал, что у меня сломана левая нога. **Приехали** 03 очень быстро, потому что у нас... и милиционеры **пришли** очень быстро. Я жил тогда на даче, на сходне, и у нас там такой круг, и там милиционеры всегда*

стоят. Там пешком им две минуты. Они **пришли** довольно быстро. Сначала **приехала**, значит, неотложка, и сначала **увезли** его, потом **увезли** меня (И. Шихман – Г. Сукачев) (в данном примере для описания предметной темы широко используются глаголы действия и движения, хотя вопрос был ориентирован на получение информации об эмоциональном состоянии собеседника).

В связи с тем, что для жанра интервью характерны достаточно развернутые высказывания, реплика интервьюируемого может содержать сразу несколько тематических смещений.

Организация **серии тематических смещений**, обуславливающих лучшую защиту личного пространства интервьюируемого, строится по двум основным моделям: *расщепление фокуса* и *удаление фокуса*.

Расщепление фокуса предполагает введение нескольких смежных микротем, которое позволяет рассеять внимание слушающего и вывести из фокуса нежелательную информацию [8]:

– Папа был всегда обеспеченным человеком?

– Ну как всегда, ну какой-то период начала 90-х он открыл... Он был очень идейный. Он всегда работал на заводе, начинал он с мастера. Когда приехали в Москву, его пригласили на завод Владимира Ильича Ленина. Такой завод, в общем-то они там производили какие-то стиральные машинки что ли, ну, какие-то в общем что-то... И он приехал налаживать производство. И в принципе все было в таком дряхлом состоянии, не было каких-то определенных частей. Это все очень медленно двигалась. Он приехал и как-то вот наладил эту систему (И. Шихман – Линда).

Для данной модели характерна радиальная связь элементов. Так, в приведенном примере вопрос касается заработка отца Линды, который можно рассматривать как микротему, принадлежащую более общей теме «Работа». Эта тема, в свою очередь, включает и другие микротемы (место работы, время работы, условия работы, рабочие обязанности, успех на работе), менее личные с точки зрения интервьюируемого.

Удаление фокуса строится по принципу цепочки смежных тем [8], каждая из которых является все менее личной и содержательно менее связанной с изначально заявленной в вопросе темой:

– Ну, я хотела у тебя узнать, что самое сложное, когда к тебе переезжает девушка? Для парня.

– Мне не очень тяжело вот в таком бытовом смысле... Я повторяю, у меня очень специфический характер. Я привыкал и не считал какой-то проблемой, когда мне не хватало денег. Я жил у Ануара и питался в помоечном магазине за 39 или сколько там центов. Ему все время стыдно было, что он ест нормальную еду, а я нет, и он меня постоянно пытался угостить. Я всегда от этого отнекивался, потому что я считал неправильным объедать его, потому что я и так в квартире его живу (И. Шихман – Е. Баженов).

В данном контексте переход осуществляется от темы отношения с девушкой к бытовым проблемам и особенностям характера, затем ко взгляду на конкретный вид бытовых проблем, а именно нехватке денег, и в дальнейшем к конкретному примеру жизни с другом в стесненных с финансовой точки зрения обстоятельствах.

Таким образом, комплексный характер тактики смены темы позволяет исследовать ее с точки зрения ее коммуникативных особенностей и роли в организации диалога, структурно-семантических характеристик, то есть степени семантической близости тем и их иерархии, а также в когнитивном аспекте, включающем процессы фокусировки и дефокусировки тем.

Востребованность смены темы как тактики защиты личного пространства в русскоязычном медийном интервью обуславливается следующими причинами. Во-первых, большинство разновидностей смены темы (за исключением маркированного варианта) создают иллюзию полного содержательного ответа, не нарушают общий ход тематического развития диалога и не всегда могут быть определены как попытка уйти от ответа, чем избавляют говорящего от имиджевых потерь. Во-вторых, в силу наличия у каждой темы, заявленной в вопросе, развернутой системы составляющих ее микро-тем и подтем, смена темы реализуется при помощи большого числа разновидностей, что позволяет адаптировать тактику под множество разнообразных ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Косицина, Ю. В.* Статико-динамическая модель тематической организации диалектного монологического текста: статический аспект / Ю. В. Косицина, С. П. Петрунина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2013. – Вып. 75. – № 4 (295). – С. 49–53.
2. *Кантор, Ю. З.* Диалогический текст интервью в коммуникативном аспекте: (на материале современных российских газет) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. З. Кантор. – СПб., 2001. – 191 л.
3. *Иссерс, О. С.* Грани «приличного/неприличного» в публичной коммуникации (на примере интервью Юрия Дудя) / О. С. Иссерс // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации : материалы Междунар. науч. конф., Москва, 23–24 окт. 2018 г. / Ин-т лингвистики РГГУ ; сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. – М., 2018 – С. 94–103.
4. *Жупинская, А. В.* Стратегия реагирования на нарушение границ личного коммуникативного пространства в русскоязычных и англоязычных медийных интервью / А. В. Жупинская // Сб. науч. работ студентов Республики Беларусь «НИРС 2020» / редкол. : И. А. Старовойтова (пред.) [и др.]. – Минск, 2021. – С. 475 – 479.

5. *Микута, И. В.* О правилах смены темы в спонтанном диалоге / И. В. Микута // Квантитативная лингвистика и семантика. – 2000. – Вып. 2. – С. 150–155.
6. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Изд. 5-е. – М. : Изд-во ЖИ, 2008. – 288 с.
7. *Милевская, Т. В.* Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты) / Т. В. Милевская. – Ростов н/Д. : РГПУ, 2003. – 336 с.
8. *Ирисханова, О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. – М. : Языки слав. культуры, 2014. – 320 с.
9. *Тэлми, Л.* Феномены внимания / Л. Тэлми // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 23–44.
10. *Сибирякова, И. Г.* Тематическое структурирование разговорного диалога : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. Г. Сибирякова. – Екатеринбург, 1996. – 224 л.

Поступила в редакцию 13.07.2022

Марченко Ольга Владимировна
аспирант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Volha Marchanka
Postgraduate Student of the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
march_home@mail.ru

КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ ОТКАЗА ОТ РЕАЛИЗАЦИИ
КОММУНИКАТИВНОГО ЗАМЫСЛА И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ
(на материале русскоязычных материалов)

COMMUNICATIVE SITUATION OF REFUSAL TO REALIZE
THE COMMUNICATIVE INTENTION AND RELATED PHENOMENA
(based on Russian Dialogues)

Статья посвящена определению места коммуникативной ситуации отказа от реализации коммуникативного замысла в кругу смежных коммуникативных феноменов. Выявлены характерные особенности исследуемой ситуации. Установлены критерии, участвующие в дифференциации ситуации отказа от реализации коммуникативного замысла со сходными явлениями.

Ключевые слова: *отказ от реализации коммуникативного замысла; коммуникативные неудачи; коммуникативное затруднение говорящего; недомолвки; коммуникативная инициатива; говорящий; адресат.*

The article deals with determining the place of the communicative situation of refusal to realize the communicative intention among related communicative phenomena. The characteristic features of the situation under study are revealed. The article also identifies the criteria used for the differentiation of the situation of refusal to realize the communicative intention from similar phenomena.

Key words: *refusal to realize the communicative intention; communicative failures; communicative difficulty of the speaker; innuendo; communicative initiative; speaker; hearer.*

Феномен коммуникативного замысла и способы его реализации в диалогическом взаимодействии находят отражение в работах многих лингвистов. К проблемным вопросам его изучения, в частности, относятся:

1) дифференциация коммуникативного замысла и связанных с ним понятий – таких, как *коммуникативное намерение, коммуникативная интенция, коммуникативная цель* и т.п. (Н. Д. Арутюнова, И. Н. Борисова, Т. Г. Винокур, Т. М. Дридзе, И. А. Зимняя, А. А. Кибрик, Е. В. Клюев, М. Ю. Олешков, О. Г. Почепцов, Н. И. Формановская и др.);

2) определение этапов реализации коммуникативного замысла (Л. С. Выготский, И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев и др.);

3) анализ коммуникативных ситуаций, в которых коммуникативный замысел говорящего по тем или иным причинам оказывается не реализованным, коммуникативные цели не достигнутыми (коммуникативные неудачи, осечки и сбои) (О. В. Емельянова, О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Л. Ю. Иванов и др.).

К числу таких сложных ситуаций общения относится отказ говорящего от осуществления своего коммуникативного замысла. Ср.:

Пашка хотел крикнуть – «никогда!», но запнулся. Он понимал, если ответ не понравится Горлоносу – тот прокрутит свое колесо, окончательно отпустит цепь, и жуткое существо набросится на девочку (М. Тырин «Будет немножечко больно»; Национальный корпус русского языка (НКРЯ)) – в данном контексте у говорящего полностью сформирован замысел, подобраны лексические средства для его вербализации, но, проанализировав текущую обстановку и представив последствия своего речевого действия, он принимает самостоятельное решение не осуществлять замысел.

Цель данной работы заключается в рассмотрении места коммуникативной ситуации отказа от реализации коммуникативного замысла (ОКЗ) в круге смежных явлений, связанных с различными затруднениями и сбоями, определении характерных особенностей, которые отличают ОКЗ от других явлений.

ОКЗ и коммуникативное затруднение говорящего

При выявлении характерных признаков ОКЗ важно проанализировать ситуации, при которых адресант сталкивается с проблемой при осуществлении своего коммуникативного замысла, а именно испытывает трудности с формулированием его словесной стороны. К таким ситуациям относится коммуникативное затруднение говорящего (КЗГ) – «трудности, возникающие на этапе вербализации в связи с невозможностью частично или полностью реализовать коммуникативный замысел в данной конкретной ситуации» [1]. Принципиально важно подчеркнуть, что речь идет не о нежелании, а именно о невозможности адресанта полноценно реализовать свой замысел, поскольку он неспособен в данный момент найти адекватные ресурсы вербализации. Такое затруднение проявляется в виде пауз hesitation, которые «возникают в проблемных точках речепорождения и могут быть как незаполненными (физическая пауза – в расшифровках (...) или Ъ), так и заполненными различным способом: либо неречевыми звуками (э-э, м-м, гм), либо вербальными единицами размером от слова до целых конструкций» [2], которые именуются вербальными hesitation [3]:

– Давай еще бутылку шампанского. Вот этого самого... Ну как его... Да ты знаешь! – Я вас понял. «Мондоро» (Е. Сухов «Делу конец – сроку начало»; НКРЯ).

Что касается ОКЗ, то говорящий не испытывает колебаний и трудностей при вербализации замысла, а просто отказывается его воплощать в силу разных причин:

– Составлять представление за пятнадцать минут не берусь. А ощущение... – Лопатин хотел было сказать, что главное ощущение от встречи с Юсуповым то, что этот человек там, на своем месте, показался ему необходимой частью войны. Но, подумав, не сказал. Не хотелось говорить лишних слов (К. Симонов «Так называемая личная жизнь»; НКРЯ).

Таким образом, КЗГ и ОКЗ сходны в том, что в обоих случаях коммуникантом полностью сформирован коммуникативный замысел, но в ситуации ОКЗ он не испытывает проблем с вербализацией, что характерно для КЗГ, и тем не менее отказывается от осуществления замысла.

ОКЗ и смена формулировки

В процессе коммуникации также возможны ситуации, когда адресант озвучивает высказывание, отличное от того, которое он хотел произнести первоначально. В этой связи необходимо провести границу между двумя схожими ситуациями:

1) говорящий отказывается от реализации первоначального замысла и приступает к реализации другого:

Полынин замялся. Хотел было сказать мальчишке то, что, наверное, полагалось сказать: все же посоветуйся обо всем этом еще и со своими родственниками. Но язык почему-то не повернулся, и вместо того, чтобы объяснить, как маленькому, что надо слушаться старших, сказал от души, как взрослому: – Только если работать пойдешь – потом уже не качайся! (К. Симонов «Случай с Полыниным»; НКРЯ);

2) говорящий отказывается от первоначальной формы вербализации замысла и всего лишь модифицирует или корректирует высказывание (в этом случае сам замысел остается неизменным):

– Уж не подозреваете ли вы... – Он хотел было сказать «милостивый государь», но вовремя понял, что это прозвучало бы не только нелепо, но даже комично, – уж не подозреваете ли вы, – повторил он, – что я скрываю местонахождение своего сына? (А. Чаковский «Блокада»; НКРЯ).

Первый случай представляет собой ОКЗ с изменением замысла, т.е. коммуникант принимает решение отказаться от одного варианта продолжения диалога и делает выбор в пользу осуществления другого. Во втором случае говорящий реализует замысел, всего лишь меняя его вербальную сторону, в результате чего такие ситуации не рассматриваются нами как ОКЗ.

ОКЗ и запрет / перехват коммуникативной инициативы говорящего

При рассмотрении ОКЗ и ряда других явлений, при которых адресант прекращает реализацию своего замысла, необходимо определить, что оказывается импульсом для принятия такого решения.

Решение об отказе может быть как самостоятельно и добровольно принятым говорящим, так и носить вынужденный характер, т.е. приниматься под давлением собеседника. В этой связи представляется необходимым дифференцировать ситуации ОКЗ, с одной стороны, и ситуации некооперативного захвата собеседником коммуникативной инициативы и/или запрета коммуникативной инициативы, с другой.

Сравним следующие контексты:

– Ну, ты в самом деле думаешь...

Тут же осеклась. Не даст она больше втравить себя в бессмысленный спор! (Л. Р. Кабо «Ровесники октября»; НКРЯ) – в случае ОКЗ говорящий самостоятельно принимает решение не продолжать реализацию замысла.

– *Как?* – *Хрипушин повернул к нему своё страшное лицо и посмотрел на него оловянными глазами.* – *Так вы что, играть сюда к нам пришли?* – *Я...* – начал было Корнилов. – **Вы что?** *Материал органам представили или книжку «Роман императрицы»?!* *Лейтенант Суровцев!* (Ю. О. Домбровский «Факультет ненужных вещей»; НКРЯ) – собеседник осуществляет коммуникативный ход перехвата коммуникативной инициативы без учета желания партнера [4, с. 218], т.е. попросту не позволяет коммуникативному партнеру реализовать замысел.

Аналогичная ситуация наблюдается и в случае использования коммуникативного хода запрета собеседником коммуникативной инициативы говорящего, который может выражаться как вербально, так и невербально:

– *«Мивая, – сказал он. – Это ведь только начало. У нас ещё...»* – *«Молчи, – плача, пробормотала она. – Ничего не надо говорить, и так всё понятно».* (И. Муравьева «Мещанин во дворянстве»; НКРЯ).

– *А как вы к ней?* – начала было Мэя, **но Фома приложил палец к губам.** – *Я тебе потом все расскажу, хорошо?* (С. Осипов «Страсти по Фоме»; НКРЯ).

Другими словами, отличие между ОКЗ и ситуациями с запретом и перехватом коммуникативной инициативы заключается в том, что в первом случае осуществление замысла прерывается по желанию самого говорящего.

ОКЗ и недомолвки

Сходными по форме с коммуникативной ситуацией ОКЗ являются недомолвки (Г. А. Тезекбаева) [5], или речевой акт умолчания (в терминологии О. В. Пузановой) [6].

Структурно недомолвка представляет собой «высказывание, состоящее из базовой (вербализованной) части и невербализованного компонента, в котором говорящим скрыта часть информации», а с точки зрения формальных средств выражения маркируется «интонацией незавершенности, а точнее, внезапным прерыванием потока речи – обрывом интонации, и длительной паузой» [5].

Важным признаком недомолвки / акта умолчания является «недосказанность, недоговоренность и намеренность недоговаривания» [Там же]. Речевая цепь обрывается намеренно, говорящий специально умалчивает о какой-то информации или ее части.

Для передачи умалчиваемой части высказывания говорящий использует как языковые, так и неязыковые средства [5; 6]. К лексическими показателям недомолвок, например, относятся «указательные и неопределенные местоимения и наречия, специфические устойчивые выражения» [5]:

«Неужели я вам так нужна? – удивилась Елена Самохина. – Ведь и кроме меня есть множество специалистов, которые с радостью пойдут к вам даже на меньшие деньги. А я, простите, так уж устроена: по мне, лучше синица в руке...» (М. Милованов «Рынок тщеславия»; НКРЯ).

Невербальные средства коммуникации поясняют, дополняют или опровергают смысл коммуникативного хода отправителя речи и выполняют роль частичного или полного эквивалента произнесенного фрагмента сообщения [5]:

– *Мы должны заставить Голубева взять партбилет обратно. А вот когда он его возьмет, тогда мы его и...* – *Неужелев сделал хищный хватающий жест рукой.* – *Правильно,* – *сказал Ревкин* (В. Войнович «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»; НКРЯ).

Характерной чертой данного феномена является уверенность говорящего в адекватном понимании сообщения слушающим, который, по мнению говорящего, располагает всеми необходимыми ресурсами (в частности фоновыми знаниями) для восстановления недосказанной части информации, которая легко восстанавливается благодаря контексту:

«Родственников много, дорогой, – любезно пояснил один из делегатов. – Это у вас, инкубаторских москвичей, никого на свете нет, а у нас...» (Б. Грищенко «Посторонний в Кремле»; НКРЯ).

Таким образом, принципиальное отличие ОКЗ от недомолвок заключается в признаке реализованности / нереализованности замысла. В случаях недомолвок, несмотря на формальную незавершенность высказывания, замысел говорящего получает полноценную реализацию; в случаях ОКЗ этой реализации не происходит. Кроме того, в отличие от ситуаций недомолвок, где говорящий уверен в возможности слушающего полностью восстановить смысл сообщения, в ситуациях ОКЗ адресант не предполагает, что собеседник сможет осуществить такую реконструкцию (и, более того, как правило, такая реконструкция противоречит интересам адресанта):

– *Кларочка,* – *сказал он,* – *я ведь совсем...* – *И он хотел сказать, что он совсем, совсем забыл о ней, и осёкся.* *Он не забыл о ней* (Ю. Домбровский «Факультет ненужных вещей»; НКРЯ).

ОКЗ и коммуникативные неудачи

Коммуникативные неудачи (КН) трактуют как «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» (О. П. Ермакова, Е. А. Земская) [7, с. 31]; «вид речевого взаимодействия, в ходе которого используемые для данного речевого акта речевые произведения не выполняют своей функциональной предназначенности и не ведут к образованию результирующего (заданного) эффекта в совместных действиях коммуникантов; короче говоря, это такой сбой в общении, при котором определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения» (О. В. Емельянова) [8, с. 98]; ситуации, «когда коммуникативный акт не достигает коммуникативной цели, поскольку нечто в процессе коммуникации происходит неправильно» (Л. Ю. Иванов) [9, с. 251–252].

Иными словами, в ситуации КН, как и в случае с недомолвками, говорящий полностью реализует свой коммуникативный замысел, однако в

силу определенных причин (подробно описанных в названных выше работах) слушающий не декодирует смысл высказывания говорящего в соответствии с намерением последнего:

А. (житель Екатеринбурга) Она живет тут недалеко. Первая свечка от дороги.

Б. (житель Саратова) Не поняла.

А. Ну самая первая многоэтажка.

Б. У нас такие дома высотками называются [10, с. 120].

Что касается ОКЗ, то здесь проблема состоит не в том, что адресат не понял адресанта, а в том, что в силу отказа говорящего от реализации своего замысла у адресата, собственно, и не было такой возможности:

– Да, отстранили, – мстительно заулыбался Смолянинов. – Но тот человек, который отстранил, теперь мертв. – Мертв? – Зинаида Ивановна побледнела. – Вы... – Она что-то хотела спросить, но вовремя осеклась (Е. и В. Гордеевы «Не все мы умрем»; НКРЯ).

Таким образом, дифференциация ОКЗ со смежными феноменами может быть осуществлена с опорой на следующие критерии: реализованность / нереализованность коммуникативного замысла (разграничивающий ОКЗ, с одной стороны, и недомолвки и КН, с другой); сформированность / несформированность вербальной стороны замысла (отличающий ОКЗ от КЗГ и ситуаций со сменой формулировки); добровольность / вынужденность решения об отказе (дифференцирующий ОКЗ и захват и / или запрет собеседником коммуникативной инициативы говорящего). Это позволяет рассматривать ОКЗ как самостоятельную, специфическую разновидность проблемных коммуникативных ситуаций, требующих специального многоаспектного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев, Р. В. Развернутый вербальный хезитатив как индикатор коммуникативного затруднения говорящего в разных типах диалога / Р. В. Лебедев // Вестн. МГЛУ. Сер. 1. Филология. – 2019. – № 4 (101). – С. 46–52.
2. Богданова-Бегларян, Н. В. Вербальные хезитативы русской устной речи : реализация поисковой функции и «рефлекс поиска» / Н. В. Богданова-Бегларян // Язык и метод : Рус. язык в лингвист. исследованиях XXI века. – 2015. – № 2. – С. 345–354.
3. Богданова-Бегларян, Н. В. Кто ищет – всегда ли найдет? (о поисковой функции вербальных хезитативов русской спонтанной речи) / Н. В. Богданова-Бегларян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы ежегод. междунар. конф. «Диалог», Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г. : в 2 т. / гл. ред. В. П. Селегей. – М., 2013. – Т. 1. – Вып. 12 (19). – С. 125–136.

4. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : URSS, 2002. – 284 с.
5. *Тезекбаева, Г. А.* Прагматика недомолвок в русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Г. А. Тезекбаева ; Tobol. gos. соц.-ped. akad. im. D. I. Mendeleeva. – Tobolsk, 2011 – 18 с.
6. *Пузанова, О. В.* Прагматика и семантика умолчания : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.04 / О. В. Пузанова. – СПб., 1998. – 18 с.
7. *Ермакова, О. П.* К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / О. П. Ермакова, Е. А. Земская // Рус. язык в его функционировании : коммуникативно-прагмат. аспект / О. П. Ермакова, Е. А. Земская ; отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев ; Рос. АН, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1993. – С. 30–63.
8. *Емельянова, О. В.* Коммуникативные неудачи при идентификации референта / О. В. Емельянова // Трехаспектность грамматики (на материале английского языка) : сб. ст. / сост. В. В. Бурлакова. – СПб., 1992. – С. 97–114.
9. *Иванов, Л. Ю.* Коммуникативная неудача / Л. Ю. Иванов // Культура рус. речи : Энцикл. словарь-справочник. – М. : Флинта, Наука, 2003. – С. 251–252.
10. *Русская разговорная речь. Тексты* / сост.: Г. А. Барина, Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе [и др.] ; отв. ред. Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе. – М. : Наука, 1978. – 307 с.

Поступила в редакцию 03.06.2022

ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

УДК [811.161.1+811.581.11]’25

Харитончик Зинаида Андреевна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
Минск, Беларусь

Zinaida Kharitonchik

Habilitated Doctor of Philology, Professor,
Professor at the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
zkharitonchik@mail.ru

Ян Ли

магистрант
Минский государственный
лингвистический университет
Minsk, Belarus

Yang Li

MA Student
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
lizy68520@gmail.com

О ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ ДИМИНУТИВОВ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК
ON THE TRANSLATION OF RUSSIAN DIMINUTIVES INTO CHINESE

Данная статья посвящена анализу способов перевода диминутивов с русского языка на китайский. На материале повести В. П. Катаева «Сын полка» и романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь» и их переводов на китайский язык выявлены две главные стратегии, которым следуют переводчики: замена производных диминутивных форм на их нейтральные производящие единицы, использование 小 *xiǎo* ‘маленький’. Это в принципе соответствует общим тенденциям перевода диминутивности с русского на славянские, германские и другие языки и приводит в итоге к некоторой потере в переводном тексте эмоционального фона, присущего оригиналу.

К л ю ч е в ы е с л о в а: категория; диминутивность; перевод; русский язык; китайский язык; эмоциональность.

The article is centred on the analysis of ways of translating diminutives from Russian into Chinese. On the basis of the short novel “Son of the Regiment” by V.P. Kataev and the novel *How the Steel was Tempered* by N.A. Ostrovsky and their translations into Chinese two major tendencies which the translators follow have been revealed: substitution of derived diminutive forms by their neutral underlying bases and the use of 小 *xiǎo* ‘little’. They correlate in principle with general tendencies of translating diminutives from Russian into Slavic, Germanic and other languages and result in some loss in the translation of emotionality of the original text.

K e y w o r d s: category; diminutiveness; translation; Russian; Chinese; emotionality.

Категория диминутивности — одна из наиболее сложных языковых категорий вследствие трудностей определения ее статуса как лексической, морфологической (словоизменительной/словообразовательной), синтаксической, семантической, семантико-словообразовательной или семантико-прагматической категории — с незапамятных времен неизменно привлекает

внимание лингвистов. Начиная с работ М. В. Ломоносова, К. С. Аксакова, Ф. И. Буслаева, В. А. Богородицкого и других в русистике (см. исторический обзор и библиографию в [1; 2] и т.д.), Я. Гримма, Е. Крейзинги, О. Есперсена и их современников и последователей в германистике (указания на конкретные труды можно найти, например, в [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9] и т.д.), лингвисты, активно расширяя число языков и вовлекая в орбиту своего анализа не только индоевропейские, но и языки других языковых семей, например, финский [10], ительменский [11], суахили и т.п., направляют свои усилия на установление средств выражения диминутивности в том или ином языке, на раскрытие семантики, закономерностей функционирования, а в последние десятилетия на выявление коммуникативно-прагматического потенциала диминутивных форм, причин их распространенного употребления в разных, включая Интернет и мультипликационные фильмы, речевых жанрах, на потенциал использования диминутивов в языковой игре [12], речевые неудачи, связанные с их активной реализацией [13], усвоение диминутивов детьми [14] и т.п.

Специфика категории диминутивности в конкретных языках даже одной языковой семьи, убедительно продемонстрированная в многочисленных сопоставительных исследованиях (особенно популярно сравнение диминутивных подсистем русского и английского языков) и проходящая по таким линиям, как 1) развитость подсистемы диминутивных словообразовательных суффиксов в одном языке (например, русском, испанском) и малочисленность и непродуктивность их аналогов в другом (например, английском, французском) или даже практически полное отсутствие морфологических средств выражения диминутивности (например, в китайском), 2) разный частеречный диапазон диминутивности, позволяющий образование диминутивных форм как в сфере имени существительного, так и прилагательного, наречия, глагола и междометий [2, с. 39] или же, напротив, ограничивающий этот процесс рамками только одной части речи, как правило, имени существительного, 3) семантическая несводимость диминутивов лишь к передаче значения уменьшительности, но выражение ими целой гаммы эмотивных значений: ласкательности, нежности, умиления, утешения, любви, восторга, жалости, недовольства, ироничности, пренебрежения, снисходительности, злобы, сарказма и т.п., а также присущие диминутивам эксплицитные и имплицитные смыслы смягчения просьбы, реализации фатичности, расположения к себе и т.п. (см. [15; 20] и т.д.), своеобразно реализуемые в тех или иных языках (см. данные о доле диминутивов в речи матерей, говорящих по-русски, по-литовски, по-испански и по-немецки в [2, с. 44]), 4) различия в частотности диминутивов даже в родственных и похожих по грамматическому строю языках, детерминируемые, по мнению М. Д. Воейковой, морфонологическими предпочтениями и теми грамматическими преимуществами, способствующими, в частности, в русском языке упрощению системы склонений и унификации акцентных парадигм, что характерно для диминутивных дериватов [Там же, с. 38] и другие их свойства ярко высветили неоднородность данной категории.

Естественным следствием, вытекающим из структурных, семантических и функционально-стилистических особенностей выражения диминутивности в разных языках, стало обращение к проблеме переводимости диминутивов, встающей перед переводчиками каждый раз, когда перед ними возникает задача перевода текстов художественных и/или устных с одного языка на другой.

Переводоведение к настоящему моменту накопило богатый арсенал исследований, направленных на анализ переводов диминутивов. Их наличие делает возможным провести некоторые параллели между количественными параметрами переводимости диминутивов русского языка и их соответствиями в переводах на другие языки, в первую очередь славянские и германские.

Несмотря на то, что полномасштабное сравнение степени переводимости диминутивов с русского на другие языки на сегодня, к сожалению, невозможно вследствие различий в материале, методиках анализа, характере приводимых количественных данных и т.п., из имеющихся описаний становится очевидной общая тенденция опущения диминутивности и соответственно значительного меньшего числа диминутивных форм в переводе по сравнению с русским текстом оригинала. Так, И. Васева [16] на основе анализа десяти русских романов и их переводов на болгарский язык делает вывод о том, что в болгарских переводах диминутивов в среднем в полтора раза меньше, чем в русских оригинальных текстах. Объяснение этим различиям, на ее взгляд, лежит как в количественных характеристиках реестра диминутивных суффиксов в болгарском языке (их меньше, чем в русском), так и семантических их свойствах (меньше и число передаваемых в болгарском значений диминутивности). Главная же причина, по ее мнению, заключается в повышенной эмоциональности и экспрессивности, характерной для русского языка и не присущей болгарскому языку. «Отражение всех русских УС (уменьшительных слов), – пишет И. Васева, – невозможно и неправильно не только потому, что нарушит нормы болгарского языка, но и потому, что текст будет звучать слащаво или экзальтированно, т.е. создаст неправильное представление о стиле автора и его произведения» [16, с. 180] [цит. по: 2, с. 45]. Заметим попутно, что с этим высказыванием созвучно отрицательное отношение некоторых носителей русского языка к использованию в речи диминутивных форм, их критика «мимишного» языка пользователей социальных сетей, языка «нянь», женского языка и т.п. как слащавого, неестественного (см. подробнее [2; 17; 13] и т.д.).

Данные И. Васевой подкрепляются сведениями в работе М. Багашевой-Колевой [18], посвященной сравнению переводов произведений О. Уальда, Г. Бичер-Стоу, Л. Кэролла и А. Милна с английского на русский и болгарский языки. Согласно полученным ею результатам 1248 диминутивам в английских оригинальных литературных текстах в русском переводе соответствуют 2320 диминутивов, а в болгарском – 1442, т.е. интенсивность использования диминутивов в русском тексте больше чем в полтора раза этого показателя в болгарском и почти в два раза в английском.

Коррелируют с наблюдениями болгарских исследователей и результаты анализа перевода русских текстов на сербский и другие славянские языки. К выводу о том, что при переводе с русского на сербский язык (на примере романа М. Шишкина «Письмовник») в большинстве случаев русские диминутивные суффиксы, играющие важную роль в создании эмотивного потенциала произведения, не имеют формальных и семантически точных соответствий, приходит И. Голушин [19].

Еще более ожидаемо, что проблема переводимости диминутивности переходит на еще более высокий уровень сложности при переводе на западноевропейские языки, в большинстве которых диминутивные формы подверглись лексикализации, утратили оценочный компонент значения и сохраняются лишь как остаточное явление, проявляющее себя на ограниченном круге лексики [13, с. 134]. Используемые переводчиками приемы лексической компенсации и нейтрализации, по данным С. А. Колосова, «недостаточно передают всю экспрессивность и смысловой потенциал формы оригинала... Как следствие, эмотивный и оценочный смыслы оказываются частично утраченными в переводе» [20, с. 202]. Ему вторят Н. А. Фетисова, исследовавшая на материале рассказов Т. Толстой и их переводов на английский язык возможности передачи в переводе иронии, выраженной посредством диминутивов [21], Н. М. Нестерова, Е. А. Аристова и О. В. Протопопова, также фиксирующие в переводах сказов П. Бажова на английский язык опущение диминутивности, продиктованное, как считают авторы, требованиями языковой, стилистической или узуальной норм английского языка, и как следствие снижение в переводе уровня экспрессивности произведений [22], и многие другие исследователи переводов рассказов Н. В. Гоголя, А. П. Чехова и иных произведений русской литературы.

К аналогичному выводу приводят и полученные нами сведения на материале перевода Р. Прокофьевой романа «Как закалялась сталь» на английский язык «How the Steel Was Tempered» [23], согласно которым число сохраненных в английском переводе диминутивных форм равно лишь 11,3 % от общего числа диминутивов в русском тексте.

Тенденция потери эмотивности сохраняется и в переводах на финский язык вследствие замены переводчиками русских диминутивов в 59,2 % случаев, по данным М. Хилтунен, нейтральными или описательными формами в финском языке [10].

В русле этого направления выполнена и наша работа, цель которой заключается в выявлении способов передачи диминутивов при переводе с русского языка на китайский, в котором морфология чрезвычайно бедна и значение диминутивности во многих диалектах передается с помощью других средств, в том числе и тона. Проводимое исследование задумано как продолжение актуального и важного, представляющего собой значительный интерес в коммуникативно-когнитивном, а также лингвокультурном плане, поиска эквивалентов при переводе диминутивов с одного языка на другой.

В его задачи входит установление средств, используемых при передаче диминутивности в переводе с русского языка, в котором как указывалось ранее, уменьшенные количественные характеристики объектов, с одной стороны, и эмоциональное отношение к ним во всем разнообразии передаваемых эмоций, с другой, составляют широко представленную категорию, отмеченную с помощью многочисленных морфологических маркеров, на китайский язык – язык, принципиально иной по своим структурным характеристикам и во многом отличающийся культурными принципами пользующегося им сообщества.

В качестве объекта анализа нами выбраны диминутивы-имена существительные в повести В. П. Катаева «Сын полка» (43 952 словоупотребления) [24] и Н. А. Островского «Как закалялась сталь» (97 902 словоупотребления) [25]. Заметим, что выбор произведений был продиктован наличием переводов на китайский язык и их популярностью в китайском сообществе, а также отнесенностью данных произведений к детской и юношеской литературе, в которой диминутивы наиболее широко представлены. В фокусе нашего внимания – нарицательные имена существительные как класс, в котором диминутивы наиболее регулярно представлены. (Перевод имен собственных, также активно используемых в русском языке в диминутивных формах, составляет предмет отдельного исследования.) Анализ способов передачи диминутивов в повести «Сын полка» осуществляется на базе ее перевода Хэ Лицзюанем на китайский язык 团的儿子 (tuán de érzi) [26]. В основу поиска эквивалентов диминутивов в романе «Как закалялась сталь» положен перевод 钢铁是怎样炼成的 (gāngtiě shì zěnyàng liàchéng de), сделанный Цао Манси и Ван Чжиди [27].

Как и следовало ожидать, учитывая усвоение диминутивов детьми уже в самом раннем возрасте [14] и их принадлежность к наиболее употребительным разрядам лексики в русском языке (согласно данным М. Д. Воейковой [2, с. 40] диминутивы – первый по частотности в устном и второй по встречаемости в основном подкорпусах Национального корпуса русского языка, уступающий в этом плане лишь Nomina Agentis), число диминутивов, зафиксированных в этих произведениях, значительно. В повести «Сын полка» использованы уменьшительно-ласкательные формы названий людей (*сынишка, братишка, паренек, тетенька, сестренка, деточка, солдатик, пастушонок* и т.д.), частей тела и волосяного покрова (*височек, шейка, морищанка, волосики, чубчик* и т.д.), одежды и обуви и их частей (*мундирчик, карманчик, тесемочка, шапочка, сапожки, инурочки*), сооружений (*избушка, домик, окопчик*), артефактов (*зеркальце, коробочка, чашечка, мешочек* и т.д.), абстрактных сущностей (*словечко, минуточка*) и некоторые другие – всего 119 диминутивов, встретившихся в тексте 470 раз. Среди них наиболее частотны *пастушок* и *дяденька* (72 и 52 употребления соответственно), *фонарик, окопчик* и *чубчик* (14, 11 и 10 употреблений соответственно); для подавляющего же большинства диминутивов в данном произведении характерны единичные контексты.

Принимая во внимание значительно больший объем романа «Как закалялась сталь», число диминутивов, в нем зафиксированных, по сравнению с повестью «Сын полка», не столь велико – всего 174 единиц. Среди них, помимо имен собственных *Павлушка, Шурочка, Володька, Сережка* и т.п., так же, как и в выше описанной повести В. П. Катаева, широко представлены названия лиц (*доченька, дочурка, девчурка, девонька, сестренка, жёнушка, сыночки, братишка, гражданочка, мещаночка, дедка, старичок, старушка, гимназистик* и т.д.). В тексте встречаются названия частей тела и волосяного покрова (*глазки, глазёнки, носик, язычок, ротик, головка, горлышко, ушко, ручки, косички* и т.д.), одежды и обуви и их частей (*шапочка, платочек, башмачки, туфельки*), сооружений и их частей (*избенка, церквушка, домик, домишко, окошки, подвальчики, крылечко* и т.д.), артефактов (*ножики, вилочки, гребешок, портретик* и т.д.), абстрактных сущностей (*словечко, часок, ночка, минутка* и т.д.). Список лексико-семантических групп диминутивов в анализируемом романе пополняют зоонимы (*собачки, лошадки, червячок*), названия растений, их частей и плодов (*стебелек, яблочко*), поселений (*городок, деревушка*), метеорологических явлений (*тучка, дождик, ветерок*), денежных единиц (*полтинничек, рублик*) и т.п. По своей частотности в романе доминируют две единицы: *мальчишка* и *городок* (25 и 41 употребление соответственно), к которым примыкают *братишка* (19), *ступенька* (17), *домик* (15 употреблений). Очевидно, что и в данном произведении подавляющее число диминутивов зафиксированы в единичных контекстах.

Таким образом, и в нашем исследовании на базе выбранных художественных произведений нашли подтверждение отмечаемые в научной литературе характерные для русского языка тенденции преимущественного использования диминутивов в речи, направленной на детскую аудиторию (чем и объясняется большее число диминутивов в повести В. П. Катаева по сравнению с романом Н. А. Островского), ведущая роль диминутивов в сфере названий лиц, неограниченность их сферы конкретными именами существительными и широкие возможности образования диминутивных форм от названий разных семантических классов.

Однако наиболее интересные данные дает нам картина перевода выявленных в русских текстах диминутивов на китайский язык.

Оставляя в стороне редко используемые пути, по которым следует переводчик в поиске адекватных средств передачи значений русских диминутивов (лексические эквиваленты 8 слова, называющие объекты маленького размера, синонимы, описательные обороты, фразеологические единицы [28]), подчеркнем главное, что отличает китайский перевод от оригинала, а именно: наиболее широко переводчики на китайский язык используют стратегию опущения диминутивности, сохраняя только значение исходного слова и тем самым референциальную отнесенность диминутива, полагая, по-видимому, что диминутивные значения легко реконструируются из контекста, в котором речь идет о детях или подростках, или же это значения, которые не влияют на общий смысл текста. Убедительным свидетельством доминирования

данной стратегии является то, что для подавляющего числа диминутивов в русском тексте (66,1 % в повести «Сын полка» и 76,27 % в романе «Как закалялась сталь») их китайские корреляты не несут уменьшительно-ласкательного значения и указывают лишь на обозначаемый русским диминутивом референт. Например: *табачок* → 烟 *yān* ‘табак’¹, *словечко* → 话 *huà* ‘слово’, *окопчик* → 塹壕 *qiànáo* ‘ров’, *шапочка* → 帽子 *màozi* ‘шапка’, *мешочек* → 袋子 *dàizi* ‘сумка’, *височки* → 鬓角 *bìnjiǎo* ‘висок’ и многие другие в повести «Сын полка»; *мальчонка* → 孩子 *háizi* ‘ребенок’, *сыночки*, *сын* → 孩子 *háizi* ‘ребенок’, *окошки* → 窗户 *chuānghù* ‘окно’, *гребешок* → 梳子 *shūzi* ‘расчёска’, *ножики* → 刀 *dāo* ‘нож’, *вилочки* → 叉 *chā* ‘вилка’, *домишко* → 家 *jiā* ‘дом’, *башмачки* → 鞋 *xié* ‘туфля’, *избёнка* → 矮草屋 *ǎicǎowū* ‘низкий соломенный дом’, *портретик* → 肖像 *xiàoxiàng* ‘портрет’, *дочка* → 女儿 *nǚ’ér* ‘дочь’, *гимназистушка* → 中学生 *zhōngxuéshēng* ‘ученик средней школы’, *жёнушка* → 老婆 *lǎopó* ‘жена’, *гражданочка* → 女公民 *nǚgōngmín* ‘гражданка’ и т.п. в романе «Как закалялась сталь».

Естественно, что в поиске адекватных средств выражения в китайском языке переводчики используют также средства выражения диминутивности, имеющиеся в системе китайского языка: 小 *xiǎo* ‘маленький’ с его неопределённым статусом префикса, полупрефикса или корневой морфемы и значением малого размера и юного, молодого возраста: *избушка (изба)* → 小木屋 *xiǎomùwū* ‘маленький деревянный дом’, *домик (дом)* → 小房子 *xiǎofángzi* ‘маленький дом’, *домик* → 小屋 *xiǎowū* ‘маленький дом’, *чашечка (чашка)* → 小茶杯 *xiǎochábéi* ‘маленькая чашка’, *карандашик (карандаш)* → 小铅笔 *xiǎoqīānbǐ* ‘маленький карандаш’, *кусочек (кусок)* → 小块 *xiǎokuài* ‘маленький кусок’, *платочек (платок)* → 小手帕 *xiǎoshǒupà* ‘маленький платок’, *ручейками (ручей)* → 小溪 *xiǎoxī* ‘маленький ручей’, *мостик* → 小桥 *xiǎoqiáo* ‘маленький мост’, *городок* → 小城 *xiǎochéng* ‘маленький город’, *лодочка* → 小船 *xiǎochuán* ‘маленькая лодка’, *парнишка* → 小伙子 *xiǎohuǒzi* ‘молодой парень’, *ребятки* → 小伙子 *xiǎohuǒjì* ‘друзья’ и т.п.

Еще одним способом выражения диминутивности при переводе с русского языка на китайский является прибавление к имени суффикса 儿 *er/r*, что и было использовано переводчиком в качестве эквивалентов следующих диминутивов: *чубчик* → 刘海儿 *liúhǎir* ‘чуб’, *чёлочка* → 刘海儿 *liúhǎir* ‘чёлка’, *дырочка* → 绳眼儿 *shéngyǎnr* ‘дыра’, *крышечка* → 烟嘴帽儿 *yānzuǐmàoer* ‘крышка’, *птички* → 鸟儿 *niǎor* ‘птицы’, *минутка* → 等一会儿 *děngyīhuìr* ‘подождать немножко’.

¹ Мы ограничиваемся только переводным эквивалентом, не приводя контекста, в котором слово употреблено, так как эмотивные значения, присущие диминутиву в оригинале, в тексте перевода выводятся чаще всего не из непосредственного окружения переводного эквивалента, а из общего эмоционального фона произведения.

Характерно для китайского языка и выражение диминутивности с помощью редупликации, используемой при переводе исследуемых произведений как в отдельности, так и в совокупности с префиксом 小 *xiǎo* ‘маленький’. Например: *сестрёнка* → 妹妹 *mèimèi* ‘младшая сестра’, *сестренка* → 姐姐 *jiějie* ‘старшая сестра’, *мамка* → 妈妈 *māma* ‘мама’, *дяденька* → 叔叔 *shūshū* ‘дядя’, *звёздочки* → 小星星 *xiǎoxīngxīng* ‘маленькая звезда’, *братишка* → 小弟弟 *xiǎodìdì* ‘маленький брат’ и т.п.

Однако, как явствует из количественных характеристик, приведенных на рис. 1 и 2, данные способы выражения диминутивности в переводах на китайский язык, из которых лидирующим является модификация смысла исходного существительного с помощью префикса (26,45 % и 18,07 % соответственно), представлены незначительно:

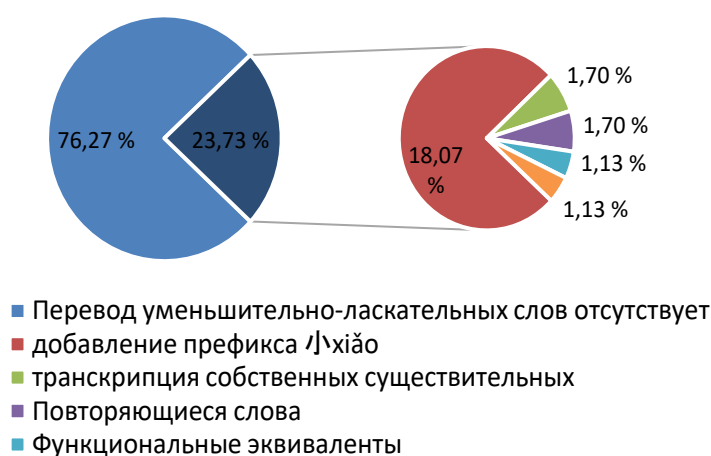

Рис. 1. Перевод диминутивных форм в русском тексте на китайский язык («Сын полка»)

Рис. 2. Перевод диминутивных форм в русском тексте на китайский язык («Как закалялась сталь»)

Таким образом, становится очевидным, что серьезные различия в системах репрезентации диминутивности в разноструктурных языках предопределяют значительные трудности при передаче уменьшительности и синкретично связанных с нею эмотивных значений русских диминутивов на китайский язык и делают задачу сохранения эмоционального фона русскоязычного произведения, обусловленного употреблением диминутивов, трудно выполнимой. Ими продиктовано применение переводчиками стратегии опущения данных значений при указании исходного для диминутивной формы имени существительного в переводном тексте как главного способа перевода диминутивных форм и опоры на контекст, в котором благодаря окружению и ситуации передаваемые в тексте диминутивные значения все же в какой-то степени сохраняются. Это не может не влиять на передачу эмоционального фона произведения, точнее, на снижение градуса эмоциональности в тексте перевода по сравнению с оригиналом.

Налицо также общность переводческих стратегий при переводе диминутивов русского языка как на славянские (болгарский, сербский), германские (английский), так и не имеющие родственных корней и далеко отстоящие в плане структурных характеристик китайский и финский языки. Это позволяет предположить, что причина непереводаемости диминутивов кроется не только в асимметрии репертуара и разнотипности средств выражения диминутивности, а также различиях языковых культур, но, что главное, многообразии оценочных значений, присущих категории диминутивности в русском языке и находящих выражение в других языках за ее пределами с помощью иных языковых средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фуфаева, И.* Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными (на материале русского языка) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. Фуфаева. – М., 2017. – 258 л.
2. *Воейкова, М. Д.* Структурные функции диминутивов в современном русском языке и продуктивность их употребления / М. Д. Воейкова // Вопросы языкознания. – 2020. – № 5. – С. 38–56.
3. *Быбина, З. И.* Категория диминутивности в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / З. И. Быбина ; МГПИИЯ. – Минск, 1978. – 20 с.
4. *Шедогубова, С. В.* Структурно-семантический и прагматический аспекты категории диминутивности в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / С. В. Шедогубова ; ВГПУ. – Воронеж, 2004. – 18 с.
5. *Исакова, С. Ш.* Средства выражения категории диминутивности в английском и русском языках: на материале английской и русской художественной прозы XIX–XX веков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / С. Ш. Исакова. – Махачкала, 2006. – 190 л.

6. *Буряковская, А. А.* Диминутивность в английской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. А. Буряковская. – Тула, 2008. – 154 л.
7. *Резниченко, Л. Ю.* Прагматика диминутивности в английском и немецком языках : дис. ... канд. филол. наук : 10. 02.04 / Л. Ю. Резниченко. – СПб., 2001. – 176 л.
8. *Либерт, Е. А.* Типология суффиксальных диминутивных моделей в западно-германских языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. А. Либерт ; Ин-т филологии Сиб. отд-ния РАН (ИФЛ СО РАН). – Новосибирск, 2012. – 21 с.
9. *Слабко, Ю. В.* Общие и отличительные черты функционирования диминутивности в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ю. В. Слабко. – Екатеринбург, 2016. – 191 л.
10. *Хилтунен, М.* Передача значений оценочных суффиксов при переводе с русского на финский (на материале художественных текстов) : дипломная работа / М. Хилтунен. – Ун-т г. Тампере, 2009. – 118 л.
11. *Долозова, О. Н.* Формальные и функционально-семантические особенности категории диминутивности: на материале ительменского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О. Н. Долозова. – СПб., 2007. – 168 л.
12. *Менькова, Н. В.* Диминутивы как средство языковой игры / Н. В. Менькова // Ярослав. пед. вестн. Гуманит. науки. – 2014. – Том 1, № 3. – С. 152–157.
13. *Менькова, Н. В.* Диминутивы как речевая неудача / Н. В. Менькова // Верхневолж. филол. вестн. – 2018. – № 4 (15). – С. 127–136.
14. *Kazakovskaya, V. V.* Child nominal derivation and parental input: evidence from morphology-rich Russian / V. V. Kazakovskaya // Intern. Journal of Cognitive Research in Sci., Engineering and Education (IJCRSEE). – 2019. – 7(1). – P. 121–129.
15. *Лескина, С. В.* Представленность разноуровневых диминутивов в русском и английском языке / С. В. Лескина, Ю. В. Слабко // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. – 2015. – Т. 12, № 1. – С. 15–21.
16. *Васева, И.* Умалительность, экспресивность, эмоциональность / И. Васева. – София : Авангард Прима, 2006. – 202 с.
17. *Козловская, Т. Л.* Хочу сказать о языке сахарном, сладеньком, сусальном / Т. Л. Козловская // Рус. речь. – 1992. – № 3. – С. 55–57.
18. *Bagasheva-Koleva, M. S.* On the category of diminutiveness in English, Russian and Bulgarian / M. S. Bagasheva-Koleva // Proc. of the IInd Intern. Sci. and Practical Conf. “The goals of the World Science 2016 (Jan. 27–28, 2016, Dubai, UAE)”. – № 2(6), vol. 4. – P. 7–10.
19. *Голушин, И.* Диминутив как способ выражения эмотивности в русском и сербском языках (на материале романа М. Шишкина «Письмовник» и его перевода на сербский язык) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / И. Голушин. – Екатеринбург, 2021. – 203 л.
20. *Колосов, С. А.* К вопросу о категории диминутивности в переводе с русского языка на английский / С. А. Колосов // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2017. – № 4. – С. 197–203.

21. *Фетисова, Н. А.* Передача в переводе иронии, реализованной при помощи диминутивов (на материале рассказов Т. Толстой и их переводов на английский язык) / Н. А. Фетисова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 4. – С. 173–179.
22. *Нестерова, Н. М.* Аффиксальные эмотивы в сказах П. Бажова и их перевод / Н. М. Нестерова, Е. А. Аристова, О. В. Протопопова // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. – 2019. – Т. 11, вып. 3. – С. 57–70.
23. *Ostrovsky, N.* How the Steel Was Tempered : in 2 vol. / N. Ostrovsky ; R. Prokofieva (transl.). – Moskow : Foreign Languages Publ. House, 1952. – 312 p.
24. *Катаев, В. П.* Сын полка [Электронный ресурс] / В. П. Катаев. – Режим доступа : <https://traumlibrary.ru/book/kataev-syn-polka/kataev-syn-polka.html#toc>. – Дата доступа : 01.06.2022.
25. *Островский, Н. А.* Как закалялась сталь [Электронный ресурс] / Н. А. Островский. – Режим доступа : <https://mybook.ru/author/nikolaj-alekseevich-ostrovskij/kak-zakalyalas-stal>. – Дата доступа : 01.06.2022.
26. 卡达耶夫。团的儿子 (译者:何丽娟) / 卡达耶夫. – 湖南:湖南少年儿童出版社, 2013. – 261 页
27. 奥斯特洛夫斯基. 钢铁是怎样炼成的 (译者: 曹纘西, 王志棣) / 奥斯特洛夫斯基. – 江苏: 译林出版社, 2018. – 410 页。
28. *Ян, Ли.* Диминутивы в русском языке и их английские и китайские корреляты : дис. ... магистра филол. наук : 1-21 80 24 / Ли Ян. – Минск, 2022. – 68 л.

Поступила в редакцию 15.08.2022

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 811.161.3'373.46+821.161.3«19/20»

Барысюк Таццяна Пятроўна

навуковы супрацоўнік

Цэнтра даследаванняў беларускай культуры,

мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі

наук Беларусі

г. Мінск, Беларусь

Tatsiana Barysiuk

researcher

Center for Research of Culture,

Language and Literature of the National

Academy of Sciences of Belarus

Minsk, Belarus

btp@tut.by

ФУНКЦЫІ АНГЛІЦЫЗМАЎ У СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ПАЭЗІІ

FUNCTIONS OF ANGLICISMS IN CONTEMPORARY
BELARUSIAN POETRY

Артыкул прысвечаны выяўленню функцый англіцызмаў у сучаснай беларускай паэзіі на матэрыяле вершаў вядомых аўтараў: Уладзіміра Арлова, Андрэя Хадановіча і Таццяны Сівец. Знойдзены наступныя функцыі: у якасці алюзій на іншаземныя рэаліі і творы мастацтва, у якасці экзатычнай рыфмы і для гумарыстычнага эфекту.

К л ю ч а в ы я с л о в ы : *паэзія; сістэма вершаскладання; англіцызм.*

The article is devoted to revealing the functions of anglicisms in contemporary Belarusian poetry on the basis of poems by famous authors: Uladzimir Arlou, Andrei Khadanovich and Tatsiana Sivets. The following functions of anglicisms are identified: as allusions to foreign realities and works of art, as an exotic rhyme and for a humorous effect.

K e y w o r d s : *poetry; verse composition system; anglicism.*

У айчынным літаратуразнаўстве актуальным застаецца вывучэнне мовы мастацкіх твораў. Акрамя таго, у сувязі з глабалізацыяй і дыялогам культур адбываецца відавочны ўплыў англійскай мовы як інтэрнацыянальнага сродку зносін паміж людзьмі на свядомасць сучаснікаў, якія ўжываюць англіцызмы і ў паўсядзённым маўленні, і ў паэтычных тэкстах. Навізна нашай працы заключаецца ў тым, што ў айчынным літаратуразнаўстве не аналізаваліся англіцызмы ў творах згаданых аўтараў. Вядома, што беларуская і англійская сістэмы вершаскладання, якія ўлічваюць асаблівасці моўнага фактару, маюць пэўныя адрозненні. У сувязі з гэтым мы звернем увагу на агульныя рысы сыходжанняў і разыходжанняў згаданых нацыянальных паэтык у вершаскладанні. Гэта пытанне даследуе С. А. Скамарохава ў артыкуле “Літаратурныя сістэмы і традыцыі ў беларуска-англійскім і англа-беларускім паэтычным перакладзе”. Яна, супастаўляючы дзве сістэмы вершаскладання, у тым ліку на прыкладзе прац даследчыкаў у гэтых сферах, робіць выснову, што ў англійскай і беларускай паэзіі “рытмічная схема найчасцей заснавана на камбінацыі націску і колькасці складоў” і сцвярджае, што “большасць

англійскіх даследчыкаў схільныя лічыць асноўнымі дзве сістэмы вершаскладання: танічную (*accentual*) і сілаба-танічную (*accentual-syllabic*)” [1, с. 272–273]. Беларускі філолаг акцэнтуюе ўвагу на тым, што “функцыі, падобныя да тых, якія выконвае танічнае вершаскладанне ў англійскай літаратуры, у беларускай паэзіі належыць долёніку” [1, с. 273]. Асноўныя вершаваныя памеры С. А. Скамарохава прыводзіць, спасылаючыся на Дж. Н. Ліча, – ямб, харэй, анапест, дактыль [1, с. 274]. Яны актуальныя і для сучаснай беларускай паэзіі, якая мае яшчэ амфібрахій. Што датычыцца рыфмы, дададзім, што ў XX–XXI стст. яна з’яўляецца неабавязковым элементам для брытанскай паэзіі і захоўваецца ў жартаўлівых творах кшталту лімэрыкаў, у той час як сучасная беларуская паэзія ў асноўным яе выкарыстоўвае, тым не менш аддаючы пашану і беламу вершу. С. А. Скамарохава піша пра магчымасць захаваць жаночую і мужчынскую рыфму ў перакладах на англійскую мову [1, с. 279]. Што датычыцца характарыстык моў у цэлым, то “нягледзячы на прыналежнасць да адной індаеўрапейскай групы, англійская і беларуская мовы ўваходзяць у яе розныя падгрупы (германская і славянская адпаведна) і маюць розную структуру (аналітычная і сінтэтычная). Менавіта флектыўнасць беларускай мовы, – сцвярджае даследчыца, – дае больш магчымасцей для рыфмы, тым самым спрыяючы захаванню традыцыйнага сілаба-танічнага вершаскладання ў параўнанні з заняпадам рыфмы ў аналітычнай англійскай” [1, с. 280]. С. А. Скамарохава таксама даводзіць, што не супадаюць і сярэднія колькасць складоў у словах (беларускія значна даўжэйшыя), сістэма націску, асноўны інтанацыйны малюнак [1, с. 280].

Функцыі англіцызмаў у сучаснай беларускай паэзіі мы прадэманструем на прыкладзе мастацкіх тэкстаў яскравых творчых індывідуальнасцей – Уладзіміра Арлова, Андрэя Хадановіча і Таццяны Сівец. Чаму мы звярнулі ўвагу на гэтых аўтараў?

На Уладзіміра Арлова – найперш з-за яго вобразаў Вялікабрытаніі і брытанцаў. У кнізе “Фаўна сноў” (1995) У. Арлоў некалькі вершаў прысвячае асэнсаванню рэчаіснасці Брытаніі, па прасторах якой ён вандраваў. Калі меркаваць па датах, згаданых у вершах, гэта былі 1994–1995-я гг. (“Бібліятэка імя Скарыны ў Лондане”, “Раніца 29 сакавіка 1994 г.”, “1 красавіка 1995 г.”). У вершы “Паром праз Ла-Манш” лірычны герой звяртаецца да каханай з настроем шкадавання, што яе няма побач і няма з кім паразмаўляць па-беларуску. Некаторыя словы і геаграфічныя назвы паэт дае па-англійску (*ferry, boat-ship, Ramsgate, Golden Road, Trafalgar Square*), відаць, каб перадаць псіхаметальны і геаграфічны каларыт Брытаніі. Лірычны герой верша У. Арлова апісвае, што адбывалася на караблі падчас марскога круізу, як выглядаў марскі пейзаж, распавядае гісторыі, звязаныя з касіркай-біляцёркай Ленай (а лірычны герой усё роўна захоўвае вернасць сваёй абранніцы), з мытнікам з *шэкспіраўскім імем Рычард*. Распавядае пра цяжкасці адаптацыі да левабаковага транспартнага руху, пра ўкус брытанскім сабакам невядомай пароды. Лірычны герой, вельмі набліжаны да аўтара,

выдае дэталі свайго партрэта, кажучы, што мытнік Рычард прыме яго ...*(відаць, дзякуючы рудой барадзе)* / *за хлапца з Ірландскай рэспубліканскай Арміі* [2, с. 6]. Верш насычаны зялёнымі колерамі: гэта колер вачэй біляцёркі Лены, зялёныя швэдар і аўра лірычнага героя, гэта колер Англіі – такой яна здаецца гэтаму назіральніку. З элементаў “тугі па радзіме” ў лірычнага героя можна назваць адсутнасць магчымасці размаўляць на роднай мове – на адзін верш пра гэта згадваецца двойчы. Трэба сказаць, калі засяродзіцца на каларонімах, што зялёны ўласцівы і беларускай, і брытанскай мастацкай культуры, што адсылае нас да вялікай яго прысутнасці ў нашых пейзажах вясенне-летняга часу.

Лірычны герой верша “*Déjà vu*” У. Арлова пералічвае абліччы сваіх расчараванняў. Адно з іх, нагадваючы чытачам пра брытанскія рэаліі, увасоблена ў вобразе *цнатлівай ночы з “Beatles”, / якія ў сне / сыграюць развітальнае “Let It Be”...* [2, с. 44]. Такім чынам, гэты паэтычны вобраз расчаравання мае ў аўтара музычнае адценне. Легендарны музычны гурт паэт згадвае і ў вершы “Памяць”, акцэнтуючы ўвагу на тым, што гэтыя мелодыі ў яго любімыя. Беларускія рэаліі верша “Вяртанне ў Менск” (згадка пра магілы бацькоў паэта, Бельчыцы з рэзідэнцыяй полацкіх князёў, Лепельскае возера з яго легендарным цмокам, Белавежскую пушчу з яе зубрамі, абалонь Бярэзіны са стажкамі, бярэзнікі з *бэзавай* зданню *вясны, / з якой душа хацела б правесці / ўік-энд* [2, с. 46] пасярэдзіне перабіваюцца (захапіўшыся за згаданы папярэдне англіцызм) успамінам аўтара пра нядаўна дачытаныя ім ...*каментарыі / да вясемнаццатага эпизоду / “Уліса”...* [2, с. 46]. У. Арлоў згадвае Молі Блум, яе “сонную свядомасць” ў адзінаццатай гадзіне вечара і выказвае здагадку, што ірландскі прэзідэнт Джэймс Джойс за поспех свайго “Уліса” заплаціў ...*душэўнай хваробай / дачкі...* [2, с. 46]. Пасля аўтар зноў думае пра беларускія рэаліі, дзе шмат значаць словы сястры, магіла сябра, які ...*памёр, чытаючы Караткевіча...* [2, с. 47], лагойскія, а пасля мінскія краявіды, напоўненыя эратычнымі ўяўленнямі аб каханай. Складаецца ўражанне, што пейзажная навакольная рэчаіснасць і душэўна-ментальны свет лірычнага героя пранікаюць адно ў адно, утвараючы поўную містычных асацыяцый прастору ўзаемных перасячэнняў.

З брытанскіх рэалій у вершы “Раніца 29 сакавіка 1994 г.” У. Арлова згадваюцца *гарбата з малаком, пітво, / якое, кажуць, ганараваў / яго зямляк Роберт Бёрнс* (калі меркаваць па вершы “Джон Ячменнае Зерне” шатландскага паэта, то гэта піва або віскі), навіны з газеты The Guardian, якая выходзіць у Лондане, і садовыя вавёркі, якія падбягаюць да стала, каб паласавацца чалавечай ежай. У вершы “У Англіі” У. Арлоў выразна супрацьпастаўляе “чужое”, якое не мае негатыўных псіхалагічных адценняў, і “сваё”, у якім адмоўным з’яўляецца хіба што пашыраная на беларускіх землях рускамоўнасць, як, у прыватнасці, з вуснаў беларускага памежніка *здрав-стуйте* пры вяртанні лірычнага героя на радзіму. Як і ў вышэйзгаданым вершы “Паром праз Ла-Манш”, апісваюцца асаблівасці Англіі (у гэтым вершы – каралева і ветлівыя палісмэны, вавёркі і лісіцы, магноліі і суніцы,

галубы на Трафальгарскім пляцы, ірландскі лікёр, белыя скалы горада-порта Дуўра) – і супрацьстаўляецца ўсё гэта суму лірычнага героя па каханай, якая засталася ў Беларусі. Аўтар верша лічыць вельмі добрай, можна сказаць, міжнацыянальнай, рыфму *Ла-Мани* – *наш*, бо і на чужыне сапраўдны патрыёт не можа не марыць аб “сваім”, аб родным. У гэтым вершы падкрэсліваецца ветлівасць і чыстаплотнасць англічан, іх любоў да роднай мовы, дзякуючы чаму ім, відаць, не спатрэбілася арганізоўваць сваё *Таварыства англійскай мовы / імя Ўільяма Шэкспіра* [3].

У вершы У. Арлова “Оксфард” згадваюцца “Бадлейнская бібліятэка” гэтага ўніверсітэта, якой аўтар падарыў дзве свае кнігі пра Полацк, піўніца White Horse, у якую заходзілі студэнты пасля лекцый, дух Льюіса Кэрала ў галерэях Крайстчорч-каледжа, *вохрыстая лісіца ў заснежаных лугах* [4, с. 86]. Выразна англійскімі з’яўляюцца і наступныя геаграфічныя вобразы: *Лондан / вынырне з завірухі / мокрай няўтульнасцю / дыкенсаўскіх паралелепіпедаў. / Тэмза / разам з душою / будзе перажываць / перыяд адліву...* [4, с. 86]. Заканчваецца твор “ангельскамоўным сном” лірычнага героя пра тое, як ён, гувернёр, вучыў малалетняга лорда правілам вымаўлення “Ў”. У гэтым вершы ў анейрычным уяўленні лірычнага героя спалучаюцца дзве мовы – англійская мова сну і беларуская – якой вучаць персанажа са сну. У сваёй працы “Сон у беларускай і польскай паэзіі 80–90-х гг. XX ст.” мы разглядалі гэты верш як ілюстрацыю да адной з тэматычных разнавіднасцей мастацкіх (паэтычных) сноў – “сноў на іншай мове” [5, с. 354]. Мяркуем, што літара “Ў” для У. Арлова ўвасабляе знак сапраўднай беларушчыны, з’яўляецца сродкам выяўлення адметнасці беларускага алфавіту і правапісу. Менавіта ў гонар “Ў” у 2003 г. ў Полацку, адкуль У. Арлоў родам, быў устаноўлены помнік.

Асобна трэба сказаць пра Лонданскі тэкст культуры ў творчасці гэтага аўтара. У вершы “Бібліятэка імя Скарыны ў Лондане” лірычны герой глядзіць на кнігі, што былі выдадзены да XVIII ст., уяўляе вядомых гістарычных асоб (каралеву Бону, князя Альгерда, Скіргайлу, Свідрыгайлу, Вітаўта) і чым яны займаюцца. Бачыць том *...над даўжэзнай барокавай назваю / Собрание припадков краткое... etc., / адзіную кнігу, / выдрукаваную па-беларуску / за ўсё доўгае XVIII стагоддзе* [6, с. 20]. (Мы маглі б усумніцца, што той том быў па-беларуску – бо назва ж прыводзіцца аўтарам па-руску!) Завяршае аўтар свой верш на містычнай ноч: лірычны герой адчувае ўздзеянне часавых метамарфозаў, *...у выніку чаго / твой 1994-ты можа апынуцца дзе-небудзь / паміж Вялікай Французскай рэвалюцыяй / і Луі Філіпам...* [6, с. 20]. Але ён пазнае сябе ў люстэрку кніжнай вітрыны і суцяшаецца тым, *...што змены / яшчэ не зрабіліся незваротнымі...* [6, с. 20], што ён застаўся сабой і ўсё ў парадку. Так што гэты верш – не столькі рэальнае, колькі ўяўленае ў містычным ключы апісанне лонданскай Скарынаўскай бібліятэкі. У вершы “Брытанскі музей” У. Арлова паралельна суіснуюць дзве рэальнасці: размова яго лірычнага героя ў *антычным аддзеле... з імператарам Веспасіянам (9–79 гады нашай эры)* [6, с. 42]

(дакладней, з яго статуяй? – Т. Б.) – і ўяўленая лірычным героем сітуацыя, як яго каханая на сваіх беларускіх землях згаджаецца на спатканне з іншым мужчынам, тым самым здраджваючы лірычнаму герою. Заканчваецца верш прыродаапісальным і сюжэтным супрацьпастаўленнем дзвюх рэальнасцей – брытанскай і беларускай: *У Лондане цвітуць вішні. / У Менску падае дождж. / Уліс праплывае паўз выспу сірэнаў* [6, с. 43]. Прычым Уліс згадваецца невыпадкава. Верагодна, гэты вобраз можна ўспрымаць не толькі як персанажа з твора Дж. Джойса і іншых аўтараў ці яго прататыпа Адысея са старажытнагрэчаскай міфалогіі, а як архетып вандроўніка, які спасцігае свет і сябе ў ім, – падтэкстава, відаць, аўтар “прымярае” гэты вобраз на сябе.

Відавочным дасягненнем наступнага аўтара – А. Хадановіча – было тое, што ён першым перанёс лімэрык з ірландскай паэзіі на беларускую глебу. У такіх творах звычайна апісваецца гумарыстычная сітуацыя, у якую трапляе герой пэўнай мясцовасці і якая пазначаецца ў першым жа радку. Зборнік “Землякі, альбо Беларускія лімэрыкі” А. Хадановіча складаецца з частак, якія маркіруюць вобласці Беларусі (“Берасцейшчына”, “Віцебшчына”, “Гарадзеншчына”, “Гомельшчына”, “Магілёўшчына”, “Меншчына”) і ўласна сталіцу (“Менскія лімэрыкі”). У такой грунтоўнай падачы кнігу можна ўяўляць энцыклапедыяй нораваў суайчыннікаў. Але, паколькі тут мы маем справу з эстэтычнай гульнёй, вобразы беларусаў паказаны з абсурдным светаўспрыманням. У некаторых творах угадваюцца, як нам падаецца, асобы рэальна існуючыя (“вершатворца з Давыд-Гарадка”, “падрывальнік мастоў з-пад Мастоў” і інш.), інтарэсы іншых асоб суадносяцца з назвай мясцовасці (для рыфмы ці па асацыяцыі), з чаго высноўваецца анекдатычная сітуацыя. У выніку ў кнізе аўтар выкарыстоўвае прыныцы эстэтычнай гульні з рознымі характарамі, што адпавядае паэтыцы лімэрыка як цвёрдай формы верша, якая патрабуе абсурдна-парадаксальнага зместу. Ёсць і чорны гумар, які таксама бывае ўласцівы лімэрыку: *Тры сястры-камікадзэ з Расонаў / з даху скочылі без парасонаў. / З’ехаў дах з галавы!.. / Іх цяпер ад травы / аддзірае касільнік газонаў* [7, с. 45]. Аўтар часам смяецца з лагічна-зразумелай сітуацыі (*Дэгустатар напояў зь Бярозы / не прыходзіць да жонкі цьвярозы* [7, с. 12]), часам – з абсурднай (*Улюбёнец жанчын з Баравухі / быў гарбаты, рабы, віславухі, / кірпаносы, крывы / і суцэльна сівы / ад сардэчных турбот і сівухі* [7, с. 31]). Беларусы з хадановічаўскіх лімэрыкаў, нягледзячы на свае недахопы, могуць быць сімпатычнымі. Такім з’яўляецца, напрыклад, жабрак, які любіць наш гістарычны герб і таму не квапіцца на вялікія купюры: *Патрыёт-пабіраха з Сморгоні / ў знак пратэсту жабруе ў вагоне / і сьвядома бярэ / толькі дробныя “рэ”:* на буйных не малююць “Пагоні”! [7, с. 72]. Гэтая кніга зместам і пафасам нагадала нам “Габраўскія ўсмешкі”, з паказам недарэчных сітуацый, у якія траплялі дасціпныя балгары, а яшчэ гумар аўцюкоўцаў. Такім чынам, кнігу можна лічыць гумарыстычным, “лімэрыкаўскім” увасабленнем беларускай ментальнасці ў сучаснай паэзіі. У артыкуле “Лімэрыкі Андрэя Хадановіча” І. С. Скарапанавы ставіць гэтыя творы ў адзін шэраг са “страшылкамі” В. Жыбуля, чорным гумарам В. Бурлак,

“пацанскімі” прымітывамі С. Прылуцкага як спосабамі выяўлення абсурднай рэчаіснасці ў чалавечай свядомасці. Даследчыца падкрэслівае асноўныя выкарыстання А. Хадановічам прыёмы: “гульня са словам, Яго гучаннем і значэннем” і “контрабсурдовы карнавал” [8, с. 69, 75, 76].

Лірычная гераіня Таццяны Сівец з яе кнігі “Разняволенасць” (2013) адчувае невыносныя пакуты ад расстання з каханым, з якім яна хацела быць шчаслівай, мець у будучыні дзяцей, якому давярала, як самаму блізкаму чалавеку. У такіх творах лірычная гераіня пераходзіць ад стану ідэалізацыі (зачараванасці) да абясцэньвання (расчаравання), праходзячы шмат адценняў роспачы і болю. Напрыклад: *Калі ты не кахаеш, то можаш ужо не вяртацца! / Ні з Канады, ні з Бірмы (ці што там бывае далей?)! / Я чакала цябе, як і раніцы неандэртальцы / Не чакалі даўней, баючыся навечна скалець! / Я вучылася лётаць, наверыўшы зноў Каперфільду: / Бы ў дзяцінстве з канапы, я ўчора скакала з акна. / Я сыходзіла ў сны, над дзвярыма прыладзіўшы шылду: / “Калі ты не... Змані! І дазволь мне шчаслівай сканаць!” / Я прызначыла вечар (найлепшы для сэрцаспалення!), / Адаслала табе запрашальнік на аўтадафэ. / “Дровы можна з сабой, калі ты інквізітар сумленны...” / Я запальваю цэру... Няхай пачынаецца фэст!.. / Уваскрэсне намерлы (жывому – цяжэй, відавочна), / За свабоду тваю я загінула ў гэтай вайне... / Ну, няўжо табе цяжка?! Вярнуцца. Прамовіць у вочы, / Што зусім не... Зусім не... Зусім. Не. Кахаеш. Мяне [9, с. 9–10].*

Вернемся да англіцызмаў. Давайце прасочым, спачатку у тэорыі, якія функцыі найчасцей яны выконваюць ва ўсходнеславянскіх тэкстах. Лінгвіст А. В. Ларыёнава называе сярод іх: выкарыстанне ў якасці “эмацыянальна афарбаваных слоў”, напрыклад, для станоўчай ці адмоўнай ацэнкі апісваемай сітуацыі; ілюстраванне “сітуацыі моўнай адчужанасці персанажа ў іншым моўным асяроддзі”; “з характаралагічнымі мэтамі”; “сłużаць знакамі іншай сацыяльнай рэчаіснасці” [10, с. 9]. А. Ю. Раманаў вылучае наступныя стылістычныя функцыі англіцызмаў: станоўчая ацэнка слова, звязаная з адчуваннем яго іншаземнага паходжання; стварэнне мясцовага каларыту; як сродак сацыяльнай і маўленчай характарыстыкі персанажа, як элемент моўнай гульні; у функцыі эўфемізма [11, с. 111–112]. Лінгвіст В. Ю. Марцінэк называе яшчэ функцыю імкнення да экспрэсіўнасці [12, с. 10]. А. Хоміч пералічвае наступныя функцыі англіцызмаў: “экспрэсіўная, эматыўная, атрактыўная, гумарыстычная, гульнявая, камічная, адукацыйная” [13, с. 81].

У тэкстах сучасных беларускіх паэтаў мы знайшлі наступныя функцыі ўжытых там англіцызмаў:

Алюзіі на іншаземныя рэаліі і творы мастацтва:

- *Yesterday* [14, с. 99] (У. Арлоў, “Закаханыя глуханымыя”). Гэта назва адной з песень сусветнавядомага музычнага гурта The Beatles, якую аўтар лічыць адной з самых прыемных для ўспрымання зачараванымі адно адным мужчынам і жанчынай.

- *It's all the same / only the names have changed...* [15, с. 10] (У. Арлоў, “It's all the same...”). Словы з песні Бон Джові, якія сімвалізуюць паўтор-

насць сітуацый у будучым з іншымі людзьмі. Пра гэта сведчыць і назва зборніка У. Арлова “усё па-ранейшаму толькі імёны змяніліся” (2009). Такая выснова зроблена паводле назірання лірычнага героя за пасажырамі метро: дзвюма парамі закаханых, былым паэтам з пляшкай у кішэні, маладой мамай з немаўлёнкам і хлопцам з плэерам. Лірычны герой уявіў, што і праз 75 гадоў у тым самым метро ён пабачыць тую самую карціну.

- *All that jazz* [16, с. 3] (Т. Сівец, “Гэй, новапрызнаныя!..”). Гэта назва фільма (ЗША, 1979, рэж. Боб Фосі) і песні, напісанай кампазітарам Дж. Кандэрам на словы Ф. Эба для мюзікла “Чыкага”, пастаўленага Б. Фосам у 1975 г. ў брадвейскім 46th Street Theatre [17]. Афарызм з фільма пра галоўнага героя-працаголіка цалкам гучыць так: “Вся эта работа. Весь этот блеск. Вся эта боль. Вся эта любовь. Весь этот безумный ритм. И все такое прочее” [18]. У вершы Т. Сівец фраза *all that jazz* набывае наступны сямантычны перанос: гэта ўсе разнастайныя справы і падзеі, якія адбываюцца ў жыцці паэтаў-пачаткоўцаў у іх марным імкненні праславіцца ў сітуацыі, калі паэтаў шмат, а чытачоў мала.

- *Калі я танчу над “Wish you were here...”* [19, с. 30] (Т. Сівец, “Ім здаецца, сонейка, гэта надзвычай лёгка...”). “Wish you were here...” (“Шкада, што цябе тут няма...”) – альбом і аднайменная песня англійскага рок-гурта Pink Floyd. Лірычная гераіня паэтэсы нібыта ў адпаведнасці са згаданай песняй гаворыць аб тым, як цяжка забыць каханага чалавека, калі ён вырашыў з ёй расстацца.

- *Action! Episode 801/11* – назва верша Т. Сівец. Гэта фраза – падобная да той, што прамаўляюць перад тым, як здымаць чарговы кадр для замежнага кіно. Лірычная гераіня верша ўяўляе, як пра яе ўзаемаадносіны з каханым здымаюць фільм.

- *Наліце мне сонца гарачага ў ранішні “tea”!* [19, с. 8] (Т. Сівец, “У голлі маім летуценна спявае лагода...”). Свайго суразмоўцу лірычная гераіня называе *мой Лёрд* [19, с. 9]. Ведаючы, што Т. Сівец пісала артыкулы пра Д. Г. Байрана, мяркуем, што лірычны адрасат/суразмоўца – ён. *Tea* можна ўспрымаць як спробу паэтэсы пры дапамозе гэтага англійскага слова стварыць у вершы лексічны каларыт Вялікабрытаніі, ураджэнцам якой і з’яўляўся гэты вялікі паэт-рамантык.

- *Let It Snow* – назва верша А. Хадановіча, алузія на славетную калядную песню Ф. Сінатры.

- Некаторыя словы і геаграфічныя назвы У. Арлоў дае па-англійску (*ferry, boat-ship, Ramsgate, Golden Road, Trafalgar Square*), каб перадаць псіхаментальны і геаграфічны каларыт Брытаніі (верш “Паром праз Ла-Манш”).

- *The Beatles* і іх песня *Let It Be* (верш “Déjà vu” У. Арлова).

- Газета *The Guardian*, якая выходзіць у Лондане (верш “Раніца 29 сакавіка 1994 г.” У. Арлова), піўніца *White Horse*, у якую заходзілі студэнты пасля лекцый (верш “Оксфард” У. Арлова).

У якасці экзатычнай рыфмы:

• *Наліце мне сонца гарачага ў ранішні “tea”!* [19, с. 8] (Т. Сівец, “У голлі маім летуценна спявае лагода...”). *Tea* ўжываецца як рыфма да слова *пайсці*.

• *...ёй бы ўсё адмяніць, вярнуцца – зрабіць “back up”!* [19, с. 57] (Т. Сівец, “Вершы пра Волю”). Гэты англіцызм выкарыстаны як рыфма да слоў *наракаць, рука, званка, пінжака*. Ён нясе важную семантычную нагрузку: выяўляе загнанасць лірычнай гераіні, перажывай шматлікія выпрабаванні лёсу, яе жаданне вярнуць назад з мінулага хоць штосьці добрае. Гэты англіцызм у вершы невыпадковы, бо яна “...вучыць чужую мову ўдваіх са слоўнікам...” [19, с. 57].

Для гумарыстычнага эфекту:

“Good porning! ды іншыя антырымы” Андрэя Хадановіча.

Такім чынам, у сучасных беларускіх паэтаў мы бачым цікавасць да брытанскай культуры, прыроды і людзей. Гэтым тлумачыцца іх імкненне ўжываць у тэкстах англіцызмы, якія выкарыстоўваюцца як алузіі на інша-земныя рэаліі і творы мастацтва, у якасці экзатычнай рыфмы і для гумарыстычнага эфекту. Такія тэндэнцыі да ўкаранення англіцызмаў у беларускую паэзію абумоўлены патрабаваннямі часу, развіццём навукова-тэхнічнага прагрэсу, міжкультурнай і міжмоўнай глабалізацыяй, а таксама індывідуальнымі творчымі задачамі пісьменнікаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Скамарохава, С. А. Літаратурныя сістэмы і традыцыі ў беларуска-англійскім і англа-беларускім паэтычным перакладзе / С. А. Скамарохава // Сучаснае беларускае літаратуразнаўства : сістэма каштоўнасцей і прыярытэтаў ; навук. рэд. В. А. Максімовіч. – Мінск : Беларуская навука, 2006. – С. 269–289.
2. Арлоў, У. Фаўна сноў: вершы / У. Арлоў. – Мінск : Маст. літ., 1995. – 96 с.
3. Арлоў, У. У Англіі: верш [Электронны рэсурс] / У. Арлоў. – Рэжым доступу : <http://arlou.by/tvory/parom-praz-la-manche/u-anglii.htm>. – Дата доступу : 02.02.2017.
4. Арлоў, У. Фаўна сноў: вершы / У. Арлоў. – Мінск : Маст. літ., 1995. – 96 с.
5. Барысюк, Т. П. Сон у беларускай і польскай паэзіі 80–90-х гадоў XX ст. / Т. П. Барысюк // Беларуская літаратура ў кантэксце славянскіх літаратур XIX–XX стст. – Мінск : Беларуская навука, 2006. – С. 336–374.
6. Арлоў, У. Фаўна сноў: вершы / У. Арлоў. – Мінск : Маст. літ., 1995. – 96 с.
7. Хадановіч, А. Землякі, альбо Беларускія лімэрыкі / А. Хадановіч. – Менск : Логвінаў, 2005. – 156 с.
8. Скарапанав, І. С. Лімэрыкі Андрэя Хадановіча / І. С. Скарапанав // Чтенье: рецепция и интерпретация: сб. науч. ст.: в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: Т.Е. Автухович (отв. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2011. – Ч. 2. – 446 с. – С. 69–76.

9. *Сівец, Т.* Разняволенасць: вершы, пераклады, паэма / Т. Сівец. – Мінск : Звязда, 2016. – 160 с.
10. *Ларионова, Е. В.* Новейшие англицизмы в современном русском языке (на материале общественно-экономической лексики): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. В. Ларионова; Моск. пед. гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Москва, 1993. – 16 с.
11. *Романов, А. Ю.* Англицизмы и американизмы в русском языке и отношение к ним / А. Ю. Романов. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. – 152 с.
12. *Мартинек, В. Ю.* Лексико-семантическая ассимиляция английских заимствований в русском литературном языке советской эпохи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10660 / В. Ю. Мартинек; Днепропетровский гос. ун-т им. 300-летия воссоединения Украины с Россией. – Днепропетровск, 1972. – 24 с.
13. *Хомич, А.* Языковые средства адаптации англицизмов в русскоязычных социальных сетях / А. Хомич // Материалы ежегодной научной конференции студентов и магистрантов ун-та, 18–19 апр. 2019 г.: в 4 ч. / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2019. – Ч. 2. – 256 с. – С. 81–82.
14. *Арлоў, У.* Паром празь Ля-Манш: вершы / У. Арлоў. – Мінск : Логвінаў, 2006. – 156 с.
15. *Арлоў, У.* усё па-ранейшаму толькі імёны змяніліся: вершы / У. Арлоў. – Мінск : Логвінаў, 2009. – 104 с. – (Кнігарня “Наша Ніва”).
16. *Сівец, Т.* Разняволенасць: вершы, пераклады, паэма / Т. Сівец. – Мінск : Звязда, 2016. – 160 с.
17. All That Jazz (песня) [электронный ресурс]. – Режим доступа : [https://ru.wikipedia.org/wiki/All_That_Jazz_\(песня\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/All_That_Jazz_(песня)). – Дата доступа : 18.07.2020.
18. Весь этот джаз (All That Jazz) [электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://citaty.info/movie/ves-etot-dzhaz-all-that-jazz>. – Дата доступа : 18.07.2020.
19. *Сівец, Т.* Разняволенасць: вершы, пераклады, паэма / Т. Сівец. – Мінск : Звязда, 2016. – 160 с.

Трапіла ў рэдакцыю 21.06.2022.

Богдан Алена Іосіфаўна

кандыдат філалагічных навук,
старшы навуковы супрацоўнік
сектара гісторыі беларускай літаратуры
Цэнтра даследаванняў беларускай культуры,
мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі
навук Беларусі
г. Минск, Беларусь

Alena Bohdan

PhD in Philology, Senior Researcher
Department of the History
of Belarusian Literature
Center for Research of Culture,
Language and Literature of the National
Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus
lenabogdan007@gmail.com

“WOJNA MOSKIEWSKA WZNIECONA I PROWADZONA Z OKAZJI
FAŁSZYWYCH DYMISTRÓW OD 1603 DO 1612 R.” ІОСИФА БУДЗИЛЫ:
ГІСТОРЫЯ ўЗНІКНЕННЯ І МАСТАЦКІЯ АСАБЛІВАСЦІ ПОМНІКА

“WOJNA MOSKIEWSKA WZNIECONA I PROWADZONA Z OKAZJI
FAŁSZYWYCH DYMISTRÓW OD 1603 DO 1612 R.” BY JOSEF BUDYLO:
HISTORY OF CREATION AND ARTISTIC FEATURES
OF THE MONUMENT

Артыкул прысвечаны аналізу гісторыі ўзнікнення і існавання вядомага, але маладаследаванага ў сучасным беларускім літаратуразнаўстве твора XVII ст. – “Wojna moskiewska...” І. Будзілы. Даказваецца, што гэты помнік эпохі Барока з’яўляецца выдатным мастацкім творам і рарытэтнай гістарычнай крыніцай аб грамадска-палітычным жыцці ў Рэчы Паспалітай і Расіі на працягу 1607–1613 гадоў.

К л ю ч а в ы я с л о в ы : *мемуары; рукапіс; летапіс; барочная эстэтыка; гістарызм; дакумент; белетрыстыка.*

The article is devoted to the study of the history of the creation and existence of the well-known work of the 17th century – “Wojna moskiewska...” by I. Budylo which is not fully examined in modern Belarusian literary criticism. The article proves that this monument of the Baroque period is an excellent work of art and a rare historical source about social and political life in Rzeczpospolita and Russia in during 1607–1613.

Key words: memoirs; manuscript; annals; aesthetics of the Baroque; historicism; document; fiction.

Цікавым і разам з тым маладаследаваным помнікам беларускай мемуарнай прозы эпохі Барока з’яўляецца “Wojna moskiewska wzniecona i prowadzona z okazji fałszywych Dymitrów od 1603 do 1612 r.” Іосіфа Будзілы – чалавека, які, будучы прафесійным ваенным, аказаўся ў цэнтры падзей рускай Смуты і які па чарзе служыў кіраўнікам абодвух варагуючых бакоў.

І. Будзіла (дата нараджэння невядома) паходзіў з заможнай шляхецкай сям’і Мазырскага павета. Вайсковую кар’еру ён пачаў як харунжы, затым атрымаў чын каралеўскага палкоўніка. З 2 верасня 1607 г. па снежань 1610 г. Іосіф служыў Лжэдзімітрыю II, прычым адыгрываў значную ролю ў лагерах царыка. Пасля яго гібелі гусар змагаўся ў войску Яна Пятра Сапегі (удзельнічаў у ўзяцці Перамышля, Ліхвы, Масквы і г.д.), а калі ўсвяцкі стараста

памёр (кастрычнік 1611 г.), шляхціц наняўся да караля Жыгімонта III і разам з Мікалаем Струсем узначаліў яго гарнізон (студзень 1612 г.), размешчаны ў Маскве. Падчас асады рускай сталіцы палкоўнік вёў перамовы з кіраўнікамі другога апалчэння, якія закончыліся капітуляцыяй каралеўскага войска (6 лістапада 1612 г.). Пасля здачы Масквы І. Будзіла пэўны час жыў у сталіцы пад аховай Д. Пажарскага, затым – у зняволенні ў Ніжнім Ноўгарадзе, адкуль быў вызвалены згодна з умовамі Дэўлінскага перамір’я (1618) і ў 1619 г. вярнуўся на Радзіму.

Іосіф Будзіла быў жанаты з заможнай шляхцянкай Ядвігай Халецкай. Звестак аб дзеях з гэтага шлюбу няма.

Памёр І. Будзіла пасля 1619 г.

Падчас знаходжання ў Расіі харунжы вёў нататнік, дзе фіксаваў прыватныя ўражанні ад пабачанага і перажытага. Вярнуўшыся ў Рэч Паспалітую, шляхціц літаратурна апрацаваў свой дзённік: пашырыў яго храналагічныя рамкі і дапоўніў уласны тэкст запіскамі яшчэ аднаго аўтара, магчыма, свайго ад’ютанта. Такім чынам узніклі мемуарныя ўспаміны І. Будзілы аб падзеях 1603–1613 гг., вядомыя ў сусветнай літаратуры пад дзвюма назвамі: “*Wojna moskiewska...*” і “*Historya Dmitra fałszywego*”. Праўда, у першым тытуле помніка ўказаны іншы перыяд: 1603–1612 гг.

Сёння арыгінал рукапісу І. Будзілы захоўваецца ў Расійскай нацыянальнай бібліятэцы ў Санкт-Пецярбурзе пад шыфрам: Pol. F. IV 33.

Упершыню мемуары І. Будзілы надрукаў М. Каяловіч у 1872 г. у Санкт-Пецярбурзе пад назвай: “Дневникъ событій, относящихся къ Смутному времени (1603–1613 гг.), извѣстный подъ именемъ Исторіи ложнаго Димитрія (*Historya Dmitra fałszywego*)” [1]. Сваю публікацыю гісторык ажыццявіў на аснове манускрыпта № 33 (пачынаўся з л. 20) са зборніка рукапісаў Імператарскай Публічнай бібліятэкі пад шыфрам F IV і тытулам: “*Historya Dmitra fałszywego*”. Менавіта адсюль і з’явілася другая назва твора, прычым, як і першая, даволі ўмоўная ў дачыненні да яго.

М. Каяловіч апублікаў дзённік І. Будзілы на рускай мове з адначасовым аднаўленнем польскамоўнага арыгінала ў падрадкаўніку перакладу. Асобныя фрагменты рускага варыянта твора, што могуць быць незразумелымі чытачу, даследчык аздобіў словамі-тлумачэннямі, якія падаў у квадратных дужках. Таксама ў іх гісторык аднавіў пропускі тэксту і нечытальныя словы, у некаторых выпадках адзначыўшы іх пыталнікам. У польскамоўным жа варыянце аналагічная інфармацыя адноўлена ў круглых дужках. Сваю публікацыю мемуараў гусара М. Каяловіч аздобіў наступнымі дадаткамі: 1) заўвагі; 2) храналагічны паказальнік; 3) спіс дакументаў, адноўленых у выданні; 4) паказальнікі асабістых і геаграфічных імён.

Нароўні з пералічанымі станоўчымі момантамі, выданне М. Каяловіча мае асобныя хібы. Так, навуковец не ўказаў прозвішчы аўтара дзённіка і перакладчыка твора на рускую мову, памылкова расчытаў асобныя выразы з нататніка і г.д. Аднак самым важным недахопам публікацыі М. Каяловіча з’яўляецца выданне ўспамінаў І. Будзілы не цалкам, а ўрыўкамі, прычым без

адпаведных заўваг. Выключэнне тут складаюць толькі дакументы, адноўленыя ў “*Wojna moskiewska...*”. Так, калі М. Каяловіч не друкуе іх у сваім варыянце дзённіка І. Будзілы, то робіць зноскі з указаннем месца знаходжання дакументаў у манускрыпце і крыніц іх апублікавання. Той факт, што ў выданні М. Каяловіча адсутнічаюць тыя ўрыўкі з мемуараў І. Будзілы, дзе аўтар надзвычай негатыўна расказвае пра тагачасных рускіх цароў і ўвогуле не крытыкуе абодвух самазваных Дзімітрыяў, дае магчымасць зрабіць выснову, што гісторык здзейсніў гэта па патрабаваннях цензараў.

Поўная версія запісак І. Будзілы была надрукавана ў 1995 г. ва Уроцлаве Я. Былінскім і І. Длугашам пад арыгінальнай назвай [2]. Выданне зроблена на аснове копіі XVIII ст. з бібліятэкі Чартарыйскіх (г. Кракаў): *Teki Naruszewicza*, sygn. 107 № 214, s. 665–790. Разам з тым для ўдакладнення спрэчных і нечытальных мясцін манускрыпта даследчыкі скарысталі прыватную карэспандэнцыю шляхціца з іншых папак бібліятэкі: *Teki Naruszewicza*, № 180, s. 525–530; № 192, s. 557–582; № 218, s. 829–830; № 245, s. 891–899; № 283, s. 1015–1017 [2, с. 31].

У манаграфіі Я. Былінскага і І. Длугаша тэкст успамінаў І. Будзілы заканчваецца лістом, падпісаным мазырскім харунжым ад імя палонных гусар (дата не ўказана) і перададзеным А. Радвану ў Ніжнім Ноўгарадзе 14 студзеня 1613 года. У выданні М. Каяловіча гэты дакумент адсутнічае, а мемуары І. Будзілы заканчваюцца іншым пісьмом, датаваным 14-м студзеня 1613 г.: лістом шляхціца “...зь тюрмы...” [1, стб. 356] да свайго караля з просьбай “...приписать случившееся съ нами обычному перевороту судьбы, смотрѣть на насъ милостивыми, благодарными королевскими глазами, немедленно освободить насъ, не дать намъ изгибнуть...въ этомъ горѣ и заключеніи...” [1, стб. 363].

“*Wojna moskiewska...*” І. Будзілы ўмоўна можна падзяліць на дзве часткі. Першая з іх выконвае ролю своеасаблівага ўступу-тлумачэння і падрыхтоўвае чытача да ўспрымання далейшай інфармацыі. Тут аўтар каротка расказвае пра падзеі 1603–1607 гг., прычым галоўную ўвагу канцантруе на “цудоўных” выратаваннях ад смерці спачатку царэвіча Дзімітрыя ў Углічы (1591), потым – цара Дзімітрыя ў Маскве (1606), і дэталёва аднаўляе ход допыту грамадзян Рэчы Паспалітай пасля забойства першага самазванца.

Другая частка – непасрэдна дзённік І. Будзілы аб пабачаным і перажытым гусарам у Масковіі. Яна пачынаецца з падзей 2 верасня 1607 г. – дня, калі мазырскі харунжы з’явіўся ў лагеры Лжэдзімітрыя II, – і заканчваецца падзеямі 14 студзеня 1613 г. – днём, калі І. Будзіла перадаў А. Радвану ліст таварыства. Асноўны змест раздзела складаюць падрабязныя апаведы шляхціца пра з’яўленне ў 1607 г. у Старадубе Северскім Лжэдзімітрыя II (Андрэя Нагога), арганізацыю Тушынскага лагера, уцёкі растрыгі ў Калугу, асаду Масквы, фарміраванне апалчэнняў, капітуляцыю сталічнага гарнізона (1612) і інш.

Працуючы над гэтай часткай дзённіка, І. Будзіла выкарыстаў асобныя фрагменты з першай і, як гаварылася вышэй, уключыў у яе нататкі яшчэ аднаго аўтара. Апошняя ў значнай ступені абумоўлена тым, што харунжы лічыў сябе летапісцам падзей Смуты ў Расіі і таму не бачыў розніцы паміж сваімі і чужымі як перажываннямі, так і ўспамінамі пра гэтыя аднолькавыя падзеі рэчаіснасці. Па аналагічнай прычыне І. Будзіла ўключыў у абодва раздзела свайго нататніка вялікую колькасць розных дакументаў. Сярод іх – граматы і пасланні абодвух растрыв да наёмнікаў і народа; інструкцыі; лісты канфедэратаў да караля і яго – да таварыства; перапіска Д. Пажарскага з І. Будзілам і інш. Усе яны надаюць мемуарам гусара надзвычайную дакладнасць і аб’ектыўнасць, асабліва ў тых выпадках, калі аўтар прыводзіць іх у якасці пацверджання ўласных высноў, зробленых у тэхсце. Разам з тым уключэнне пісьменнікам арыгінальных дакументаў у дзённік робяць яго каштоўнай крыніцай па гісторыі Расіі і Рэчы Паспалітай пачатку XVII ст., і, канешне, – абодвух *...fałszywych Dymitrów...*, што на працягу 1603–1610 гг. выдавалі сябе за малодшага сына Івана IV. Але, нягледзячы на аўтарскае ўказанне ў тытуле помніка на самазванства абодвух царыкаў, непасрэдна ў тэхсце ніводзін з іх прама не называны фальшывым. Так, Лжэдзімітрыя I мемуарыст называе *Dymitr carowicz*, *Dymitr* і зрэдку – *car*; Лжэдзімітрыя II – *car*, часам – *Dymitr* і толькі аднойчы, у канцы нататніка, – *...Dymitrem drugim...* [2, с. 149].

Галоўная прычына, па якой Іосіф не называе ў творы абодвух Дзімітрыяў растрывамі, звязана з барокавай эстэтыкай і яе асаблівасцямі ўспрыняцця акаляючай рэчаіснасці. Згодна з ёй, чым незвычайней выглядае гісторыя, тым больш верагоднай яна здаецца і слухачам, і чытачам. Так, шляхціц разумее, што людзі, якія выдавалі сябе за царскага сына Дзімітрыя, на самой справе былі авантурыстамі. Аднак, не маючы адназначных і пераканаўчых доказаў іх ашуканства, ён дапускае думку аб “цудоўным” выратаванні Дзімітрыяў, прычым – двойчы. Менавіта таму абедзве гэтыя гісторыі гусар падае ў дзённіку не ад свайго імя і не як іх сведка, а ў выглядзе сповядзі галоўнага героя спачатку князю Адаму Вішнявецкаму, потым – *podstępnemu władcy państwa naszego Borysowi Hodunowi...* [2, с. 39].

Другая прычына, з-за якой Іосіф у “*Wojna moskiewska...*” называе свайго героя *car* ці *Dymitr*, абумоўлена імкненнем мемуарыста пазбегнуць абвінавачванняў у падтрымцы самазванца і паказаць, што на працягу 1607–1610 гг. гусар служыў не нейкаму авантурысту, а каранаванаму рускаму цару. Але пазней, перажыўшы ў тым ліку жахі палону ў Ніжнім Ноўгарадзе, І. Будзіла па-іншаму ацэньвае гэтых персанажаў: ён не толькі называе герояў фальшывымі, але і сцвярджае, што з-за іх *...wzniesiona i prowadzona...* Маскоўская вайна, аб чым яскрава сведчыць тытул яго дзённіка.

Як адзначана вышэй, тэрмін *дзённік* у адносінах да “*Wojna moskiewska...*” І. Будзілы з’яўляецца даволі ўмоўным і па сутнасці тычыцца толькі другога раздзела твора. Так, першая частка помніка прадстаўляе з сябе кароткія і схематычныя нататкі гусара пра падзеі 1603–1606 гг., ход якіх ён аднаўляе

суцэльным тэкстам, без вылучэння канкрэтных дзён і месяцаў, а асноўную ўвагу канцантруе на факце іх здзяйснення. Менавіта таму галоўнае месца ў раздзеле “*In Anno 1604*” [2, с. 38] займае ліст царэвіча Дзімітрыя да цара Барыса. Прычым М. Каяловіч, у адрозненні ад Я. Былінскага і І. Длугаша, не змяшчае яго ў выданні, а толькі робіць зноску з указаннем месца знаходжання пісьма (лл. 20–22 рукапісу) і наяўнасці яго рускамоўнага варыянта ў манаграфіі М. Кастамарава “Смутное Время Московского государства” (т. 1, с. 127–131). Са свайго боку М. Кастамараў, хоць і аднаўляе названы дакумент, не лічыць яго арыгінальным: “...письмо...или подложное, или вероятно испорченное неверным переводом и вставками...” [3, с. 100].

Ітак, гэты ліст, размешчаны І. Будзілам амаль у самым пачатку мемуараў, выконвае ролю своеасаблівай даведкі-тлумачэння абставін вырашвання царэвіча Дзімітрыя ў Углічы ў 1591 г. ад забойства па загаду вяльможы Барыса Гадунова. Яшчэ адна функцыя, якую выконвае пісьмо ў творы, – падрыхтоўка чытача да чарговага вырашвання царскага сына ад гібелі ў Маскве ў 1606 г. Прычым Іосіф асобна адзначае, што і ў першым, і ў другім выпадках Дзімітрый пазбег смерці дзякуючы дапамозе Бога. Такія аўтарскія тлумачэнні падзей рэчаіснасці з рэлігійнага пункта гледжання ўвогуле з’яўляюцца характэрнай асаблівасцю ўсёй “*Wojna moskiewska...*”: ...*Pan Bóg go cudownie...od śmierci wybawił...* [2, с. 37], ...*Pan Bóg ich harde myśli...rozproszył* [2, с. 75], ...*za pomocą Bożą rozgromieni...* [2, с. 75], ...*za Bożą pomocą zwycięstwo otrzymaliśmy...* [2, с. 76] і г.д.

Характар класічнага дзённіка ўспаміны І. Будзілы набываюць толькі з 2 верасня 1607 г. Менавіта з гэтага часу аўтар падае інфармацыю ў форме падарожных нататак з указаннем даты (год, месяц, дзень; праўда, не заўсёды) канкрэтнай падзеі: *Tegoż roku i miesiąca 23 ruszył się car do Bielewa, do którego przyszedł 26 Octobra. Tegoż roku i miesiąca 27 nazad do Karaczewa ruszył, pod któregośmy przyszli 29 Octobra* [2, с. 72]. Прычым шляхціц карыстаецца як свецкай, так і рэлігійнай (“прывязвае” падзею да царкоўнага свята) сістэмамі летазлічэння: ...*w roku 1607, o dziesiątym piątku po Wielkiej Nocy święta ruskiego...* [2, с. 70], *Tegoż dnia...* [2, с. 73], *W tymże roku 24 Iunii o sw. Janie...* [2, с. 75], ...*nazajutrz w dzień Bożego Narodzenia 25 Decembris...* [2, с. 111]. Аднак, нягледзячы на разнастайнасць сістэм датавання, назвы месяцаў гусар падае на лацінскай мове: “...*Ianuarii 16...*” [2, с. 73], “...*30 Martii...*” [2, с. 73].

Апісваючы ў другой частцы мемуараў ход падзей рэчаіснасці, І. Будзіла час ад часу спыняе расказ на некалькі дзён і нават месяцаў, парушаючы такім чынам храналагічны прынцып падачы інфармацыі. Амаль правілам гэта становіцца з сакавіка 1610 г.: мемуарыст перарывае нітку паслядоўнага апаведу не толькі тым, што спыняе яго на пэўны перыяд, але таксама сваімі забегамі наперад і вяртаннімі назад. Так, калі аўтар расказвае пра здарэнні 24 красавіка 1610 г., ён вяртаецца да падзей 7 красавіка 1610 г. і г.д. Храналагічны беспарадак у групойцы фактаў шляхціц дапускае найперш для таго, каб падцвердзіць канкрэтнымі прыкладамі ўласныя меркаванні

і высновы, зробленыя ў тэксце. Трэба заўважыць, што парушэнні паслядоўнасці выкладу матэрыялу ёсць таксама і ў тых выпадках, калі мемуарыст апісвае падзеі не адразу пасля іх здзяйснення, а праз нейкі час, ведаючы ўжо іх вынік.

Аналізуючы другую частку помніка, неабходна адзначыць таксама і тое, што тут аўтар змяняе не толькі форму падачы інфармацыі, але і стыль: вядзе аповед ад трэцяй асобы, як у папулярных тагачасных мемуарах “*Początek i progres wojny moskiewskiej za panowania króla Jegomości Zygmunta III, za regimentu JMP. Stanisława Żółkiewskiego, wojewody kijowskiego, hetmana polnego koronnego*”. Улічваючы гэта, а таксама малалікасць біяграфічных звестак аб І. Будзіле, можна зрабіць выснову, што харунжы падчас працы над сваім дзённікам арыентаваўся на творчую манеру кароннага гетмана, выкарыстоўваючы яе ў якасці літаратурнага ўзору. Праўда, калі С. Жалкеўскі пазбягае у творы ўсхвалення сябе за атрыманыя перамогі падчас Маскоўскай выправы, то І. Будзіла, наадварот, пастаянна звяртае ўвагу чытача менавіта на іх. Апошняе невыпадкова: пражыўшы ў няволі да 1618 г., шляхціц цешыў сябе ўспамінамі аб 1607–1612 гг. – часе, калі ён адыгрываў даволі значную ролю ў грамадска-палітычным жыцці Расіі і Рэчы Паспалітай, і калі ад яго рашэнняў залежаў лёс народаў абедзвюх краін.

Яшчэ адна характэрная асаблівасць мастацкага стылю “*Wojna moskiewska...*” І. Будзілы – наяўнасць у творы шэрага надзвычай эмацыянальных аповедаў, напоўненых экспрэсіўнасцю і пачуццёвасцю (успаміны пра Болахайскую бітву, ганібалізм у Маскве, выратаванне харунжага ад гібелі ў Ніжнім Ноўгарадзе і г.д.). Ва ўсіх іх шляхціц выяўляе сябе ўмелым апавядальнікам, які можа не толькі зацікавіць чытача прыватнымі назіраннямі і ўражаннямі ад іх, але і скалыхнуць яго ўяўленне рознымі жахамі рэчаіснасці, адзін з якіх – ганібалізм у Маскве.

Мемуарыст надзвычай рэалістычна і натуральна расказвае аб тым, як у гарнізоне, асаджаным у Крамлі, пачаўся голад, што вельмі хутка перарос у ганібалізм. Апісваючы фізічныя пакуты гусар з-за нястачы ежы і размаўляючы пра іх дзікія ўчынкі з-за невыноснага голаду, І. Будзіла выкарыстоўвае трапныя мастацкія дэталі, з дапамогай якіх яшчэ больш узмацняе трагізм сітуацыі, у якой ён апынуўся разам са сваімі таварышамі: *...ale skoro chleb wyszedł, siłę brał głód, nie tylko nogi, ale i ręce służyć natenczas nie chciały...* [2, с. 151], *Nastąpiła zatem rzadko słychana a przynajmniej skryta u nas prawie jawna samojedz...Czym niemała część ludzi odeszła, gdy nie tylko żywum, ale i w ziemi leżącym trupom nie przepuszczano...* [2, с. 168–169].

Мастацкасць “*Wojna moskiewska...*” І. Будзілы надаюць і разнастайныя метафары, умела выкарыстаныя аўтарам ва ўспамінах. Расказваючы пра ўцёкі татар з поля бітвы, пісьменік заўважае: *...im o skórę szło...* [2, с. 102], *Wziąć tam, gdzie nie masz, ręka ludzka nie może* [2, с. 126], *...koło szczęścia naszego opak się wywróciło...* [2, с. 165] і інш. У выніку такія па-мастацку тонкія апісанні шэрага драматычных карцін вайны нароўні з падрабязным аднаўленнем жажлівых учынкаў гусар, здзейсненых дзеля выратавання ад

смерці, ствараюць у чытача ўражанне, што ён чытае не аматарскі дзённік аб падзеях XVII ст., а выдатны літаратурны, у пэўнай ступені белетрызаваны, мастацкі твор.

Такім чынам, “Wojna moskiewska...” І. Будзілы з’яўляецца вынікам літаратурнай апрацоўкі харунжым сваіх папярэдніх штодзённых нататак, зробленых па гарачых слядах падзей 1607–1613 гг., сведкам ці ўдзельнікам якіх ён быў. У сваім дзённіку шляхціц не толькі каларытна і эмацыйна апісаў, але і растлумачыў сутнасць асобных тагачасных грамадска-палітычных падзей, падмацаваўшы зробленыя высновы шэрагам дакументаў. Менавіта таму надзвычай рэалістычная і пераканаўчая “Wojna moskiewska...” І. Будзілы не мае аналагаў у сусветнай літаратуры і істотна вылучаецца сярод іншых твораў як з боку арыгінальнасці адноўленай інфармацыі, так і дасканаласці мастацкага стылю.

ЛІТАРАТУРА

1. Дневникъ событий, относящихся къ Смутному времени (1603 – 1613 гг.), извъстный подъ именемъ Исторіи ложнаго Димитрія (Historya Dmitra fałszywego) // Русская историческая бібліотека. – СПб., 1872. – Т. 1. – Стб. 81–364.
2. *Budziło, Józef.* Wojna moskiewska wzniecona i prowadzona z okazji fałszywych Dymitrów od 1603 do 1612 r. / Oprac. Janusz Byliński i Józef Długosz. – Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995. – 184 с.
3. *Костомаров, Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Исторические монографии и исследования / Н. И. Костомаров. – М. : Чарли, 1994. – 800 с.

Поступила в редакцию 08.08.2022

Пань Гаодзинь

магистр филологических наук,
аспирант кафедры зарубежной литературы
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Pan Gaojin

MA in Philology,
PhD Student of the Department
of Foreign Literature
Belarusian State University
Minsk, Belarus
2568674766@qq.com

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТЕОРИЯ С. Т. КОЛРИДЖА И Т. С. ЭЛИОТА: КОМПАРАТИВНЫЙ АСПЕКТ

S. T. COLERIDGE'S AND T. S. ELIOT'S LITERARY THEORY: COMPARATIVE ASPECT

В статье предпринята попытка сопоставительного анализа теоретических идей С. Т. Колриджа и Т. С. Элиота относительно роли Воображения и природы символа в контексте противоречивого и продуктивного взаимодействия поэтики модернизма и романтизма. Теория объективного коррелята Т. С. Элиота одновременно противоречит романтическому способу лирического переживания и согласуется с принципом негативной способности или имперсонализма поэта-романтика Д. Китса. Актуальность исследования связана с нарастающим интересом современного литературоведения к философским и эстетическим основам феномена творческого процесса, к языку концептуальных образов в поэтическом тексте, компаративному подходу в изучении романтического и модернистского стиля.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *С. Т. Колридж; Т. С. Элиот; символ/знак; воображение; эгоизм; имперсонализм; объективный коррелят; деперсонализация.*

The article represents an attempt of comparative analysis of T. S. Eliot's and S. T. Coleridge's theoretical ideas about Imagination and symbol in the context of complicated and productive interaction between the Romantic and Modernist poetics. T. S. Eliot's "objective correlative" theory is simultaneously in contradiction with the romantic lyrical passion and is connected with the "negative capability" (J. Keats) or impersonalism. The relevance of the research is associated with the deep interest of contemporary literary theory in studying the philosophical basis and aesthetic principles of the creation process, the language of conceptual imagery in poetic texts, as well as the comparative study and analysis of poetic styles of Romanticism and Modernism.

Key words: *S. T. Coleridge; T. S. Eliot; Symbol/Sign; Imagination; Egotism – Impersonalism; Objective Correlative; De-Personalization.*

Samuel Taylor Coleridge's literary theory is mainly embodied in the category of Imagination. In *Biographia Literaria* (1817), *Imagination* is defined as "esemplastic creative power", which blends and harmonizes natural and artificial components, makes art subordinate to nature, form subordinate to the content, and our admiration for the poet subordinate to our admiration for the poetry [1, p. 166].

Coleridge believes that an "extraordinary emotional state and an extraordinary order will form a beautiful and intelligent whole" under the combined effect of Imagination [1, p.167]. It is no exaggeration to say, that Imagination is the ability of artistic creation: it melts, decomposes, and disperses for the purpose of re-creation, it is essentially full of vitality, even if all objects are essentially fixed and dead [1, p. 159]. S. T. Coleridge's literary theory is centered on Imagination and the concept of symbol as a dynamic agent between literal and metaphorical

meaning of image (its external, visible form and the internal invisible essence). According to Coleridge's outlook, authors, characters, poetry styles and paragraphs, vocabulary, rhythm and logic, flowers, leaves, branches and trees – all combine into one Whole. He described literature through the categories of his theory of "organic unity" (or "divine Tetrad" ("Table Talk")), where the thesis ("I") and the antithesis ("World") can coexist mechanically (mesothesis) or are united organically (synthesis) [2, p. 155]. An ultimate manifestation of Imagination is the outburst of inspiration. The primary Imagination helps create the image of nature, the secondary Imagination recreates an image according to the ideal ("to idealize and unify"): "I divided imagination into the first and the second: the first imagination is the vitality and motive force of all human consciousness, and it is the repetition of the eternal creative activity in the infinite 'I exist' in the limited mind. The second imagination is the echo of the first imagination. It coexists with the conscious will" [1, p. 76].

The role of Imagination is shown in the following two aspects: on the one hand, the ability to imagine is an important tool for humans to perceive nature. Without it, things in the external world can only be a mess of things, and imagination can help us give shape and outline to external things. He believes that just storing and classifying sensory impressions will not lead to wisdom. On the contrary, only the wisdom of perception, first of all, makes this perception meaningful, and this is Imagination. On the other hand, imagination has the power of unity.

The best illustration of S. T. Coleridge's symbolic imagery is his poem *The Rhyme of the Ancient Mariner*. For example, the narration of the old sailor in this poem is full of images-symbols: *the bronze sky, the scarlet lips of the death lady, the pale skin of leprosy patients, the green sea, the body covered with cold sweat, the colorful snake body*. All of them leave a deep sensory impression, as if everything is vividly remembered [3, p. 33].

Coleridge showed with his rich imagination an old sailor and his crew, drifting on the vast sea without purpose, but controlled by some mysterious force [4, p. 46]. The mechanic existence in the world without living the life of the soul makes him an abstract person: people do not know where they set sail, where they are going, and they are unconsciously searching for some kind of wisdom that can transcend reality:

First Voice: 'But tell me, tell me! speak again,
Thy soft response renewing –
What makes that ship drive on so fast?
What is the ocean doing?'

Second Voice: Still as a slave before his lord,
The ocean hath no blast;
His great bright eye most silently
Up to the Moon is cast –

If he may know which way to go;
For she guides him smooth or grim.
See, brother, see! how graciously
She looketh down on him. PART VI (Line 1–12) [5, p. 48]

It is the existence of the absolute solitude of the old sailor that forces him constantly to find appropriate listeners to talk about his intuitively acquired experience, and each of his restatements is actually repeated again and again in his limited mind. The content of his narration will be reproduced in the listeners' minds, too. Although the personal experience of a fixed listener (reader) is limited, when this story is constantly repeated in the minds of different listeners (readers) at that time, the number of the listeners (readers) becomes infinite, and, consequently, the story of the old sailor becomes infinite as well.

T. S. Eliot's innovative literary ideas are mainly embodied in the theory of De-Personalization and the theory of the Objective Correlative. In the article *Tradition and the Individual Talent* (1919), he emphasized the importance of history in writing and understanding poetry. Redefining the notion of *tradition*, he believed, that poetry should be impersonal in nature, separate and different from human personality [6, p. 1]. Once this consciousness is reached, it will erase any traces of individuality from the poem, because the poet has become a pure medium of expression, which is the main aspect of the De-Personalization theory [6, p. 2]. In *Hamlet*, T. S. Eliot argued, the only way to express emotions in the form of art is to find an objective connection; in other words, a set of objects, situations, series of events, and these events should be constitute that particular formula of emotion [7, p. 6]. Therefore, when external facts that must end in sensory experience are given, emotions are immediately aroused [7, p. 7]. So, the concept of T. S. Eliot's symbol/sign is based on these two literary theories.

T. S. Eliot distinguished the poet's daily feelings from the artistic feelings expressed in his works, and suggested that poetry is not the indulgence of feelings, but the separation of feelings; poetry is not the expression of personality, but the separation of personality. This view clearly opposes the romantic trend of poetry that expresses the poet's emotions and publicizes his personality, which makes the focus of literary criticism shift from the poet to the work itself.

However, the objective correlative theory is not original. Looking back at the British literary theory in the 19th century, it is not difficult to find its origin in S. T. Coleridge. In fact, in some of Coleridge's critical works one can observe the early germination of the "objective ability" theory. In his theories about poets, geniuses and Shakespeare, the first germination of T. S. Eliot's objective correlative theory may be conceived. In Coleridge's view, poets are almost equivalent to geniuses, and they always possess the philosophical qualities of objectivity, impersonality, aiming to capture the entire universe. Shakespeare is Coleridge's model of genius. The first sign of objectivity in a poetic talent is that Shakespeare, for example, can perfectly handle writing topics that are far from his personal interests, environment, and experience, and then he can vividly and meticulously describe the content and emotions that are far from the poet's personal experience. Therefore, Coleridge praised Shakespeare for being able to avoid his own feelings as a poet completely – he was both a "painter" and an analyst of these feelings. Secondly, Coleridge used psychological empathy to describe the process by which a poet's ability of objectivity can be applied. Shakespeare, as an example, plunged

himself into various human characters and passions, and was a god of water and fire, like Proteus, with endless changes. Thus, the basic feature of the ability of objectivity is that the poet avoids personal emotions in his creation in order to achieve the effect of a vivid portrayal of things. Shakespeare's ability of objectivity enables him to turn himself into everything in his creation, and at the same time, he can objectify himself. In addition, Coleridge highly praised Shakespeare's ability to completely avoid personal feelings.

It can be said, that T. S. Eliot "was born" in S. T. Coleridge's discourse of poets' ability of objectivity. Coleridge emphasized, that poets should eliminate themselves to be able to penetrate into all things, and that artistic creation must transcend personal emotions, but S. T. Coleridge attributed this talent to the poet's own gifts and abilities. T. S. Eliot, however, focused on the natural generation of works of art. In other words, T. S. Eliot is concerned about the work of art itself, standing in the autonomous position: the poet's own emotions should be distinguished from the emotions expressed in art. He proposed the theory of the objective correlative, thus predicting the importance of the text itself with the advance of the age of criticism focused on the form and technique.

We can see the inner influence of Coleridge's theory of poetry on Eliot's poetic creation through the analysis of the latter's specific poetic symbols. T. S. Eliot's outstanding critical works are *The Sacred Wood: Essays on Poetry and Criticism*, *To Criticize the Critics*. His prominent poems *The Waste Land*, *Four Quartets* and other texts became the emblem of new modernist poetry.

In the poem "The Love Song of J. Alfred Prufrock", the poet begins with the evening no longer having a sense of beauty. The streets are semi-cold and boring, but the secluded resting place is bustling, noisy and disturbed; the restaurants are also full of oyster shells:

When the evening is spread out against the sky
Like a patient etherized upon a table;
Let us go, through certain half-deserted streets,
The muttering retreats
Of restless nights in one-night cheap hotels. (Line 2–6) [8, p. 115]

These descriptions are intentional in terms of making readers acquire unpleasant and uncomfortable associations and experience the ugly status quo of modern Western society. In this poem, the author also portrays the ugliness of the characters:

The yellow fog that rubs its back upon the window-panes,
The yellow smoke that rubs its muzzle on the window-panes,
Licked its tongue into the corners of the evening,
Lingered upon the pools that stand in drains,
Let fall upon its back the soot that falls from chimneys,
Slipped by the terrace, made a sudden leap,
And seeing that it was a soft October night,
Curled once about the house, and fell asleep. (Line 15–22) [8, p. 120]

The description of these two days makes readers think that the women should be noble and elegant, because the topics they discuss are elegant. However, in the following lines of the poem, readers will realize that these women are artful, because they only pay attention to the appearance of men.

Eliot describes Prufrock's hesitation and repetition from beginning to end, expressing the confusion, loneliness, inferiority, frustration, and despair of the modern western social elite. The same things also happen in the *Waste Land*.

Many of the symbols in the *Waste Land* are all filled with darkness, negative, and pessimistic feelings on the surface. In Eliot's view, poetry should be both rational and emotional, that is, it should contain the unity of thought and feeling. Therefore, the poet should think, feel and experience the world at the same time. This is Eliot's creative application of Coleridge's poetic theory. The duality of stillness and movement, death and life further reflect Eliot's view of the coexistence of positive and negative contradictions in society [9, p. 12].

Coleridge's discourse of imagination seems to have become the scripture for modern critics. They borrowed various ideas from Coleridge's theories and defined poetry as an organic whole composed of various opposing factors coordinated with each other, thus providing powerful theoretical support for modernist poetry [10, p. 22]. Coleridge's Imagination harmonizes not only the factors that belong to the poet's mind or the factors that belong to the structure of the work, but it unifies the poet's mind, the structure of the work and the reader's feelings. Eliot uses the mythological metaphor to show that human beings can only be saved and reborn by the fire of purgatory, which is arranged by God's love. Eliot's poetry is a successful combination of the late symbolism and the perception of the symbol in its complexity, ambiguity and contradiction [11, p. 363].

The Impersonalization theory is inseparable from the theory of the objective correlative. Eliot believes that poetry is not about indulging one's emotions, but escaping those emotions, not expressing individuality, but avoiding individuality. In order to escape the poet's own personality, the poet must use a set of things, a series of events in a suggestive or symbolic way to express his emotions. According to this theory, Eliot used a lot of allusions in his poems and created a lot of intentions to express the decadence, loneliness, despair, grim mental state and spiritual outlook of modern westerners, and to express the ugly status quo and beliefs of modern western society.

Eliot's objective correlative theory can be traced back to the British 19th century poet Coleridge's theory of objectivity and the poet's viewpoint on objective description. Coleridge's presentation of Shakespeare as the ideal of an objective poet with a creative ability of an omnipresent artist, free from personality in his objective description of the whole world, influenced Eliot's objective correlative theory. The belief that Imagination can make art subordinate to nature is a distinctive feature of Coleridge's influence on Eliot's poetry. The symbols in Eliot poems *The Waste Land* fully demonstrate this. Eliot tries to find the stationary point in the spinning of time, because, he believes, the past, present, and future are combined at that point, people are reborn in the coexistence of life

and death, and are created in a world without time. In this way, Eliot expressed the idea that humanity needs to find meaning, salvation from the present and the eternity of time.

The modernist principal reform of Romanticism was reflected in the radical refusal of the direct lyrical voice of the poet in the text (De-Personalization as the high demonstration of objective truth in art). The movement from Romantic egotism as the principle mode of lyrical passion, emanating from the personal feeling and thought of the poet's "I" ("The Preface" of S. T. Coleridge's *Poems* (1795)) to J. Keats's impersonalism (his demand of "negative capability" – the poet's refusal of the personal voice of "I" (*Letters*, 1817)) anticipated the ideas of T. S. Eliot.

LITERATURE

1. *Coleridge, S. T. Biographia Literaria* / S. T. Coleridge – London: J. M. Dent, 1906. – 232 p.
2. *Barth, J. R. The Symbolic Imagination: Coleridge and the Romantic Tradition* / J. R. Barth – Princeton: Princeton University Press, 1977. – 210 p.
3. *Jenkins, P. M. Coleridge's Literary Theory: The Chronology of its Development, 1790–1818* / P. M. Jenkins – Fairfield: Fairfield University Department of English, 1984. – 256 p.
4. *Bodkin, M. A Study of "The Ancient Mariner" and of the Rebirth Archetype* // M. Bodkin – From Archetypal Patterns in Poetry: Psychological Studies of Imagination. – London: OUP, 1934. – 198 p.
5. *Coleridge, S. T. Verse & Prose* / S. T. Coleridge – M.: Progress, 1981. – 268 p.
6. *Eliot, T. S. Tradition and the Individual Talent* / T. S. Eliot. [Electronic Resource]. Mode of access : <https://www.poetryfoundation.org/articles/69400/tradition-and-the-individual-talent>. – Date of access : 10.12.2021.
7. *Eliot, T. S. Hamlet* / T. S. Eliot [Electronic Resource]. – Mode of access : <https://www.poetryfoundation.org/articles/69399/hamlet>, 2009. – Date of access : 08.12. 2021.
8. *Eliot, T. S. Collected poems* / T. S. Eliot. – San Diego: Harcourt Brace Jovanowich Publishers. – 345 p.
9. *Eliot, T. S. A Collection of Critical Essays. Ed. by Hugh Kenner* / T. S. Eliot – Englewood Cliffs. N. J. 1962.
10. *Ambler, N. T. S. Eliot. Four Quartets: The Sign and the Symbol* [Electronic Resource] / N. Ambler. – Mode of access : <http://www.literature-study-online.com/essays/eliot.html>. – Date of access : 12.12.2021.
11. *Allan, M. T. S. Eliot's Impersonal Theory of Poetry* / M. Allan – Journal of Aesthetics and Art Criticism. – Lewisburg, 1975. – № 3. – Vol. 33. – P. 363–364.

Поступила в редакцию 12.08.2022

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 4 (119), 2022

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *В. М. Василевская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 29.08.2022. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 8,14. Уч.-изд. л. 8,60. Тираж 100 экз. Заказ 34.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172